

Как влияют родители на трудовые ценности детей: использование алгоритма объединения данных для расширения интерпретативных возможностей анализа

Г.К. Балашова

Объединение файлов SPSS применяется обычно, если ввод данных распределен по нескольким исполнителям или в лонгитюдном исследовании, в ходе которого обеспечивается единая нумерация единиц наблюдения в разные периоды. Исследователи редко используют возможность объединять данные, когда единицы наблюдения организуются в социальные ячейки.

Широко распространено и, видимо, не без оснований, убеждение, что семья, являясь одним из важнейших социальных институтов, оказывает непосредственное влияние на процесс социализации индивида, в частности, на усвоение им ценностей и норм. Однако в эмпирических исследованиях нормы и ценности, исповедуемые родителями и детьми, редко сравниваются между собой непосредственно, а рассматриваются раздельно¹. Чаще обращаются к феноменам влияния на младшее поколение типа семьи², её социального и социокультурного статуса³, стиля воспитания и эмоционально-психологического климата в семье⁴.

Балашова Галина Кимовна — старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

¹ Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Сабитова Г.В. *Московская семья 2006: информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования*. М.: ГНИИ семьи и воспитания, 2007; Гурко Т.А. *Родительство: социологические аспекты*. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003; Дементьева И.Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2004. № 6–7.

² Гурко Т.А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей // *Социологические исследования*. 1996. № 3.

³ Башманова Е.Л. Социальная стратификация как атрибут пространства воспитания и фактор социализации учащихся // *Образование и наука*. 2011. № 7. С. 86–106; Arnett J.J. Broad and Narrow Socialization: the Family in the Context of a Cultural Theory // *Journal of Marriage and the Family*. 1995. Vol. 57. № 3.

⁴ Лежнина Ю.П. Семья в ценностных ориентациях // *Социологические исследования*. 2009. № 12; Пармон Э.А. *Нравственно-психологический климат семьи и его влияние на формирование личности*. Минск: Знание, 1988.

Сложность изучения детерминации ценностных ориентаций подростков не столько социально-стратифицированными условиями воспитания, сколько разделяемыми самими родителями ценностями и нормами, состоит в первую очередь в организации сбора данных и самих собранных данных. Необходимо провести одновременный опрос подростков и их родителей, обеспечив сквозную нумерацию не только отдельных анкет респондентов, но и сквозную нумерацию семей, которым принадлежат респонденты.

Эта работа была проведена в рамках исследовательского проекта «Анализ влияния трудовых ценностей нуклеарной родительской семьи и стиля поведения родителей на трудовые ценности и ценности-свойства студентов» в марте-июне 2011 г. В. Сапожниковой, В. Захаровой и Е. Петровой. Ограничение выборки нуклеарными семьями было необходимо для отслеживания влияния именно родительских ценностей, а не ценностей других членов семьи, на ценностные трудовые ориентации студентов. Объем выборки составил 492 человека — 186 студентов и 306 родителей из 186 нуклеарных семей. Анкеты заполнялись респондентами независимо друг от друга; данные были собраны в двух базах — студенческой и родительской⁵.

Содержание блока вопросов по трудовым ценностям, т.е. высказываниям людей о том, что для них важно в работе, базировалось на списке из 15-ти пунктов, использовавшемся во Всемирном исследовании ценностей в 1990-е гг. (World Values Survey)⁶, сокращенном в последующие годы до 11-ти. Родителям и детям задавались одинаковые вопросы о приоритетности для них следующих трудовых ценностей, с ограничением наиболее важных из них пятью (полный список приведен в таблицах приложения).

Популярность отдельных трудовых ценностей рассматривалась во Всемирном исследовании ценностей на различных демографических подмассивах, однако прямое сопоставление значимости ценностей для родителей и их детей не проводилось.

Некоторым затруднением для пользователей SPSS в исследовании влияния родителей на отношение к ценностям труда их детей с исполь-

⁵ Студенты (и семьи) для опроса отбирались в шести московских университетах, три из которых имели высокие позиции в рейтинге, опубликованном на Федеральном портале «Российское образование» (Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова — МГУ, Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана — МГТУ, Государственный университет управления — ГУУ), а другие три — низкие позиции (Московский государственный университет природообустройства — МГУП, Московский государственный агроинженерный университет им. В.П.Горячкина — МАУ, Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства — МГАКХиС).

⁶ *Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // *Российский журнал менеджмента.* 2006. Т. 4. № 4. С. 45–74.

зованием двух анкет является слияние данных в единую базу, которое требует выполнения определенного алгоритма действий.

Шаг 1. Разделение родительской базы данных на материнскую и отцовскую (по переменной пола).

Шаг 2. Переименование переменной с номером семьи в трех базах данных в переменную с одинаковым именем (в случае необходимости).

Шаг 3. Переименование в отцовской и материнской базе данных имен остальных переменных (в отцовской базе в начало имени переменной вносятся, например, символы fa_, а в материнской базе – символы mo_).

Шаг 4. Предварительное упорядочение в трех файлах данных по ключевой переменной с номером семьи (начиная с 21-й версии SPSS, необходимость в этом отпадает). Необходимо, чтобы порядок следования значений в ключевых переменных обоих файлов был одинаков.

Шаг 5. Создание объединенной выборки с использованием ключевой переменной с номером семьи из трех баз данных – студенческой, отцовской и материнской). При помощи команды *Data → Merge files → Add variables (Добавление переменных)* переменные сначала из отцовского, а затем материнского файла присоединяются к имеющемуся студенческому массиву.

Сравнение результатов по отдельным и объединенным данным

На первый взгляд, судя по отдельным данным, приведенным в таблице 1, студенты и родители в равной мере разделяют лидирующую в большинстве стран мира триаду трудовых ценностей⁷. Оба поколения в качестве приоритета выбрали хороший заработок и высоко оценили значимость интереса к работе и наличие хороших товарищей по работе. Почти нет различий и между низкими оценками работе ответственной и уважаемой широким кругом людей. Таким образом, правдоподобно выглядит утверждение о влиянии семьи на формирование у нового поколения перечисленных пяти трудовых ценностей.

По отношению к другим трудовым ценностям ярко проявляют себя межпоколенческие и гендерные различия. Так, студенты в целом существенно ниже, чем их родители, оценивают важность надежности места работы (как важную ценность выделили гарантию занятости 33 % родителей и лишь 18 % молодежи), но для девушек отношение к этой ценности достаточно близко к её оценке матерями, если судить по разнице рангов.

Студенты существенно ниже, чем их родители, ценят важность полезности работы для общества (29 % родителей против 15 %), но отношение

⁷ Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51.

Различия в приоритетах трудовых ценностей между студентами

Трудовые ценности	Выбор ценности как приоритетной, %				
	Все студенты N=186	Студенты N=68	Студентки N=118	Отцы N=120	Матери N=183
Хороший заработок	89	88	89	93	87
Хорошие товарищи по работе	46	42	47	35	44
Интересная работа	77	71	78	53	61
Удобное время работы	27	26	28	25	23
Полезность работы для общества	15	20	12	25	32
Надежное место работы	18	15	20	38	30
Возможность общения с людьми	32	24	35	22	37
Ответственная работа	9	14	6	18	12
Отсутствие чрезмерного давления	28	20	32	25	34
Возможность продвижения	43	45	41	36	30
Возможность инициативы	19	27	14	31	22
Большой отпуск	17	23	14	18	26
Возможность чего-то достичь	40	30	45	41	23
Работа, уважаемая широким кругом людей	14	18	12	13	10
Соответствие работы способностям	23	17	26	26	29
ИТОГО:					

* Выделены случаи максимальной разницы в рангах значимости отдельных трудовых ценностей между соответствующими категориями.

юношей к этой трудовой ценности почти совпадает с отцовским отношением. Для юношей вообще характерно отвергать трудовые ценности, разделяемых матерями, за исключением отношения к важности большого отпуска.

Девушки, судя по разнице рангов важности ценностей труда, совершенно не разделяют пренебрежительного отношения своих матерей к возможности достижений в работе, в остальном же ранжируют трудовые ценности схожим с матерями образом, кроме общего, характерного для всего поколения, низкого оценивания полезности работы для общества как значимой ценности.

Однако, как показал дальнейший анализ, выводы о совпадениях и различиях оценок в отношении трудовых ценностей не всегда воспроизводятся на уровне отдельной семьи.

Таблица 1

и их родителями (по отдельным базам данных)

Ранг по важности					Разница между рангами (по модулю)							
					Между юношами и девушками	Студентов в целом		Студентов		Студенток		
Все студенты	Студенты	Студентки	Отцы	Матери		с отцом	с матерью	с отцом	с матерью	с отцом	с матерью	
1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	
3	4	3	6	3	1	3	0	2	1	3	0	
2	2	2	2	2	0	0	0	0	0	0	0	
8	7	8	9	11	1	1	3	2	4	1	3	
13	10	13	9	6	3	4	7	1	4	4	7	
11	14	10	4	7	4	7	4	10	7	6	3	
6	8	6	12	4	2	6	2	4	4	6	2	
15	15	15	13	14	0	2	1	2	1	2	1	
7	10	7	9	5	3	2	2	1	5	2	2	
4	3	5	5	7	2	1	3	2		4	0	2
10	6	11	7	13	5	3	3	1		7	4	2
12	9	11	13	10	2	1	2	4	1	2	1	
5	5	4	3	11	1	2	6	2	6	1	7	
14	12	13	15	15	1	1	1	3	3	2	2	
9	13	9	8	9	4	1	0	5	4	1	0	
					29	34	34	39	51	34	32	

При непосредственном сопоставлении отношения к приоритетности различных трудовых ценностей внутри семей высокая доля совпадений студенческих и родительских оценок относится лишь к ответственной работе, хорошему заработку и приносимому работой уважения широкого круга людей (см. рисунок). Совпадения же в оценках важности интересной работы, хороших товарищей по работе и возможности продвижения составляют не более половины.

Совпадение или несовпадение оценок приоритетности тех или иных ценностей не может являться свидетельством того, что на формирование структуры трудовых ценностей оказывает влияние именно семья. Так, совпадение оценок может и для родителей, и для их детей складываться под влиянием одного и того же источника, лежащего в сфере социума в целом. На первый взгляд, несовпадение оценок можно объяснить отсутствием связи между отношением к трудовым ценностям у молодежи и воспитанием в семье. Однако такое объяснение не учитывает, что воздействие родительского примера может быть и отрицательным. Напри-

мер, у ребенка отмечается фрустрированность в связи с невниманием одного из родителей к нему, связанным с увлеченностью работой или просто необходимостью высокой трудовой самоотдачи. В психике и сознании ребенка могут возникнуть предпосылки для переоценки этих трудовых ценностей, и это будет происходить под влиянием родительского поведения.

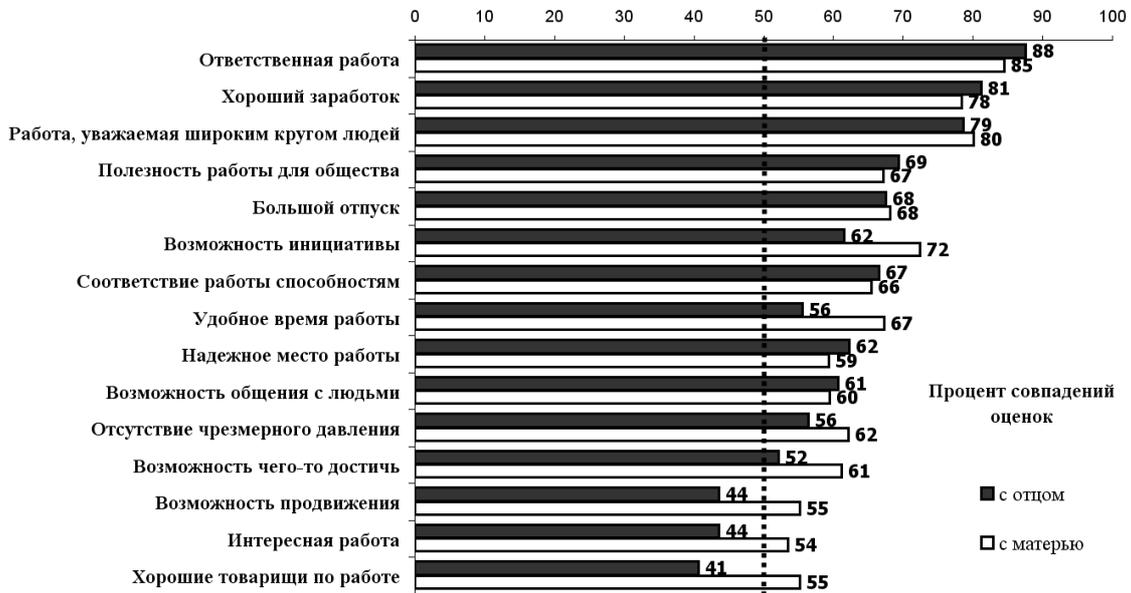

Рис. Доля совпадений оценок студентов с оценками их родителей о не/приоритетности трудовых ценностей.

Влияние семьи на формирование структуры трудовых ценностей представляется логичным выявлять посредством анализа корреляций между популярностью отдельных трудовых ценностей у родителей и молодежи внутри семьи. Кроме того, возможно проследить, связано ли восприятие молодым поколением стиля родительского поведения с уровнем согласия или несогласия с независимо измеренными родительскими трудовыми ценностями.

По результатам корреляционного анализа (см. таблицу 2) выявилась значимая прямая связь между оценками некоторых трудовых ценностей у юношей и их родителей. Так, нацеленность на социально значимый результат («уважение работы широким кругом людей») формируется у юношей под влиянием высокой оценки этой трудовой ценности у их отцов. А вот стремление снизить свою трудовую нагрузку («отсутствие чрезмерного давления») складывается у юношей под воздействием примера высокой оценки этой трудовой ценности у их матерей.

Связь между важностью трудовых ценностей у девушек и их матерей совершенно незначима. Что касается влияния отцовских трудовых ценностей на дочерей, то эта связь, если есть, носит обратный характер. Так, если отец высоко ценит возможность продвижения, то девушка, скорее всего, посчитает её для себя незначимой.

Таблица 2

Корреляция между оценками трудовых ценностей студентов и их родителей как приоритетных (по совместной базе данных семей)

Трудовые ценности	Студенты		Студентки		Отцы и матери	Все студенты с родителями	
	с отцом	с матерью	с отцом	с матерью		с отцом	с матерью
Хороший заработок	-0,09	-0,14	-0,11	0,02	-0,03	-0,10	-0,04
Хорошие товарищи по работе	-0,29*	-0,13	-0,15	0,15	-0,05	-0,20*	0,05
Интересная работа	-0,16	0,02	-0,23*	0,13	0,10	-0,20*	0,09
Удобное время работы	-0,24	0,08	-0,09	0,06	0,01	-0,14	0,07
Полезность работы для общества	0,12	-0,16	-0,02	0,13	-0,04	0,04	0,01
Надежное место работы	0,03	0,13	0,13	-0,14	-0,05	0,11	-0,05
Возможность общения с людьми	-0,06	0,22	-0,09	-0,08	0,01	-0,07	0,02
Ответственная работа	0,09	0,08	0,19	0,06	0,00	0,14	0,08
Отсутствие чрезмерного давления	0,09	0,27*	-0,20	-0,03	0,07	-0,11	0,07
Возможность продвижения	0,03	-0,01	-0,29*	0,07	0,05	-0,16	0,04
Возможность инициативы	0,10	0,00	-0,10	0,09	0,08	-0,02	0,07
Большой отпуск	-0,28	-0,03	0,00	0,14	-0,24*	-0,10	0,07
Возможность чего-то достичь	0,08	-0,06	-0,06	0,00	-0,03	-0,01	-0,03
Работа, уважаемая широким кругом людей	0,42*	0,15	-0,05	-0,02	0,10	0,12	0,06
Соответствие работы способностям	0,08	0,10	0,04	-0,06	0,04	0,08	0,00

* Корреляция значима на уровне 0.05 (двухсторонняя).

Что касается таких значимых в целом для большинства респондентов трудовых ценностей, как интересная работа и хорошие товарищи по работе, то связь между родительским и студенческим отношением к ним также носит обратный характер, причём именно как отказ от того, что дорого отцу. Так, для девушек интересная работа становится незначимой ценностью, если её высоко ставит её отец. В свою очередь, хорошие товарищи по работе становятся важной ценностью для сыновей, если отец эту ценность игнорирует.

Восприятие молодым поколением стиля родительского поведения⁸ измерялось на основе 10 оценок респондентов по шкале от -3 до +3 баллов (см. таблицу 3).

Стиль родительского поведения во многих случаях тесно связан с согласованностью или рассогласованностью восприятия родителями и их детьми трудовых ценностей как приоритетных (см. таблицу 4). Иногда корреляционный анализ не позволял выявить статистически значимую

⁸ *Стиль родительского поведения* — «совокупность способов и приемов общения родителя с ребенком, характеризующегося различной степенью динамизма и представляющего собой совместную с ребенком деятельность, определяющую личностные особенности ребенка и родителя» (Ильиных Ю.В. Стиль родительского воспитания как фактор формирования смысловой сферы старшего подростка: дис. ... канд. псих. н. М., 2004. С. 37.).

связь между отдельными критериями стиля родительского поведения и восприятия или отказа студентов от родительских ценностных трудовых приоритетов.

Таблица 3

Средние оценки молодежью
различных сторон стиля родительского поведения

Критерии	Среднее значение	Стандартная ошибка средней
Степень контроля за жизнью ребенка в целом	-1,06	0,161
Степень доверия родителей ребенку	-2,04	0,132
Уровень требовательности родителей	-1,25	0,164
Мог ли ребенок договориться с родителями о своих обязанностях	-1,74	0,173
Степень контроля родителей за кругом общения ребенка	-0,02	0,196
Уровень стремления родителей повлиять на решения ребенка	-0,71	0,217
Степень готовности родителей уделять время ребенку	-1,46	0,157
Уровень осведомленности родителей о времяпрепровождении ребенка и его увлечениях	-1,70	0,154
Оценка чуткости родителей к перепадам настроения ребенка	-1,73	0,153
Степень участия родителей в жизни ребенка в целом	-1,77	0,143

В этом случае для оценки статистической значимости различий в средних оценках стиля родительского поведения для различных позиций согласия или несогласия молодежи с независимо измеренным родительским отношением к отдельным трудовым ценностям дополнительно был использован более подробный однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена при $\alpha < 0,05$)⁹. Использование именно этой процедуры основано на двух предпосылках:

1) критерии, используемые при парных сравнениях (в частности, t-критерий Стьюдента), при множественных сравнениях завышают значимость различий и, следовательно, для определения статистической значимости различий в данном случае непригодны;

2) поскольку дисперсии сравниваемых групп, как правило, не равны, то в рамках однофакторного дисперсионного анализа чаще всего применяется критерий Тамхена.

Ниже кратко резюмируются результаты анализа того, как при различном восприятии некоторых критериев стиля родительского поведения

⁹ Для экономии места подробные таблицы в статье не приводятся, интересующиеся этим вопросом читатели могут запросить их у автора статьи. I-J фиксирует значимое отличие средних значений по критерию Тамхена.

значимо меняется *согласованность* в оценках популярности отдельных трудовых ценностей между студентами и их родителями.

Студенту становится неважна значимая для отца ценность *хорошего заработка*, если родители проявляли меньшую степень доверия к нему ($I-J = 0,573$). Студенту становится важна незначимая для отца ценность хорошего заработка, если родители проявляли меньшую готовность с ним общаться, уделять время ($I-J = 0,947$). Студент выражает высокую степень согласия с материнской позицией неважности хорошего заработка, если родители проявляли к нему максимальную степень доверия ($I-J = 1,231$) и всегда готовы были уделить ему время ($I-J = 1,765$).

Студент выражает несогласие с материнской позицией неважности *хороших товарищей по работе*, если высоко оценивает уровень чуткости к переменам своего настроения со стороны родителей ($p = -0,20$).

Оценки важности *интересной работы* отца и ребенка меняются на противоположные в зависимости от степени контроля и уровня требовательности родителей ($p = -0,20$ в обоих случаях). В свою очередь, уровень согласия с материнским отношением к важности или неважности интересной работы возрастает, если родители больше осведомлены о времяпрепровождении ребенка и его увлечениях ($p = 0,20$).

Чем большую чуткость к перепадам своего настроения со стороны родителей ощущает студент, тем реже его мнение, что *удобное время работы* — значимая ценность, совпадает с отцовским или материнским ($p = -0,27$ в обоих случаях). Кроме того, пренебрежение степенью важности или неважности для матери удобного времени работы усиливается, если родители выказывают более высокую степень доверия своему ребенку ($p = -0,19$).

Согласованность с материнским мнением, что высокая *полезность работы для общества* важна, студент проявляет тем чаще, чем выше он оценивает стремление родителей влиять на свои решения ($I-J = 3,182$) и одновременно чуткость с их стороны ($I-J = 1,440$).

Отношение к ценности *надежного места работы* тем чаще совпадает с мнением отца, что чем большую готовность уделять детям свое время со стороны родителей ощущает студент ($p = 0,21$).

Группа респондентов, где *ценность общения с людьми* на работе важна и для матери, и для ребенка, дает значимо более высокие оценки студентами степени участия родителей в своей жизни ($I-J = 1,158$).

Если и для отца, и для студента значимость *ответственной работы* высока, то существенно выше оценивается степень родительского контроля над кругом общения ребенка ($p = 0,21$).

Чем больше родители контролируют жизнь ребенка, тем чаще мнение студента о важности или неважности *отсутствия чрезмерного давления на работе* совпадает с материнским ($p = 0,23$).

Корреляция между оценками
и не/согласованностью оценок важности трудовых ценностей

Важность трудовых ценностей	Степень контроля за жизнью ребенка в целом	Степень доверия ребенку	Уровень требовательности	Мог ли ребенок договориться с родителями о своих обязанностях	Степень контроля за кругом общения ребенка
<i>Различия в оценках с отцом</i>					
Хороший заработок	0,14	-0,06	0,13	0,08	0,07
Хорошие товарищи по работе	-0,06	-0,07	-0,02	-0,09	0,01
Интересная работа	-0,21*	-0,03	-0,21*	0,07	-0,02
Удобное время работы	-0,06	-0,12	-0,09	-0,16	-0,02
Полезность работы для общества	0,15	0,02	0,04	-0,01	0,07
Надежное место работы	0,03	0,02	-0,07	-0,03	0,04
Возможность общения с людьми	-0,01	0,15	-0,16	0,05	-0,07
Ответственная работа	-0,02	-0,11	0,17	0,08	0,21*
Отсутствие чрезмерного давления	0,00	-0,02	0,06	-0,13	0,02
Возможность продвижения	0,06	0,09	0,06	0,05	-0,06
Возможность инициативы	0,08	0,06	0,15	0,07	-0,04
Большой отпуск	0,06	0,20*	0,19	0,11	0,03
Возможность чего-то достичь	0,24*	0,01	0,22*	-0,04	0,08
Работа, уважаемая широким кругом людей	0,01	0,08	-0,16	-0,04	-0,02
Соответствие работы способностям	-0,01	0,06	-0,03	0,00	-0,08
<i>Различия в оценках с матерью</i>					
Хороший заработок	0,19	-0,03	0,13	0,06	0,05
Хорошие товарищи по работе	0,04	-0,18	0,13	-0,06	0,03
Интересная работа	0,01	0,04	0,00	0,12	-0,02
Удобное время работы	0,01	-0,19*	-0,03	-0,10	0,08
Полезность работы для общества	0,19	-0,06	0,08	0,00	0,01
Надежное место работы	-0,07	-0,07	-0,07	-0,13	0,09
Возможность общения с людьми	0,16	-0,06	0,05	-0,10	0,04
Ответственная работа	-0,08	-0,03	0,11	0,02	-0,11
Отсутствие чрезмерного давления	0,23*	-0,09	0,09	-0,08	0,11
Возможность продвижения	-0,12	0,02	-0,06	0,02	-0,08
Возможность инициативы	0,30**	-0,07	0,22*	0,02	-0,01
Большой отпуск	0,06	0,09	0,10	0,11	0,03
Возможность чего-то достичь	0,02	-0,15	0,06	-0,09	0,30**
Работа, уважаемая широким кругом людей	-0,07	0,15	-0,13	-0,01	-0,12
Соответствие работы способностям	-0,06	0,02	0,03	0,00	-0,05

Таблица 4

стиля родительского поведения
студентами и их родителями как приоритетных (объединенная база)

Уровень стремления родителей повлиять на решения ребенка	Степень готовности родителей уделять время ребенку	Осведомленность о времяпрепровождении и увлечениях	Оценка чуткости к перепадам настроения ребенка	Степень участия в жизни ребенка в целом
0,08	-0,07	-0,08	0,05	-0,06
0,08	-0,04	-0,17	-0,01	0,12
-0,04	0,03	-0,08	0,03	-0,09
0,18	0,01	-0,07	-0,27**	-0,13
0,02	-0,10	0,02	0,07	-0,09
-0,05	0,21*	0,03	0,03	0,07
-0,13	0,03	-0,07	0,07	-0,12
-0,01	0,03	0,01	0,09	-0,09
0,12	0,14	0,04	0,04	0,10
0,08	0,13	0,11	0,04	0,01
0,16	0,03	0,09	0,04	0,13
-0,09	0,05	0,06	0,15	0,21*
-0,08	0,07	0,03	0,10	0,05
-0,02	-0,08	0,10	0,04	-0,03
-0,10	0,05	-0,10	0,01	-0,06
0,01	-0,17	0,08	0,00	-0,09
0,07	-0,12	-0,13	-0,20*	-0,12
0,05	0,13	0,20*	0,11	0,10
0,06	-0,15	-0,04	-0,27**	-0,06
0,10	-0,11	0,03	0,01	-0,16
-0,10	0,00	-0,08	-0,05	-0,05
-0,09	-0,19	0,01	-0,06	-0,10
-0,12	-0,08	-0,06	-0,07	-0,02
0,08	-0,08	0,15	0,05	0,00
0,09	0,07	0,07	-0,07	0,07
0,11	-0,05	0,13	0,03	0,01
-0,07	-0,02	-0,01	-0,03	0,05
0,13	-0,11	-0,04	-0,11	-0,08
0,00	-0,01	0,00	0,05	0,03
-0,02	0,10	0,06	0,10	0,02

Возможность продвижения — единственная ценность, в отношении которой совпадение или несовпадение с мнением отца или матери у студента не испытывает влияния стиля родительского поведения.

Если и матери, и студенту важна *возможность проявления инициативы* в работе, то степень контроля и требовательность со стороны родителей оцениваются им значимо выше ($p = 0,30$ и $p = 0,22$ соответственно).

Студенту становится столь же важным, как и для его отца, *большой отпуск*, если родители выказывают ему большее доверие и проявляют высокую степень участия в его жизни ($p = 0,20$ и $p = 0,21$).

Если студенту и его отцу важно *чего-то достичь в работе*, оценки уровня контроля и требовательности со стороны родителей значительно выше ($p = 0,24$ и $p = 0,22$ соответственно). Возможность трудовых достижений становится для студента такой же важной, как и для его матери, если родители сильнее контролируют круг его общения ($p = 0,30$).

Если отцу неважно иметь *работу, уважаемую широким кругом людей*, а студенту, напротив, важно, это достигается за счет более высокой требовательности со стороны родителей, возможности договориться с ними относительно круга своих обязанностей и степени готовности родителей уделять время ребенку ($I-J = 1,399$, $I-J = 0,711$ и $I-J = 1,041$ соответственно). Ценность уважения у студента становится выше, чем у матери, если родители более требовательны и уделяют ему больше внимания ($I-J = 1,372$ и $I-J = 0,991$ соответственно).

Соответствие работы способностям является для студента менее важной ценностью, чем для его отца, если родители проявляют большую осведомленность о его времяпрепровождении и увлечениях ($I-J = 0,889$).

Влияет ли *материальный статус семьи* на преемственность молодежи трудовых ценностей их родителей? Объединение подмассивов родителей и их детей, прежде всего, позволило установить, что оценки покупательской способности семьи (на что хватает денег) и удовлетворенность жилищными условиями у студентов, их отцов и матерей совершенно не связаны друг с другом. Соответственно, этот факт заставляет переформулировать первоначальный вопрос: чье мнение — студенческое, отцовское или материнское — о материальном положении семьи теснее связано с согласием или несогласием между поколениями о приоритетности тех или иных трудовых ценностей?

Корреляционный анализ показал, что преемственность некоторых трудовых ценностей определяется только мнением молодежи о материальном статусе своей семьи и никак не связано с его оценками старшим поколением. Чем выше студент оценивает покупательскую способность семьи, тем выше его степень согласия с отцовским отношением к важности полезности работы для общества ($p = 0,22$) и возможности проявлять инициативу ($p = 0,20$), с одной стороны, и материнским приоритетом от-

сутствия чрезмерного давления на работе ($p = 0,20$) и возможности той же инициативы ($p = 0,21$) — с другой.

Удовлетворенность же жилищными условиями разных членов семьи оказывает влияние на преемственность студентом отцовских трудовых ценностей. Так, если студент больше удовлетворен жилищными условиями, то он чаще выражает согласие с оценкой отцом приоритетности интересной работы ($p = 0,20$). В свою очередь, если отец больше удовлетворен жилищными условиями, то его мнение о важности полезности работы для общества совпадает с мнением его ребенка ($p = 0,20$). И, наконец, если мать сильнее удовлетворена жилищными условиями семьи, то отношение студента к надежности места работы чаще совпадает с отцовским ($p = 0,20$).

Что касается *образовательного статуса* родителей и их представлений о *достаточном уровне образования* для своего ребенка, то на преемственность трудовых ценностных ориентаций молодым поколением оказывают некоторое влияние только отцовский образовательный статус и материнские притязания, причем последние — в обратную сторону. Чем выше уровень образования, который мать считает достаточным для своего ребенка, тем чаще рассогласованы оценки последнего с отцовскими приоритетами надежного места работы ($p = -0,18$), возможности чего-то достичь ($p = -0,23$). Более высокий уровень образования отца позволяет ему достичь большего согласия с ребенком в отношении ценности большого отпуска ($p = 0,20$), но вызывает противоречивое отношение к возможности чего-то достичь ($p = -0,21$). При этом согласованность оценок о важности возможности чего-то достичь в работе усиливается, если отец является *безработным* ($p = -0,18$). Кроме того, если отец имеет более высокое образование, студент чаще разделяет мнение своей матери о приоритетности полезности работы для общества ($p = 0,22$).

Заключение

Исследование показало, что выявляемые на отдельных подмассивах закономерности формирования трудовых ценностей у поколения родителей и поколения детей не всегда воспроизводятся на уровне семей. Вывод об одинаково высоком уровне важности интересной работы и хороших товарищей по работе и неважности возможности продвижения не находит подтверждения при непосредственном сопоставлении отношения к приоритетности этих трудовых ценностей, когда представители разных поколений выступают в качестве членов семьи как единицы наблюдения.

Совпадение или несовпадение оценок приоритетности тех или иных ценностей не может являться свидетельством значимой роли семьи как важнейшего института социализации, формирующего на примере старшего поколения структуру трудовых ценностей у молодежи.

Слияние подмассивов родителей и их детей позволяет значительно скорректировать выводы о межпоколенческих, статусных и гендерных различиях при исследовании влияния семьи на восприятие важности различных сторон работы. Преемственность трудовых ценностей внутри семьи зачастую проходит под знаком отрицания молодыми респондентами того, что дорого их родителям. Напрямую воспроизводится только мужская нацеленность на социально значимый результат («уважение работы широким кругом людей»), которая формируется у юношей под влиянием высокой оценки этой трудовой ценности у их отцов.

Тем не менее, семья действительно оказывает влияние на выработку определенного отношения к индивидуальной значимости различных сторон работы у молодежи. Одним из важнейших факторов, воздействующих на согласованность или рассогласованность восприятия родителями и их детьми трудовых ценностей как приоритетных, является стиль родительского поведения. Важнейшей детерминантой стиля родительского поведения, формирующей различные типы трудовой мотивации у студентов, является стиль воспитания: авторитарный, авторитетный и либеральный. Авторитарный стиль родительского поведения, для которого характерен высокий уровень контроля, требовательности к ребенку и холодные отношения с ним, позволяет родителям воспитывать схожее со своим собственным мнение о важности таких трудовых ценностей, как возможность чего-то достичь в работе, важности ответственной работы и возможности проявления инициативы. Повышенная чуткость при слабом контроле, характерная для либерального родительского поведения, способствует выработке ребенком схожей с родительской точки зрения на минимизацию трудовых затрат: важность большого отпуска, удобного времени работы, наличие благожелательного трудового окружения и отсутствие чрезмерных трудовых усилий. Авторитетный стиль родительского поведения, характеризующийся умеренным уровнем контроля со стороны родителей и теплыми отношениями с ребенком, формирует позитивное представление молодежи о важности интересной и стабильной работы.

Область применения алгоритма слияния индивидуальных файлов в единый массив, где единицей наблюдения является некая небольшая социальная ячейка (не обязательно семья), необходимо продолжить и расширить, поскольку это позволяет провести значительные уточнения в выводах о влиянии малой группы на социально значимые характеристики своих членов.

Обоснованная теория как метод анализа данных: методические приемы и техники реализации

Л.Ю. Буглаева¹

Большинство исследователей, занимающихся анализом данных, полученных в ходе неформализованных интервью, сталкиваются с такими трудностями, как практическая сложность анализа данных ввиду их большого объема и неструктурированности, неоднозначность выбора способа теоретической интерпретации, подтверждение валидности и обоснованности полученных данных, обеспечения непредвзятости выводов и т.д.

Разработаны несколько подходов к анализу качественных данных. К первому из них относится принцип, согласно которому качественные данные в анализе не нуждаются, всё, что должен сделать исследователь, это представить их таким образом, чтобы из содержимого было понятно, что хотели сказать респонденты. Сторонники данного подхода апеллируют к тому, что получаемые результаты максимально свободны от влияния предубеждений исследователя. Приверженцы другого подхода считают, что основной задачей ученого является корректное описание результатов исследования. В таком случае ученые должны уметь отбирать и упорядочивать имеющийся материал. Результаты работы представляются в виде длинных исследовательских текстов, содержащих интерпретацию изучаемых событий, а также их иллюстрацию в виде цитат респондентов.

И, наконец, в рамках третьего подхода, исследователей в первую очередь интересует построение теории из собранных данных. Путем концептуализации и систематизации информации исследователь, получает теорию, выводы которой, с одной стороны, связаны с другими теориями в рамках определенного направления, а с другой — имеют практическое

¹ Буглаева Любовь Юрьевна — преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

применение. Такой подход не стоит путать с описательным. При использовании описательной стратегии речь не идет о значительной интерпретации данных, так как исследователь по большей части сосредотачивает внимание на составлении резюме выражений. В обоснованной теории речь идет, с одной стороны, о конструировании понятий с последующей их группировкой и концептуализацией, а с другой — о выстраивании понятийных взаимосвязей, чего, безусловно, не происходит при простом описании.

Данный подход берет свое начало в 1960-х гг., когда в социологической науке появилось новое направление качественного анализа, получившее название обоснованной теории². Развитие качественных методов в этот период было связано с рядом событий. Во-первых, с развитием феноменологического понимающего подхода. В действительности, такие авторы как А. Шюц («Феноменология повседневности»), П. Бергер и Т. Лукман («Социальное конструирование реальности»), И. Гофман («Представление себя другими в повседневной жизни») оказали огромное влияние на расширение понимания социологических методов. Помимо этого, если методы обработки и анализа данных, полученных в ходе массовых опросов, развивались достаточно интенсивно, то качественная стратегия анализа социологической информации оставалась в рамках методического и методологического индивидуализма. Жесткие процедуры анализа данных, позитивистское понимание гипотез, согласно которому гипотезы должны формулироваться априорно, а затем подвергаться верификации, то есть должны либо приниматься, либо отвергаться, но никоим образом не модифицироваться. Всё это ограничивало познавательные возможности исследования интересующих социолога феноменов. Качественные методы анализа также подвергались критике ввиду их недостаточной систематичности и методичности. Многие ученые указывали на недостоверность получаемых выводов и на то, что само конструируемое знание формируется лишь на основании здравого смысла и собственной логики исследователей. Барни Глейзер и Ансельм Страус выступили против данного положения дел, указывая на то, что качественным методам свойственна «риторика генерирования теории», а не ее верификации.

Методологические основы подхода обоснованной теории

В книге «Открытие обоснованной теории» Б. Глейзер и А. Страус описали содержание нового метода и логику, лежащую в основе базовых его процедур. Классикой в данной области стали такие книги как «Тео-

² «Обоснованная теория» — общепринятый перевод термина «Grounded Theory», введенного Б. Глейзером и А. Страусом; наряду с данным вариантом перевода встречаются и другие, например: «укорененная теория» (В.А. Ядов), «заземленная теория» (В.В. Семенова).

ретическая чувствительность» Б. Глейзера (1978), «Качественный анализ для социальных ученых» А. Страуса (1987), а также переведенная на русский язык книга А. Страуса и Дж. Корбин «Основы качественного исследования» (1990)³.

А. Страус и Дж. Корбин определяли подход обоснованной теории как «качественный исследовательский метод, который использует ряд систематических процедур для разработки индуктивно выведенной обоснованной теории некоего явления»⁴. Важным принципом построения теории является ее индуктивный характер: не теория предшествует сбору данных, а наоборот, теория создается и развивается в процессе сбора и анализа информации.

Хорошо сконструированная теория должна отвечать нескольким требованиям. Во-первых, требованию соответствия реальности. Иными словами, она должна выводиться из данных, относящихся к определенной области (так, чтобы объективно представлять изучаемую реальность). Во-вторых, такая теория должна быть понятна как исследователям, так и тем, кто является объектом ее изучения, то есть должна быть *понимающей*. В-третьих, необходимо, чтобы теория была обобщающей, то есть максимально абстрактной и гибкой для дальнейшего применения в других (смежных) областях знания. И наконец, в-четвертых, важно, чтобы теория была контролируемой, то есть гипотезы, выдвинутые в ходе анализа данных, должны быть в дальнейшем использованы для контроля над действиями в отношении изучаемых феноменов⁵. Процедуры обоснованной теории придают процессу анализа информации строгость и точность, чтобы исследователь мог создавать теории, удовлетворяющие критериям «значимости, совместимости теории и наблюдения, обобщения, воспроизводимости, точности, строгости и верификации»⁶.

³ Glaser B.G., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1967; Glaser B.G. Theoretical sensitivity: Advances in the Methodology of Grounded Theory. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978; Strauss A.L. Qualitative Analysis for Social Scientists. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987; Strauss A.L., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques. Thousand Oaks: Sage, 1990; Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

⁴ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 21. Ввиду разночтений в определении качественного метода необходимо уточнить, что здесь под этим понятием следует понимать метод нестатистический. В таком случае анализ данных представляет собой «нематематическую аналитическую процедуру» (Там же. С. 16).

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 28.

Техники кодирования данных

Обоснованная теория как метод анализа данных включает ряд систематических процедур, которые включают в себя техники для концептуализации данных, что обозначается как процесс кодирования. «Кодирование представляет собой операции, посредством которых данные разделяют, концептуализируют и снова соединяют по-новому»⁷. В обоснованной теории выделяются следующие процедуры кодирования:

- открытое кодирование
- осевое кодирование
- избирательное кодирование.

Открытое кодирование является процессом первичной категоризации феноменов, присваивания каждому из них отдельного названия. Данные в таком случае разбиваются на отдельные части (группируются) методом выделения сходств и различий между феноменами. Таким образом, в основе процедуры открытого кодирования лежит процесс непрерывного сравнения.

Развитие категорий происходит посредством выделения *свойств* и *измерений* феноменов. В данном случае под свойствами следует понимать «характеристики или атрибуты категории»⁸, а выделение измерения рассматривать как поиск местоположения данных свойств вдоль континуума. Выделение аналитического измерения по сути своей обозначает поиск координатных осей. При этом в теории наряду с *категориями* и *субкатегориями* принято рассматривать еще *свойства* и *субсвойства* феноменов. Уникальность каждой категории записывается как раз посредством присвоения ей определенных свойств, измеренных по шкалам аналитических измерений. Поэтому в данном случае можно говорить о том, что каждому проявлению категории соответствует определенный *профиль измерений*, а группировка данных профилей способна предоставить исследователю *паттерн*.

Часто первоначальные названия понятий часто записываются непосредственно на интервью или иных документах. В настоящее время благодаря специализированному программному обеспечению стало возможно сделать процедуры кодирования более удобными и менее затратными по времени. Если в открытом кодировании внимание, прежде всего, фокусируется на выделении категорий, их свойств и местоположения вдоль континуума, то *осевое кодирование* предполагает установление связей между категориями и субкатегориями. Таким образом, на данном этапе происходит более глубокая разработка категорий.

Понятие субкатегории в данном случае нуждается в уточнении. Предполагается, что основные категории способны объединять вокруг себя

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. 59.

целые группы понятий, называемые субкатегориями. Можно сказать, что субкатегории выделяются путем непосредственного расчленения категорий. В процессе осевого кодирования установление взаимосвязей между категориями и их субкатегориями происходит через *модель парадигмы*. Модель парадигмы является представлением ряда связей, «обозначающих каузальные условия, феномен, контекст, промежуточные условия, стратегии действия/взаимодействия и следствия»⁹. В работе А. Страус и Дж. Корбин данная модель в своем упрощенном виде представлена следующим образом:

(А) Каузальные условия → (В) Феномен →
(С) Контекст → (D) Промежуточные условия →
(Е) Стратегии действия/взаимодействия →
(F) Следствия

Применение такой модели позволяет сделать анализ качественных данных более систематическим и осмысленным. Понимая, что, как и все научные термины, вышеуказанные понятия нуждаются в интерпретации, рассмотрим, какие определения дают каждому из них авторы.

Каузальные условия (причинные условия) представляют собой определенные события и случаи, которые обуславливают появление феномена и его дальнейшее развитие. Зачастую слово «обуславливают» может быть заменено на «предшествуют», так как не всегда можно говорить о причинной зависимости. Кроме того, само событие редко вызывается лишь одной причиной, поэтому здесь стоит говорить не о единичном каузальном условии, а употреблять термин именно во множественном числе. Каузальные условия обозначаются в данных следующими словесными конструкциями: «когда», «в то время как», «поскольку», «потому что», «обусловлено», «по причине».

Феномен определяется как основное событие или идея, «в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд действий или взаимодействий». Идентификация феноменов производится посредством задавания таких вопросов как «*К чему относятся эти данные?*», «*Относительно чего происходит все действие/ взаимодействие?*».

Контекст означает набор свойств феномена, определяющий положение событий вдоль шкалы измерения, помимо этого контекст рассматривается как набор условий, при котором выбираются те или иные стратегии действия или взаимодействия с целью управления феноменом, его исполнения, реагирования на него. Контекст, как правило, можно выявить при задавании вопроса: «*При каких условиях имеет место рассматриваемый феномен?*».

Промежуточные условия в отличие от каузальных относятся к более широкому структурному контексту феномена, они действуют для под-

⁹ Там же. С. 89.

держания либо ограничения уже принятых в ситуации определенного контекста стратегии действия / взаимодействия. В качестве таких условий рассматриваются «время, пространство, культура, экономический статус, технологический статус, карьера, история и личная биография»¹⁰.

Стратегии действия/взаимодействия определяются как направленные на реализацию, реагирование, управление феноменом в том контексте, в котором он существует. Такие стратегии обладают рядом свойств, а именно характеризуются как процессуальные (то есть обладающие свойством развития), целеориентированные (или целевые, то есть реализуемые с какой-либо целью) или рефлексивные (реализуемые как ответ на какое-либо событие). В данном случае важно рассматривать стратегии и неудавшегося действия или взаимодействия, а также уделять внимание промежуточным условиям, которые либо поддерживают действие/взаимодействие, либо его ограничивают.

Следствия необходимо рассматривать как некоторые результаты событий. Нужно заметить, что следствия нереализованных событий также важны для анализа как и результаты предпринятых действий/взаимодействий. Важно понимать, что те события, которые в данный момент времени являются следствием, в дальнейшем могут быть рассмотрены как условия или их часть.

На этапе *избирательного кодирования* перед исследователем встает задача интегрировать выделенные категории для формулирования обоснованной теории. В целом избирательное кодирование можно интерпретировать как процесс выбора центральной категории, характеризующийся систематическим ее связыванием с другими категориями, а также валидизацией этих связей и наполнением категорий, нуждающихся в дальнейшем развитии. Избирательное кодирование проводится в несколько стадий:

- выявление линии теории;
- связывание второстепенных категорий с центральной категорией посредством парадигмы;
- связывание категорий на уровне измерений;
- валидация этих связей данными;
- наполнение категорий, требующих дальнейшего совершенствования и развития¹¹.

Рассмотрим каждый из этапов более подробно.

Выявление линии теории является процессом описания центрального феномена исследования, который в последующем будет определен в качестве центральной категории. Если на первом этапе выявления линии теории достаточно использовать описательную стратегию для установ-

¹⁰ Там же. С. 84–86.

¹¹ Там же. С. 98.

ления последовательности событий, то в дальнейшем необходимо будет рассмотреть историю аналитически — снова обратившись к методу осевого кодирования, проверить, достаточно ли полно рассмотрена центральная категория с точки зрения определения ее основных свойств и их измерений.

При этом выбор основной категории не является тривиальным. Зачастую исследователь встает перед проблемой выбора между двумя или более выдающимися на его взгляд феноменами, однако, ввиду трудности описания и интеграции нескольких категорий, очень важно остановить свой выбор именно на одной. Принципиально важно в данном случае выделить один главный феномен, а интерпретацию остальных важных феноменов подчинить разрабатываемой одной теории.

Связывание категорий с центральной категорией производится при помощи парадигмы, то есть тех ее составных частей, которые мы рассмотрели ранее. Руководствуясь парадигмой, исследователю необходимо конструировать теорию, выстраивая и пересматривая категории до тех пор, пока он не обеспечит их соответствие аналитической версии истории.

Связывание категорий на уровне измерений происходит после идентификации различий в контекстах различных феноменов, выявленных посредством парадигмы. Здесь категории группируются «вдоль интервалов измерений их свойств в соответствии с обнаруженными паттернами»¹². Такая группировка производится посредством проведения сравнений и постановки вопросов.

После выявления основных взаимосвязей возникает необходимость валидизировать разработанные формулировки посредством возвращения к данным или непосредственно в поле. Это позволит выяснить, в каких случаях данная формулировка находит подтверждение, и находит ли вообще, возможно являясь единичным, уникальным проявлением рассматриваемого феномена.

Наполнение категорий, требующих дальнейшего совершенствования и развития, производится за тем, чтобы придать теории концептуальную плотность, увеличить ее концептуальную точность. Для этого аналитик должен постоянно возвращаться к данным и восполнять те или иные пропущенные детали.

Процедурные особенности генерирования теории: компьютерный анализ качественных данных

На протяжении всего проекта у исследователя сохраняется необходимость делать письменные записи, связанные с формулированием теории. Такие записи называются аналитическими «памятками» (зачастую для

¹² Там же. С. 111.

обозначения термина используется калька с английского языка «мемо»). С целью визуальной репрезентации взаимосвязей между изучаемыми категориями строятся диаграммы.

Авторы предлагают ряд требований, которым должны соответствовать аналитические «памятки» и диаграммы, рассмотрим те из них, которые считаем наиболее значимыми:

- каждая памятка и диаграмма должны быть датированы и включать ссылки на их источник, такая ссылка должна содержать кодовый номер интервью, наблюдения, источника, а при необходимости и указание на страницу и строку;
- в памятке и диаграмме должен содержаться заголовок, который бы обозначал понятие или категорию, к которым они относятся;
- следует включать в памятки короткие цитаты или фразы для иллюстрации исследовательских предположений;
- для быстроты просмотра необходимо зрительно выделять ссылки, как на категории, так и на взаимосвязи парадигмы;
- важно обеспечить наличие ссылок от теоретических записей к записям кодировочным, чтобы сохранить информацию относительно того, что стимулировало данное теоретическое заключение.

Применение аналитических памяток и диаграмм является незаменимой процедурой, так как позволяют исследователю сохранять в памяти последовательность аналитических процедур и результат каждой из них. Такие записи являются чрезвычайно полезными не только на этапе генерирования теории, но и при написании отчетов и публикаций по результатам проведенного исследования.

Эти и описанные нами выше процедуры хотя и не являются сложными с технической точки зрения, все же при отсутствии инструментов, облегчающих работу исследователя, требуют значительного времени, а дальнейший анализ зачастую затрудняется именно ввиду неудобства использования аналитических «памяток» в условиях отсутствия необходимого инструментария для анализа качественных данных. В действительности, учитывая, что обоснованная теория требует от исследователя непрерывного обращения к уже выделенным категориям и установленным между ними взаимосвязям с целью их перепроверки и модификации, то аналитический процесс становится очень трудозатратным.

В то же время разработанный авторами обоснованной теории понятийный аппарат сделал возможным создание компьютерных пакетов для анализа качественных данных в рамках рассматриваемого подхода. В частности, аналитически точная стратегия генерирования теории ввиду ее высокой техничности была положена в основу целого ряда программ типа CAQDAS (Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software), предназначенных для структурирования текста на основе выделения категорий. И в настоящее время методология исследования, предложенная ав-

торами обоснованной теории, является основной для пользователей CAQDAS программ¹³.

Несмотря на высокую популярность использования компьютерных программ для анализа качественных данных на Западе, как среди публикаций отечественных авторов, так и трудов, переведенных на русский язык, практически отсутствуют работы, рассматривающие особенности применения обозначенных пакетов.

Наиболее высокими темпами компьютерный анализ качественных данных стал развиваться в последнее десятилетие, но и сегодня многие ученые продолжают выполнять категоризацию вручную. Объяснять это обстоятельство дефицитом информации для российских ученых на доступных языках едва ли серьезно. Так же мало обоснованным представляется сегодня опасение, что компьютеризация исследовательского процесса превратит содержательный анализ в автоматическую процедуру. Правда, исследователи старших поколений помнят, что первые программы для анализа текстов, разработанные еще в 60-х годах XX века, представляли собой пакеты, реализующие количественный анализ (контент-анализ) посредством применения математических процедур. Данное обстоятельство могло стать поводом для формирования негативной репутации программного обеспечения¹⁴. Несмотря на то, что современные программы имеют мало общего с их прародителями, эта дискуссия не закрыта, и находится много исследователей, выступающих против применения программного обеспечения в качественных исследованиях.

Однако здесь важно понимать, что компьютерное обеспечение является лишь инструментом, овладев которым, исследователь сможет с большим удобством и меньшими временными затратами провести исследование по методу обоснованной теории. В частности современные программы помогают социологу интерпретировать феномены, проводить категоризацию, устанавливать взаимосвязности и в конечном счете конструировать теорию. Программа является лишь инструментом, упрощая техническую сторону анализа данных. Только исследователь ставит вопросы, осуществляет интерпретацию и категоризацию феноменов, устанавливает их свойства и измерения, компьютер только максимизирует эффективность данного процесса¹⁵.

¹³ MacMillan K., Koenig T. The Wow Factor: Preconceptions and Expectations for Data Analysis Software in Qualitative Research // *Social Science Computer Review*. 2004. Vol. 22. P. 179.

¹⁴ Bringer J.D., Johnston L.H., Brackenridge C.H. Maximizing Transparency in a Doctoral Thesis 1: The Complexities of Writing About the Use of QSR*NVIVO Within a Grounded Theory Study // *Qualitative Research*. 2004. Vol. 4. P. 247.

¹⁵ Bringer J.D., Johnston L.H., Brackenridge C.H. Using Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software to Develop a Grounded Theory Project // *Field Methods*. 2006. Vol. 18. P. 245.

На данный момент есть целый ряд различных программ для реализации проектов обоснованной теории (Code-Based Theory-Builders)¹⁶, распространяемых как исключительно на платной основе, так и для пользователей которых предусмотрена возможность работы с бесплатной демо-версией. Среди наиболее известных пакетов необходимо выделить AQUAD, Atlas/ti, HyperRESEARCH, NVIVO, winMAX, XSight и др.

К наиболее популярным программам относится NVivo. Ее используют в таких известных образовательных центрах как Кембриджский и Оксфордский университеты, Лондонская школа экономики, а также в университетах Манчестера, Мельбурна, Массачусетса, Висконсина и др. NVivo, в частности, отличают удобный интерфейс и хорошая техническая поддержка. В целом программа предоставляет широкий набор возможностей для организации исследовательской работы, реализации различных процедур анализа данных, визуализации и презентации результатов работы над проектом. Базовые функции NVivo удобно рассматривать по каждому из указанных направлений.

Организация работы:

- работа с данными различного формата (текстовыми, аудио, видео и интернет-файлами);
- группировка различных источников (создание папок, альбомов, галерей);
- классификация случаев (cases) по определенным характеристикам (attributes) (например, социально-демографическим), использование таблиц для просмотра структуры имеющихся данных (casebook), использование фильтров для отбора необходимых случаев;
- классификация отношений/взаимосвязей между респондентами (любовь, дружба, состояние в браке и т.д.) и теоретическими концептами (влияние, следствие и т.д.);
- организация работы в команде.

Реализация анализа данных:

- создание заметок, относящихся ко всему документу (memos), например, для характеристики ситуации интервью;
- создание заметок на полях (annotations) для характеристики выбранного фрагмента текста (изображения, аудио или видео файла);
- кодирование:
 - создание единичных кодов (free nodes) — заметок, не имеющих связи с другими кодами;
 - создание кодов, представленных в иерархической структуре;

¹⁶ Weitzman E.A., Matthew M.B. Computer Programs for Qualitative Data Analysis: A Software Sourcebook. Thousand Oaks: Sage, 1995.

- автоматическое кодирование (если текстовые данные структурированы);
- матричное кодирование;
- установление различных видов взаимосвязи (однонаправленная, двунаправленная, ненаправленная) между концептами;
- подсчет частот встречаемости слов.

Визуализация данных:

- создание моделей, позволяющих продемонстрировать априорные исследовательские представления о структуре изучаемого объекта, а также выявленные в ходе анализа структуры;
- построение моделей путем их связывания с исходными данными;
- создание диаграмм для представления результатов кодирования или отображения результатов работы с матрицами.

Презентация результатов исследования:

- автоматическое создание отчетов различного типа с описанием проделанной в ходе исследования работы и их экспортирование из программы в различные форматы.
- экспортирование различных частей самого проекта в различные форматы для презентации результатов проекта людям, не имеющим данной программы.

К важным преимуществам NVivo отнесем её соответствие аналитическим процедурам обоснованной теории.

В настоящее время идеи обоснованной теории получают все большее развитие. В частности, концептуальность и конструктивность подхода, его широкие возможности по структурированию, систематизации информации, генерированию понятий и установлению связей между ними позволяют осуществлять моделирование социальных процессов посредством качественных методов в сочетании с использованием новейших аналитических пакетов.

Поисковые алгоритмы в анализе репрезентации бизнес-конфликтов в российских СМИ

Г.В. Градосельская¹

Информационное пространство постоянно служит источником пополнения базы для исследования различных социальных явлений: в экономике, культурно-религиозной сфере, политике и т.д. Возникает новое направление развития структурного анализа тестов — в поисковых алгоритмах, как целевом механизме отбора информации из широкого ежедневного информационного потока. В статье мы опишем прикладные возможности структурного анализа текстов на примере анализа информационного пространства по бизнес-конфликтам в России.

Практической целью исследования был поиск потенциально проблемных предприятий, где бизнес-конфликт находится в начальной стадии. Необходимо было изучить функционирование социального института бизнес-конфликтов по данным сообщений СМИ, вышедших в открытых источниках в посткризисный период (май 2010 года – октябрь 2011 года), на основе этих данных построить прогнозные сценарии развития конфликтных ситуаций в трех срезах: отраслевом, региональном и по типу конфликта.

Промежуточной методической задачей был отбор публикаций в российских СМИ за определенный период, который помог бы выявить бизнес-конфликты и их акторов.

Хотим оговориться, что данная статья касается в основном методологической стороны реализации данного исследования. Более подробно его

¹ **Градосельская Галина Витальевна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Развитие методов, моделей и алгоритмов структурного анализа текстовой информации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0052.

результаты будут отражены в других публикациях. Исследование проводилось на русском языке, но в дальнейшем разработанная методология может быть адаптирована и к другим языкам.

Методологическая проблема, которая всплывает в самом начале исследования — *определение бизнес-конфликтов*, поскольку оно является очевидным для многих участников (акторов) этих конфликтов, но в то же время является весьма ситуативным. В подавляющем большинстве публикаций, где описывались бизнес-конфликты, словосочетания «бизнес-конфликт» не встречалось. Как только проблемная ситуация получает статус бизнес-конфликта, круг участников бизнес-конфликта становится явным, и сценарии развития конфликтов становятся ограниченными.

Социальное явление бизнес-конфликтов реальность последних двух десятилетий российской истории. Особенность этого явления заключается в том, что оно минимально формализовано, поскольку возникает благодаря «дырам» в законодательстве. Вырабатываются определенные стандартные ходы по «относительно честному» отъему или переделу бизнеса между собственниками, акционерами, менеджментом. Широкий круг привлекаемых акторов: это и трудовые коллективы, и экологические организации, и другие агентства и акторы. Поэтому в формализации определения бизнес-конфликтов принципиально необходимо участие эксперта при проведении следующих операций: (1) при классификации актуальных на данный момент конфликтов, (2) при определении конфликтов через подбор публикаций-иллюстраций, которые эксперт может отнести к тому или иному типу, (3) при определении статей, которые не подходят для целей исследования, и при формулировании правил для исключения нерелевантных статей.

Структурирование текста на этапе заполнения информационной базы данных

Для алгоритмизации и разработки методологии выявления и обработки бизнес-конфликтов в информационном пространстве предпринимаются следующие аналитические шаги.

Типологизация бизнес-конфликтов. Виды бизнес-конфликтов разнообразны. Это зависит от акторов, участвующих в конфликте, так и от существа взаимных претензий. Типологизация бизнес-конфликтов (во всяком случае, на первом этапе) возможна только с помощью экспертов. В дальнейшем возможна коррекция типологии по имеющемуся статистическому материалу.

Операционализация понятия «бизнес-конфликт». Это сложно, поскольку в подавляющем большинстве статей словосочетание «бизнес-конфликт» не упоминается. Необходимо определить набор речевых маркеров, которые косвенно смогут указать на наличие бизнес-конфликта, описываемого в статье, а также на тип этого конфликта.

Базовая классификация бизнес-конфликтов*

Конфликты во внутренней среде компании	Внешние конфликты
<p>[A1] конфликты между акционерами, раздел имущества, экстренные продажи активов;</p> <p>[A2] конфликты между подразделениями, приводящие к сбоям в работе компании*;</p> <p>[A3] конфликты собственников или менеджмента с трудовым коллективом;</p> <p>[A4] конфликты между акционерами (имеющими контрольный пакет) и менеджментом:</p> <p>[A4.1] попытки захвата собственности менеджментом;</p> <p>[A4.2] трения между менеджментом и акционерами, когда акционеры не могут упорядочить отношения (грамотно делегировать полномочия) с нанятыми управленцами*.</p>	<p>[B1] конфликты с властью, в т.ч. с контролирующими и правоохранительными органами;</p> <p>[B2] конфликты компании с общественностью и общественными организациями;</p> <p>[B3] конфликты компании с захватчиками, в том числе миноритариями, которые хотят больше, чем дивидендов;</p> <p>[B4] конфликты миноритариев, чьи права ущемляются, с владельцами контрольного пакета;</p> <p>[B5] конфликты с конкурентами;</p> <p>[B6] конфликты кредиторов и должников;</p> <p>[B7] конфликты с поставщиками и подрядчиками (операционные, т.е. конструктивные: с целью надавить, чтобы те поставили/закупили товар в оговоренных объемах);</p> <p>[B8] конфликты с клиентами (в случае массового обслуживания: с абонентами, клиентами банков, покупателями квартир, пассажирами, туристами и т.п.).</p>

* Конфликты, которые по оценкам экспертов не имеют публичного измерения.

Понимание сопровождающих (социальных, политических) обстоятельств. Некоторые типы конфликтов могут быть спровоцированы общими системными обстоятельствами, например, мировым финансовым кризисом. Иногда рост конфликтов связан с отраслевым кризисом. Также понимание внешних обстоятельств поможет скорректировать суть запроса, вытаскивающего необходимые нам публикации из общего информационного потока, поможет отсеять лишний информационный шум.

Базовая классификация российских бизнес-конфликтов. На начальной стадии исследования в базовую классификацию российских бизнес-конфликтов, разработанную Р.Н. Бумагиным, были включены 15 типов конфликтов, из которых было выделено 11 потенциально публичных типов.

Генерирование списка ключевых слов на основе анализа кейсов. По каждому типу конфликтов были отобраны от 2 до 9 статей, описывающих названные экспертами кейсы. На основе этих новостных и аналитических материалов СМИ для каждого типа конфликтов был сформулирован набор ключевых слов, позволяющих идентифицировать появление данного типа конфликтов в новостном потоке.

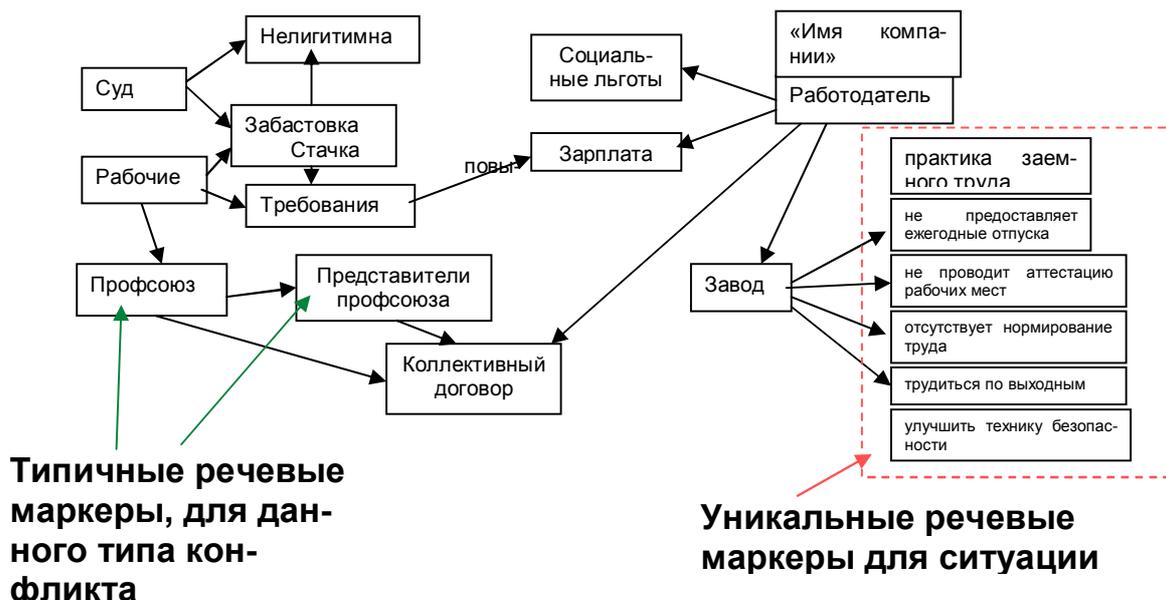

Рис. 1. Пример дискурс-анализа статьи «"Фокус" "слетел" с конвейера».

Ключевые речевые маркеры для семантического запроса

1 уровень (ядро запроса)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ работодатель, администрация/ представители ▪ рабочие, заводчане, сотрудники, докеры, участники ▪ профсоюз, стачком/ представители ▪ акция, протест, голодовка, забастовка, стачка, вышли, перекрыть (улицу) ▪ (требование) долги, повышение, увеличение, зарплата, выплата
2 уровень (уточнение запроса)	<ul style="list-style-type: none"> ▪ прокуратура, суд, арбитраж ▪ иск ▪ незаконный ▪ банкрот, банкротство, внешнее управление, внешний управляющий ▪ администрация области
3 уровень	<ul style="list-style-type: none"> ▪ ухудшение здоровья, обмороки, хронические заболевания

По каждой, наиболее типичной новостной публикации, описывающей бизнес-конфликт, был проведен дискурс-анализ — реконструирована смысловая структура текста, показывающая ключевые речевые маркеры, во взаимосвязи.

На рис. 1 проведен дискурс-анализ статьи «"Фокус" "слетел" с конвейера», выбранной как пример для иллюстрации типа бизнес-конфликтов АЗ — конфликты собственников или менеджмента с трудовым коллективом.

После того, как проведен дискурс анализ почти по всем предоставленным статьям, иллюстрирующим каждый тип конфликтов, по каждому

типу конфликта был отобран набор ключевых речевых маркеров, группированных по степени важности для будущего семантического запроса.

По завершении формирования списка ключевых слов был приобретен доступ к специализированной базе данных «Медиалогия», которая насчитывает более 6 400 источников на постсоветском пространстве (с учетом требований технического задания число источников дисконтируется до 5000 единиц). Таким образом, объем выборки данного исследования составил при средней частоте выходов 6 раз в неделю и среднем количестве сообщений в одно такое выходе порядка 10 единиц составил для зондажного исследования (период два месяца) более 380.000 сообщений, а для ретроспективного контент-аналитического исследования за период с 01.05.2010 по 31.10.2011 — более 3.000.000 сообщений.

После ручной чистки базы данных поисковых ответов осуществлялась конвертация базы из системы «Медиалогия» в пакет SPSS для дальнейшей подготовки данных к статистической обработке. База данных, получаемых по запросу в мониторинговой системе «Медиалогия» включал в себя следующие поля: дата, СМИ, город (регион), URL статьи.

Далее эти данные транслировались в массив SPSS, где добавлялись новые поля, которые заполнялись вручную по контексту статьи (отрасль кодировалась путем обращения по каждому случаю в исходный массив «Медиалогии»): тип конфликтов, дата — для временных рядов, регион, отрасль.

Динамика конфликтных ситуаций в России

Конфликтная активность неравномерно распределена во времени. Довольно явно выделяются осенние и весенние пики конфликтов. Поскольку для наблюдения был отобран не очень длинный ряд, выделить сезонную и трендовую составляющие временного ряда не представляется возможным (каждый месяц должен быть представлен как минимум 3–4 раза, что означает 3 года наблюдений). Кроме того, предварительный анализ данных в SPSS показал скорее кубическую или экспоненциальную зависимость, чем линейную — что также затрудняет сезонную декомпозицию. На графике также видно, что амплитуда конфликтных проявлений увеличивается все сильнее, поэтому сезонные отклонения также будут неравномерными.

Метод авторегрессии оказался единственным способом, позволяющим спрогнозировать значения конфликтов в России на полгода вперед.

На рис. 2 показаны результаты прогнозирования конфликтов в России методом авторегрессии (реализованном в пакете SPSS). Показан значительный рост конфликтных ситуаций к весне следующего года.

Также сложно было провести прогнозирование по отдельным отраслям или типам конфликтов: короткий временной ряд и малая наполненность по каждому месяцу не позволила провести прогнозирование. Од-

нако эта ситуация может быть исправлена с продолжением наблюдений и сбором информации по бизнес-конфликтам в России.

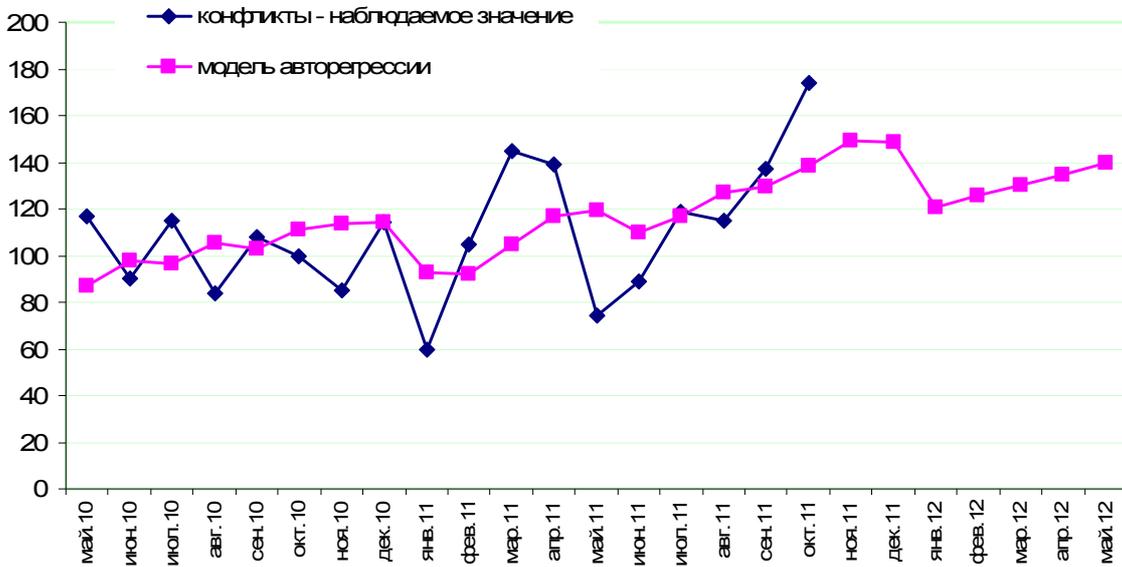

Рис. 2. Прогнозирование развития конфликтов в России методом авторегрессии.

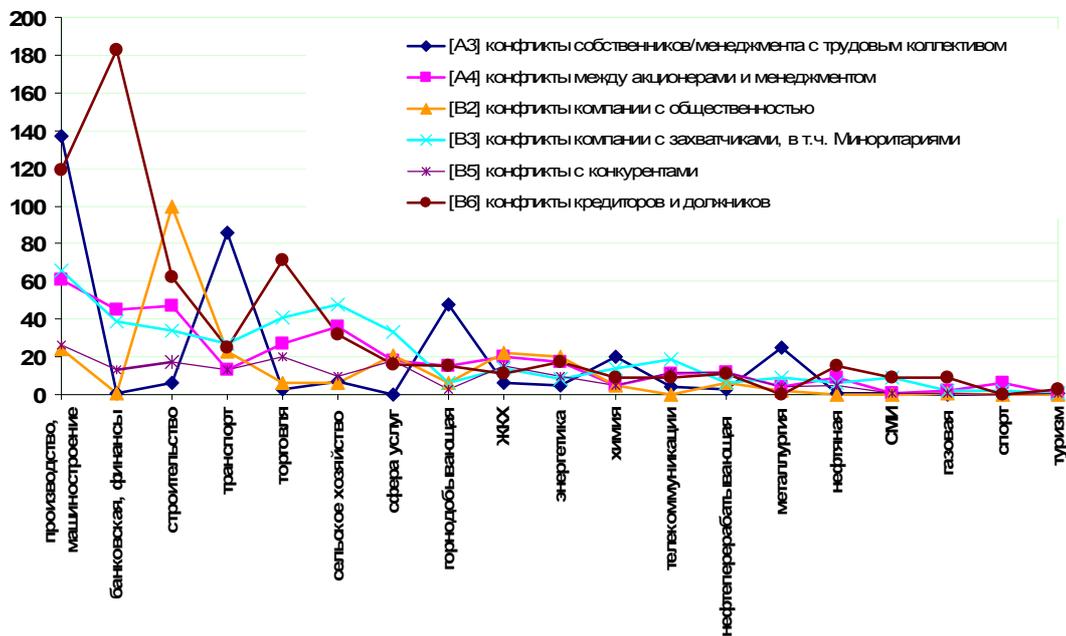

Рис. 3. Распределение типов конфликтов по отраслям: определение пиков конфликтов

На рис. 3 показано, как распределяется динамика для конфликтов разного типа. Практически для всех конфликтов пик приходится на март-

апрель 2011 года, однако к осени 2011 года (октябрь 2011) прогнозировался следующий пик конфликтов.

Отраслевой фактор в развитии конфликтов

Существенным фактором в распространении и воздействии конфликтов является отрасль. На рис. 3 показано, что самыми конфликтными являются отрасли: производство, машиностроение (23,5% всех конфликтов), банковская, финансовая сферы (15,3%), строительство (14,5%). Далее следуют транспорт (10,2%), торговля (9,1%), сельское хозяйство (7,6%). Также показано, что в разных отраслях преобладают разные типы конфликтов.

Конфликты между собственниками/ менеджментом и трудовыми коллективами ([А3]) преобладают в сферах: производство и машиностроение; транспорт, горнодобывающая, металлургия.

Конфликты кредиторов и должников ([В6]) преобладают в сферах банковской и финансовой, в торговле, а так же в производстве и машиностроении.

Конфликты компании с захватчиками распространяются довольно равномерно, но преобладают в производстве и машиностроении, сельском хозяйстве, торговле и банковской сфере.

Конфликты между акционерами и менеджментом чаще всего встречаются на производстве и машиностроении, в банковской сфере, строительстве.

По результатам настоящего исследования была сформирована база данных по конфликтам в России за 1,5 года. Она позволяет проанализировать общую бизнес-конфликтность по регионам (после соответствующей чистки). Также возможно будет уточнить семантический запрос, основываясь уже на статистической информации.

Имеющаяся информация и опыт обработки данных дает возможность развивать проект в трех направлениях:

- методологическом (уточнение структуры информационного поля о бизнес-конфликтах);
- содержательном (приложения анализа информационного пространства в рамках бизнес-интересов клиента);
- технологическом (базы данных, семантика запроса, поисковый-паук, ПО).

Этот проект имеет весьма широкие перспективы практического применения. Содержательные возможности развития проекта следующие:

- Уточнить структуру запросов и запустить их в постоянном мониторинговом режиме в интернет-паука. Возможно обучение соответствующей нейронной сети для сбора информации о бизнес-конфликтах России в режиме мониторинга. Постоянный интеллектуальный мониторинг информационного пространства позволит

получить конкурентное преимущество для компаний, использующих разработанный нами софт.

- Накапливать всю информацию по конфликтам в России, что позволит прогнозировать дальнейшее перемещение конфликтной активности между отраслями, регионами и типами конфликтов.
- Собирать досье на компании, их собственников и топ-менеджеров — кто проявляет повышенную конфликтность, а также повышенные потенциальные проблемы для будущих партнеров, властных элит регионов и т.п..
- Собрать список источников (в т.ч. неформальных), распространяющих информацию о компаниях – определить источники информационных угроз. Это потребует соответствующей корректировки семантических запросов. И расширение поля запросов.
- Изучить взаимосвязь типов конфликтов и наиболее распространенные сценарии их развития. Это позволит проводить целевой консалтинг, заранее подготовить ответные меры (если мы защищаем клиента), и разрабатывать неожиданные ходы, если мы планируем активно воздействовать.

Кто доверяет опросам общественного мнения?

Н.И. Даудрих¹

Во время крупных избирательных кампаний в России регулярно актуализируется стереотипное представление о высокой ангажированности исследователей, публикующих результаты опросов общественного мнения. Причем речь идет именно о подозрении в том, что полстеры предоставляют заведомо ложную информацию, как правило, выгодную провластным структурам и кандидатам. В наиболее остром формате СМИ обвиняют социологов в попытке «повлиять на мнение граждан»².

Тем не менее, по данным Левада-Центра за январь 2012 г. 54 % россиян всё же склонны в той или иной мере доверять опросам общественного мнения (об отсутствии доверия сказали 27 %) ³. Сравнение с аналогичными опросами других лет показывает отсутствие принципиальной динамики: в 2003 г. 54 % респондентов опроса Левада-Центра доверяли опросам, 33 % — не доверяли; в 2005 г. 51 % опрошенных ФОМа согласились, что результаты опросов общественного мнения в целом отражают мнения граждан, не согласились — 29 % ⁴.

¹ Даудрих Наталья Ивановна — старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

² См., например: Русская служба новостей. Позиция: В гостях Валерий Фёдоров. 2012. 28 февр. URL: [<http://rusnovosti.ru/programms/prog/70601/189720>].

³ 20–23 января 2012 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения было опрошено 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4 %. Вопрос задавался в формулировке «Доверяете ли вы данным опросов общественного мнения?», см.: URL: [<http://www.levada.ru/29-02-2012/rossiyane-doverayut-oprosam-obshchestvennogo-mneniya-i-schitayut-ikh-poleznymi>].

⁴ Данные еженедельного опроса ФОМа 2012 респондентов в июле 2005 г. Формулировка вопроса: «Как Вы думаете, результаты опросов общественного мнения в целом отражают или не отражают мнения граждан?», см.: URL: [http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=128762&SQ=2481&HSQ=21].

В статье мы рассмотрим, представители каких социальных групп испытывают чаще доверие или недоверие данным социологов. В качестве основных проверены две гипотезы:

- 1) доверие опросам зависит от отношения к власти: чем лучше респондент относится к власти, тем выше его доверие к опросам;
- 2) доверие опросам зависит от социально-демографических показателей: более доверчивы женщины, молодежь, менее образованные, менее материально обеспеченные, а также жители небольших населенных пунктов.

Интерес представляет также проверка более общей гипотезы о связи между доверием опросам и изначальным уровнем скептицизма: респонденты, склонные доверять всему (от НЛО до обещаний Президента), будут доверять и данным опросов; однако, на основе имеющихся данных такая проверка не может быть реализована.

Эмпирической базой для проверки сформулированных гипотез послужили данные проекта «Открытое мнение», в рамках которого с 10 по 19 февраля 2012 г. методом телефонного интервью был проведен репрезентативный опрос россиян в возрасте от 18 лет, имеющих мобильный или домашний стационарный телефон; методом случайного отбора опрашивались подошедшие к телефону с последующим перевзвешиванием по полу, возрасту и структуре использования телефона; выборку составили 3358 человек из 82 регионов РФ. Статистическая погрешность данных не превысила 2,6 %⁵.

Для оценки доверия опросам мы использовали ответы на вопрос в формулировке ФОМа: «Как Вы думаете, сегодня в России результаты опросов общественного мнения в целом отражают или не отражают действительные мнения граждан?». В целом по выборке было получено следующее распределение ответов: «отражают» выбрали 44 %, «не отражают» — 37 %, затруднились ответить 19 %.

Для проверки первой гипотезы мы сконструировали индекс отношения к власти. За каждый соответствующий индексу ответ респонденту присваивается по 1 баллу, т. е. индекс варьирует от 0 до 10 баллов; чем выше показатель, тем более позитивное отношение к власти. Среднее значение индекса по выборке составило 5,44 балла при стандартном отклонении 2,77 балла.

Гипотеза об отсутствии связи между доверием к данным опросов и индексом отношения к власти с помощью критерия Хи-квадрат отвергается ($\alpha=0,01$), поскольку наблюдаются значимые различия в значениях индекса у респондентов с разным уровнем доверия к результатам опросов. Для участников опроса, уверенных, что опросы отражают действительное мнение граждан, индекс составил 6,25 балла (95 % доверитель-

⁵ См.: <http://www.facebook.com/groups/289593911076225>; <http://www.sociologos.ru>.

ный интервал 6,08–6,41). Для респондентов, затруднившихся с ответом относительно достоверности опросов, показатель значимо ниже — 5,27 (95% доверительный интервал 5,02–5,51). Минимальные значения индекса в группе полагающих, что опросы не отражают истинное положение дел — 4,48 балла (95% доверительный интервал 4,28–4,68).

Индекс отношения к власти

Вопрос	Вариант ответа
Если говорить в целом, в какой мере вас устраивает сейчас жизнь, которую вы ведете?	«Вполне устраивает» «По большей части устраивает»
За кого из кандидатов в президенты вы собираетесь голосовать на выборах 4 марта	«Путин»
Если на президентских выборах состоится второй тур голосования с участием путина и любого из кандидатов, за кого вы проголосуете?	«Только за Путина»
А за кого из этих политиков вы не проголосуете ни при каких условиях?	Не выбран вариант «Путин»
Скажите, пожалуйста, вы участвовали или не участвовали в выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 года? И если да, за какую партию вы проголосовали?	«Единая Россия»
Как вы считаете, там, где вы живете при проведении выборов депутатов Государственной Думы были случаи нарушения законов и прав избирателей или подобных случаев не было?	«Нет, не было»
Если говорить в целом, вы доверяете или не доверяете премьер-министру В. Путину?	«Доверяю»
Если говорить в целом, вы доверяете или не доверяете избранной в декабре прошлого года Государственной Думе?	«Доверяю»
Сталкиваетесь ли вы сегодня с такими проблемами, ситуациями, которые вызывают у вас желание принять участие в акциях протеста, пикетах, забастовках и т.д.?	«Не сталкивался»
Вы лично допускаете или исключаете для себя в будущем возможность принять участие в каких-либо акциях протеста?	«Исключаю»

С помощью метода классификационных деревьев проанализируем, насколько доверие опросам зависит от социально-демографических параметров (модель 1) и от индекса отношения к власти (модели 2 и 3).

Классификационные деревья позволяют предсказывать принадлежность объектов (респондентов) к определенному классу категориальной зависимой переменной по значению предикторных переменных. Деревья решений подразделяются на два типа: деревья классификации и деревья регрессии. Отличие между ними заключается в формате выходного зна-

чения. Дерево решений с непрерывными выходными значениями именуется деревом регрессии, а деревья классификации выводят конкретные значения. Метод позволяет подобрать переменные, разбиение по которым с большой вероятностью позволяет правильно предсказать зависимость переменной.

Применение метода дерева решений включает два этапа: формирование дерева решений на обучающей выборке, где все объекты отнесены к заранее известным классам по результатам, и собственно классификация новых наблюдений на этой основе. Обучающая выборка позволяет сформулировать правила классификации вида «если А, то В», которые могут быть перенесены на новые наблюдения. Теория и методология алгоритма разрабатывались в 1960–80е гг.⁶, однако новые алгоритмы появляются до сих пор.

Например, в модуле «Деревья классификации» системы STATISTICA реализованы следующие методы: выбор между полным перебором вариантов ветвления (THAID, C&RT) и дискриминантным ветвлением; несмещенный выбор переменных ветвления (QUEST); явное задание правил остановки (FACT) или отсечение от листьев дерева к его корню (C&RT); отсечение по доле ошибок классификации или по функции отклонения и др., в пакете SPSS — алгоритмы CHAID, Exhaustive CHAID, CRT, QUEST.

Алгоритм итеративно вычисляет степень влияния каждого предиктора (независимой переменной) в модели на значения выходного атрибута (зависимой переменной), при этом для разбиения узла дерева решений выбирается переменная с наибольшим влиянием.

Модель продолжает расти при соблюдении двух условий: (1) пока разбиение узла улучшает качество прогноза (т.е. пока растет вероятность для независимой переменной принимать определенное значение); (2) пока число записей, описываемых условиями узла, превышает определенный заданный пользователем уровень (например, в листовой группе не менее 50 респондентов).

В отличие от традиционных способов *data mining* метод деревьев классификации позволяет получить иерархичность признаков (последовательность влияния переменных); кроме того он имеет более широкую применимость за счет менее строгих требований к формату данных (допустимы как метрические, так и категориальные переменные). Важно и то, что алгоритм конструирования дерева не предполагает априорного выбора предикторов, поэтому можно включать все переменные, а из них для построения дерева будут отобраны наиболее значимые. Построение

⁶ Hunt E., Marín J., Stone Ph.J. Experiments in induction. NY: Academic Press, 1966; Breiman L., Friedman J., Stone Ch.J., Olshen R.A. Classification and Regression Trees. Monterey, Ca.: Wadsworth, 1984.

деревьев классификации решает следующие типы задач:

- описать данные и выделить критерии, влияющие на зависимую переменную;
- прогнозировать данные на основе установленных связей, в т.ч. пропущенные ответы или для новых выборок;
- сегментировать респондентов по сложным для измерения переменным на новой выборке.

Наша задача относится к первому типу, т.е. нам нужно определить факторы, формирующие доверие к опросам. Мы использовали CHAID-алгоритм (Chi Square Automatic Interaction Detection)⁷, который проводит разбиение на основе F-критерия связи, оценивает достоверность различий и делит непрерывные распределения на несколько категорий с примерно равным числом наблюдений; на каждом шаге автоматической генерации узла дерева достигается максимальная предсказательная способность.

С помощью CHAID-алгоритма мы строили классификационное дерево на основе следующих социально-демографических параметров: пол, возраст, образование, занятость, самооценка материального положения, тип населенного пункта, активность пользования Интернетом. В итоговую модель вошли: пол, возраст и самооценка материального положения. Отношение к опросам кодировалось как 1 — «опросы отражают действительные мнения», 0 — все остальные ответы.

Схема 1. Социально-демографическая модель

Доверие опросам (44%)⁸					
ПОЛ					
Женский (47%)			Мужской (40%)		
САМООЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ			ВОЗРАСТ		
Низкое (36%)	Среднее (47%)	Высокое (55%)	До 37 лет (45%)	38–48 лет (29%)	49 лет и старше (39%)
15%	16%	23%	20%	9%	17%

«Низкое» материальное положение включает варианты ответа «денег не хватает даже на питание», «на питание денег хватает, но не хватает на одежду и обувь»; «среднее» — «на одежду и обувь хватает, но не хватает

⁷ Подробное описание алгоритма CHAID см. например: *Толстова Ю.Н.* Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000.

⁸ В схемах цифры в скобках указывают долю респондентов, уверенных, что опросы отражают действительное мнение граждан; в нижних строках указана доля группы среди всех опрошенных.

на крупную бытовую технику», «на крупную бытовую технику хватает, но не можем купить новую машину»; «высокое» — «на новую машину хватает, но не можем купить квартиру или дом», «материальных затруднений не испытываем».

Полученная модель позволяет правильно классифицировать 59% случаев, т.е. риск ошибки составил 41%.

Анализируя полученные критерии классификации можно отметить, что доверие опросам выше среди женщин и зависит от их материального положения (чем выше самооценка материального положения, тем выше уровень доверия опросам).

Среди мужчин доля доверяющих опросам ниже и дополнительно определяется возрастом: минимальный показатель характерен для группы 38–48 лет.

Добавление в модель 2 индекса отношения к власти снижает риск ошибки до 39%, т.е. модель позволяет правильно классифицировать 61% наблюдений. При этом в числе значимых для классификации переменных остаются только возраст и индекс отношения к власти.

Именно индекс отношения к власти оказывается ключевой классифицирующей переменной для определения доверия опросам общественного мнения: чем выше значения индекса (лучше отношение), тем выше доверие данным опросов. Дополнительным фактором и только для группы респондентов, чье отношение к власти несколько ниже среднего (2–5 баллов при среднем 5,44 балла) выступает возраст.

Схема 2. Модель на основе индекса отношения к власти

Доверие опросам (44%)				
ИНДЕКС ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ				
0–1 балл (18%)	2–5 баллов (34%)		6–7 баллов (50%)	8–10 баллов (61%)
	ВОЗРАСТ			
	До 37 лет (41%)	38 лет и старше (30%)		
10%	15%	23%	26%	26%

Алгоритм CRT (Classification and Regression Trees) перебирает все возможные варианты ветвления по каждой переменной, выбирая тот из них, который дает наибольший рост для критерия согласия (наибольшее уменьшение отсутствия согласия). Специфика CRT состоит в полном переборе всех ветвлений, но при разбиении на каждом этапе только на две группы.

Для проверки гипотезы о связи доверия опросам и принадлежности к различным социально-демографическим группам построим дополни-

тельно модель 3 на основе CRT-алгоритма, включив в качестве независимых переменных пол, возраст, образование, самооценку материального положения, активность использования Интернета, тип населенного пункта и индекс отношения к власти.

В группу «низкая» Интернет-активность включены респонденты отметившие, что не пользуются Интернетом или «несколько раз в месяц и реже»; «высокая» Интернет-активность включает тех, кто пользуется сетью несколько раз в неделю или каждый день.

Схема 3. Модель на основе социально-демографических параметров и индекса отношения к власти (CRT)

Доверие опросам (44%)									
ИНДЕКС ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ, баллы									
0–1,5 (10%)		1,6–5,5 (34%)				5,6–7,5 (50%)		7,6–10 (61%)	
ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТЬ		ВОЗРАСТ, лет				ВОЗРАСТ			
Низ- кая (9%)	Высо- кая (23%)	До 35 (41%)		Старше 35 (30%)		До 28 (61%)	Старше 28 (47%)		
		МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ		ТИП НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА			ТИП НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА		
		Низкое и среднее (39%)	Высокое (59%)	Село (43%)	Города (27%)		Село, малый город (40%)	Крупный город (56%)	
3%	7%	10%	3%	4%	22%	6%	12%	8%	26%

Модель 3 повышает долю правильных классификаций до 65%, т.е. риск ошибки составляет 35%. CRT-алгоритм позволяет учесть более детально вклад социально-демографических параметров в доверие к опросам (по сравнению с CHAID).

Проверка гипотезы о влиянии социально-демографических параметров показала, что не было выявлено однозначного влияния в определенном направлении социально-демографических переменных на доверие опросам. В качестве общей тенденции можно отметить, во-первых, что при средних значениях индекса отношения к власти, чем ниже возраст, тем выше доверие опросам; во-вторых, чем выше самооценка материального положения, тем выше доверие опросам.

В качестве группы риска по доверию опросам стоит отметить горожан старше 35 лет, имеющих индекс отношения к властям ниже среднего: при достаточно весомой численности группы (22% от всех опрошенных) их уровень доверия опросам один из самых низких (только 30% полагают, что опросы отражают мнение граждан).

Анализ общей гипотезы о связи доверия опросам и властям показал

прямо пропорциональную связь: чем лучше респондент относится к властям, тем выше его доверие опросам общественного мнения. Отметим, что нельзя исключать феномен самоподтверждающего отбора: респонденты с позитивным отношением к власти видят аналогичные результаты опросов общественного мнения и поэтому выражают доверие опросам; в то время как участники опроса, имеющие низкий индекс отношения к власти, менее склонны доверять опросам, которые не совпадают с их собственным мнением.

Опыт неструктурированного наблюдения

А.Г. Истомина¹

В статье по материалам прикладного исследования реконструированы и обобщены базовые процедуры и правила проведения неформализованного наблюдения. Наблюдение — научный метод, предполагающий регистрацию фактов целенаправленного восприятия объектов внешнего мира на бумажные и другие носители для их дальнейшей обработки и интерпретации. Из всего многообразия видов наблюдения мы будем говорить только о неструктурированном наблюдении, традиционно рассматриваемого в рамках качественного подхода в социологии.

Неструктурированное наблюдение отличается мягкостью по сравнению со структурированным: меньшая степень формализации процедур наблюдения, отсутствие детализированного плана действий наблюдателя, относительная свобода в выборе объектов наблюдения, времени наблюдения, процедуры фиксирования данных и т.д., отсутствие заранее выделенных эмпирических индикаторов той или иной переменной.

Однако большая свобода действий наблюдателя оборачивается высоким уровнем неопределенности что, как, когда наблюдать, что и как фиксировать. У наблюдателя нет пошаговой инструкции действий по наблюдению, кроме рекомендаций и требований, сформулированных в общем виде, у него нет карточки наблюдателя, в которую были бы сведены совокупность признаков переменной, подлежащих количественному

¹ **Истомина Анна Геннадьевна** — преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

Статья написана по материалам проекта «“Формальное” и “неформальное” молодежное добровольчество в дискурсах организаторов, руководителей, активистов и рядовых участников: поиск потенциала для автономного развития, взаимного дополнения и сотрудничества» (рук. О.А. Оберемко), при реализации которого использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02 марта 2011 года №127–рп.

учету, как в формализованном наблюдении. Из огромного массива данных наблюдатель должен самостоятельно выделить и зафиксировать те факты, объекты, которые на его взгляд отражают изучаемое явление, и фиксирование которых в дальнейшем поможет ответить на основные вопросы наблюдения. Свобода при проведении неформализованного наблюдения сочетается с перманентным сомнением в адекватности отбора фактов для документальной, фото и видео фиксации и чувством ответственности за правильность такого выбора.

До выхода в поле: знакомство с инструкцией по проведению наблюдения и протоколом наблюдения

Выходу наблюдателя в поле предшествует его знакомство с общей методологией исследования (с темой, целью, задачами, гипотезами) и с инструкцией по проведению наблюдения (к которой прилагается требования к содержанию протокола наблюдения — основного отчетного документа наблюдателя), в которой прописываются цели и задачи наблюдения. Цели наблюдения соотносятся с общей целью всего исследования как частное с общим; достижение целей наблюдения вносит вклад в решение общего исследовательского вопроса.

Помимо формулирования целей в инструкции по проведению наблюдения кратко прописывается последовательность действий наблюдателя (как наблюдать), а также дается описание тех элементов, которые подлежат наблюдению (что наблюдать):

1) установить степень открытости добровольческой организации: ее присутствия в публичном пространстве, доступности заинтересованным лицам;

2) описать доступную наблюдению внутреннюю организационную структуру добровольческих объединений, способы внутреннего взаимодействия, координации и управления, основные формы деятельности, организационный ритм деятельности.

Далее в инструкции кратко описывается модель оценки открытости добровольческой организации, которая складывается из следующих трех компонентов доступности организации:

1) техническая: возможность связаться с организацией;

2) организационная: фактическое наличие организации по указанным координатам;

3) коммуникативная: расположенность членов организации к предоставлению информации².

При этом открытость организации рассматривалась «как один из важнейших показателей выполнения добровольческим объединением своих

² Рогозин Д.М. Открытость молодежных общественных объединений // Социологический журнал. 2003. № 1.

социальных задач»³. Инструкция предусматривает, что описывать организационную структуру добровольческого объединения и взаимодействие его членов нужно на основе наблюдения за (а) повседневной деятельностью добровольческой организации, (б) за мероприятиями и акциями, проводимыми этой организацией. Далее в инструкции поясняется, **на чем именно** наблюдатель должен сосредоточить свое внимание, осуществляя наблюдение (а) в офисе добровольческой организации и что должно войти в фокус наблюдения (б) на публичном мероприятии⁴.

Пример описания элементов, подлежащих наблюдению в офисе добровольческой организации и на мероприятии.

Наблюдение **за повседневной деятельностью** добровольческой организации фокусируется на следующих компонентах функционирования организации:

- а) ее пространственном расположении и легкости доступа (транспортного, пешеходного), наличии идентифицирующих табличек/знаков;
- б) материальной среде организации — типе помещения, его устройстве, оснащении мебелью, оргтехникой, видами связи (телефон/интернет), вместимости, наличию идентификационных знаков (каких-либо символов организации);
- в) внешнем виде ее участников, их характеристиках;
- г) действиях и взаимодействиях участников организации, типах интеракций, их характере (партнерство, иерархические отношения, конфликты и пр.);
- д) временных режимах взаимодействия (длительности собраний, временным регламентом, взаимодействиях вне/в превышении установленных рамок и пр.).

Наблюдение **за проводимыми мероприятиями** проходит на любом доступном мероприятии, ориентированном на целевую группу или широкую аудиторию, организованном отобранном добровольным объединением.

Фокусирование на следующих аспектах проведения мероприятия:

- а) место и время проведения, материальные условия и оснащенность;
- б) информационная и другая форма доступности информации о мероприятии;
- в) взаимодействия участников акций с целевой аудиторией (установление контакта, развитие взаимодействия, его завершение);
- г) координация (управление) совместных действий участников;
- д) степень спонтанности/ регламентируемости совместных действий участников;
- е) реакции публики/целевой аудитории.

Помимо инструкции, наблюдатель знакомится с требованиями к содержанию и ведению протоколов наблюдения. В неформализованном наблюдении протокол выступает основным отчетным документом, в котором фиксируются результаты наблюдения. В этом смысле он аналогич-

³ Оберемко О.А., Истомина А.Г., Морозова Е.В. “Формальное” и “неформальное” молодежное добровольчество в дискурсах организаторов, руководителей, активистов и рядовых участников: поиск потенциала для автономного развития, взаимного дополнения и сотрудничества / ИнОП. М., 2012. С. 139.

⁴ Там же.

чен транскрипту качественного интервью. Но если транскрипт содержит, в основном, лишь первичные данные, то в протоколе наблюдения целесообразно фиксировать два уровня данных: факты, т.е. непосредственно наблюдаемое, и интерпретация фактов.

Протокол наблюдения необходимо заполнять в день наблюдения или на следующий день после проведения наблюдения. Исследователь прописывает общие требования к содержанию протокола, который обычно состоит из 3-х частей: вводной, основной, заключительной.

Вводная часть содержит упоминание о необходимости фиксации наблюдателем общей, но обязательной информации. Пример требований к содержанию вводной части протокола наблюдения.

Протокол должен содержать следующую информацию о каждом случае:

- 1) дата и место (город, обстановка) наблюдения,
- 2) название ДО и его встречающиеся варианты,
- 3) контакты ДО (адрес e-почты, сайт, ссылки),
- 4) направления, сферы деятельности ДО,
- 5) способ выхода на ДО,
- 6) характеристику наблюдаемого случая (регулярное собрание или организуемое мероприятие),
- 7) сведения о наблюдателе (Ф.И.О., возраст),
- 8) сведения о характере фиксирования поля (наличие разрешения ДО на видео/фотосъемку, аудиозапись).

Получение доступа к ДО фиксируется в логике методики оценки открытости (см. инструкцию по проведению наблюдения).

(а) Наблюдатель подробно описывает источники контактной информации о ДО (экспертная информация, интернет-сайт и др.), техническую доступность ДО, характеризует возможность связаться с организацией, используя контактную информацию, находящуюся в открытом доступе – реагирование организации на телефонные звонки/e-mail (в зависимости от декларируемого ДО канала связи фиксируется длительность дозвона/ответа по электронной почте).

(б) Наблюдатель устанавливает организационную доступность — совпадение фактического нахождения организации с адресом, указанным в контактной информации.

(в) Коммуникативная доступность определяется, как расположенность участников ДО идти на контакт с исследователем и выражается в особенностях получения согласия на дальнейшее сотрудничество. Устанавливается, кто именно дает разрешение на дальнейшие контакты (принимается оно рядовым членом или руководителем организации), является ли согласие отложенным (требующим повторных контактов), учитывается длительность переговоров и развернутость исследовательской аргументации, используемой для получения согласия.

Основная часть протокола является самой большой по объему и посвящена описанию случая наблюдения. Заключительная часть протокола, как правило, представляет собой небольшое аналитическое резюме по наблюдаемому событию, возникшие в процессе наблюдения гипотезы, описание впечатлений и чувств наблюдателя.

Пример описания требований к содержанию основной и заключительной частей протокола наблюдения.

Основная часть протокола посвящена фиксации наблюдаемого события. Фиксирование осуществляется в свободной форме. Основное внимание уделяется событийной информации. Оценки, комментарии, предположения наблюдателя предлагаются как дополнение к основному тексту. Фиксирование событий происходит в хронологической последовательности. Протокол наблюдения представляет собой баланс описания практик и событий, соответствующих приоритетным фокусам исследования (описание внутреннего взаимодействия участников организации, координации и управления, основных форм деятельности ДО, паттернов взаимодействия с внешней средой) и значимых деталей, интеракций, событий, отражающих специфику существования ДО.

Заключительная часть протокола содержит общие впечатления наблюдателя о добровольческой организации и ситуации взаимодействия, оценку степени коммуникативной открытости участников ДО.

После того, как наблюдатель ознакомится с инструкцией по проведению наблюдения и требованиями к ведению протокола наблюдения, он может начинать наблюдение. Доступ в поле наблюдателю обеспечивает руководитель поля (впрочем, им может быть и сам наблюдатель).

Выход в поле: наблюдение

Основная трудность в неструктурированном наблюдении — определить, **что** и **как** фиксировать. Отчасти она разрешается благодаря отбору наблюдателем фактов и событий, которые соотносятся с основной темой исследования и описание которых приближает к решению основных задач исследования. Наблюдатель приступает к наблюдению, будучи проникнут генеральной идеей исследования. Применительно к нашему примеру, человек начинающий наблюдение, должен постоянно держать в голове мысль о различиях формального и неформального добровольчества и проявлениях этих различий в социальной действительности. Фактически, эта мысль присутствует у наблюдателя имплицитно в течение всего исследовательского проекта: как говорится, «он с именем этим ложится, он с именем этим встает».

В качестве общего ответа на вопрос «что фиксировать» можно выдвинуть следующее утверждение: фиксировать нужно все, что «бросается в глаза». Это утверждение основывается на той идее, что *объекты бросаются в глаза неслучайно*. Это значит, что у каждого из нас накоплены представления о том или ином объекте, о типичном его проявлении. Момент, когда что-то «зацепило взгляд», как бы краток он ни был, свидетельствует о том, что в эту секунду произошло столкновение наших представлений об объекте (фоновых ожиданий) с реальным проявлением этого объекта. Интересно, что такие моменты наиболее ярко отпечатываются в памяти. Однако память часто сохраняет лишь сам факт эмоции, впечатления, удивления, но не всегда по памяти можно восстановить со-

держание увиденного и достоверно его передать. Поэтому наблюдатель всегда должен делать как можно более подробные записи того, что привлекло его внимание (отметим, что под «привлечением внимания» имеется в виду попадание в фокус внимания наблюдателя объектов, связанных с контекстом наблюдения и соотносящихся с идеей исследования; как бы не бросалась в глаза идущая по шоссе Годзилла, если ее шествие не относится к проведению добровольческой акции и никак ее не касается, фиксировать такой факт не нужно). Приведем два примера из протокола наблюдения за работой в офисе одной из добровольческих организаций:

ПЦРД располагается в здании Дворца молодежи. При входе во дворец молодежи наблюдатель видит двух женщин, сидящих в стеклянной будке. При вопросе о том, как пройти к ОВ (директору ПЦРД), женщина называет 314 кабинет на третьем этаже вверх по лестнице. На верхние этажи ведет широкая массивная лестница, свет на которую падает из широких окон. На шторах этих окон размещается достаточно крупного размера герб Пермского края. На третьем этаже вдоль коридора располагается три кабинета. Двери каждого кабинета открыты.

Из этого же протокола:

Справа за столом меньшего размера сидит молодой человек лет 28. Он смотрит в экран монитора, который также располагается на его столе. На одной из тумбочек виднеется наклейка, на которой написано слово «бизнес» (ПН, 01-2).

В первом отрывке интерес представляет появление в тексте «герба», во втором – наклейки со словом «бизнес». Наверняка наблюдателя окружало много объектов, но зафиксировал в протоколе он именно эти. Они «бросились в глаза», они столкнулись с фоновыми ожиданиями: наблюдатель не ожидал встретить в добровольческой организации герб — символ власти — и наклейку с надписью «бизнес» — символом коммерческой деятельности. Для наблюдателя они стали проявлением (индикаторами) «формального» в добровольческой организации, поэтому он поспешил занести эти факты в протокол.

Как и с помощью чего фиксировать данные?

Можно предположить различные ситуации наблюдения, но наиболее оптимальной является такая, когда наблюдатель может сразу делать полевые заметки. Письменные заметки являются основой будущего протокола наблюдения. В момент записи можно сокращать слова, писать отрывки фраз, делать зарисовки физического пространства и объектов в нем. После наблюдения необходимо в этот же день перенести эти данные в протокол наблюдения. Если записи в блокнот делаются, как правило, сокращенно, содержат пропуски в наблюдаемом событии, то текст протокола представляет собой детальное и полное описание наблюдаемого события: то есть при перенесении записей в протокол наблюдатель дополняет их информацией по памяти. Ниже приведен пример записи полевых заметок и протокола наблюдения:

Полевые записи	Протокол
<p>К. гов-т про лагерь, Р за своим столом опустил голову, перебирает бумаги, О. тоже. А и М см-ся, К: что? Улыбаясь. Д-ки хих/т. -Что? - Рубашка в тон, Смех, - «настоящая женщина, т.к. думает в этом направлении». туфли ее в тон - так я-то спец-но подбирала. Смх.</p>	<p>К. продолжает расспрашивать про волонтерский лагерь. Роберт опустил голову, перебирает на своем столе бумаги. Оксана тоже перебирает бумаги на своем столе, смотрит в них. Александра и Марина негромко смеются. К. прерывает речь о лагере и обращается к ним с улыбкой и заинтересованностью: — Что? Девушки хихикают и молчат. — Что? Хихикают. — Что смеетесь? Марина: — У вас рубашка в тон журналу. Все поворачиваются в сторону К. Смотрят на него и на журнал в его руке. И то и другое – из комбинации двух оттенков хаки: темного и светлого. Все начинают смеяться. К. говорит, что Марина «настоящая женщина, раз думает в этом направлении». Добавляет, что он тоже заметил, что у Марины туфли в тон. Все поворачиваются в сторону Марины. На ней белая футболка, белая юбка и белые босоножки на плоской подошве. Марина, улыбаясь, говорит, что «Так я-то специально подбирала». Опять раздается смех.</p>

Поток восприятия непрерывен и наблюдатель в момент наблюдения не может зафиксировать все, что он видит и слышит. Поэтому наблюдатель должен научиться отбирать для наблюдения отдельные события (наиболее важные и информативные для решения задач исследования) и описывать каждое из этих событий как можно более подробно. Тем не менее, много незафиксированных деталей и фактов остается даже за пределами подробных полевых заметок. Зная это, наблюдатель должен научиться отделять значимые факты от второстепенных; при записи делая выбор в пользу тех значимых фактов, восстановление по памяти которых невозможно без существенного искажения. Из приведенной таблицы видно, что в ситуации *здесь и сейчас наблюдения* наблюдатель фиксировал в блокноте в основном фразы участников диалога (реконструкция по памяти которых наверняка вызвала бы большие искажения); эмоции же и элементы внешнего вида участников были реконструированы по памяти (наблюдатель делал это в тот же вечер, после проведения наблюдения). Если говорить о технической стороне дела, то следует отметить, что полевые заметки лучше писать от руки в тетради или блокноте, а протокол наблюдения заполнять в электронной форме (к примеру, в word).

Кроме письменных записей, наблюдатель может собирать первичный материал с помощью аудио, фото и видео носителей. Нормы профессиональной этики не позволяют социологу использовать тайную съемку или аудиозапись. Поэтому прежде чем осуществлять фотосъемку, наблюдатель должен получить разрешение руководства или участников организации, в которой проходит наблюдение. Фото или видео материалы наблюдатель прилагает к протоколу наблюдения. Фотографии могут быть использованы в самом протоколе наблюдения, они могут служить демонстрацией фактов наблюдения, которые служат дополнительным обоснованием для дальнейшей интерпретации.

Язык протокола наблюдения

Наблюдение — это научный метод, а протоколы наблюдения — отчетные документы, которые регистрируют социальные факты. Поэтому в выборе языка описания наблюдатель не свободен. При фиксировании первичных данных социолог должен использовать безоценочные выражения, «прилагательные-дескрипторы» («прилагательные, описывающие цвет, размер, предназначение предметов»), стараясь не употреблять для описания событий и фактов «прилагательные-интерпретаторы» («умный», «мудрый», «прекрасный», «плохой»)⁵. Язык протоколов наблюдения не должен отличать литературный или авторский стиль: необходимо забыть про метафоры, крылатые выражения, оценочные высказывания, жаргонизмы, сленговые выражения, метафоры. Наблюдатель-новичок часто совершает такие ошибки. Примеры из протоколов, в которых были допущены подобные ошибки:

Женщина лет 30, рядом мальчик лет 8-9, оба в перчатках, с мусорными пакетами. Женщина собирает мусор, мальчик стоит рядом, следит за ее действиями, следует за ней буквально по пятам. Поворачивает голову, смотрит на землю, кричит во всю ивановскую: «Мам, смотри, че я нашел!». (ПН 05-06)

Выражение «на всю ивановскую» является крылатым, при описании фактов наблюдения оно не допустимо, его нужно заменить, к примеру, на словосочетание «громко кричит». Типичной ошибкой в протоколах наблюдения неопытных наблюдателей является употребления в прилагательных-интерпретаторов для описания объектов. Приведем очередной пример из протокола наблюдения.

Работники центра в основном молодые, включая директора и его зама. Внешний вид у них неформальный. (КН 01)

В данном случае наблюдателю необходимо было описать сам внешний вид, а не давать его интерпретацию по шкале формальности/ неформальности.

⁵ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. С. 126.

Приведем правильный пример из протокола: для описания внешнего вида наблюдаемых используются прилагательные-дескрипторы:

В комнате Михаил в холщевых штанах, у него густая борода, на нем нет рубашки. Евдокия в платье и девушка-дизайнер в оранжевой блузке. Девушки что-то громко обсуждают, смеются (СН 09).

Интерпретация

С позиции символического интеракционизма понять поведение той или иной группы — значит описать мир ее объектов. Под объектами интеракционисты понимают «все, что может быть как-то обозначено или с чем-то соотнесено. Объект может быть физическим, как стул, или воображаемым, как привидение, естественным, как облако на небе, или рукотворным, как автомобиль, материальным, как Empire State Building, или абстрактным, как понятие свободы»⁶. Понимание и описание этих объектов становится возможным благодаря тому, что наблюдатель также как и наблюдаемые живет в мире таких объектов, то есть понимание становится возможным благодаря intersубъективности социальной реальности. Так наблюдатель имеет возможность не только описать при помощи слов-дескрипторов наблюдаемые объекты, но и дать первичную интерпретацию того материала, который он собрал. При этом исследователь, читающий протокол должен иметь возможность прийти к тем же выводам, что и наблюдатель или признать их обоснованными и разумными на основании тех фактов, которые были зафиксированы и представлены в протоколе.

Когда наблюдатель делает полевые записи, фиксирование фактов наблюдения может перемежаться записями, интерпретирующими эти данные, то есть догадки, гипотезы могут соседствовать с описанием контекста наблюдения или взаимодействия участников (в блокноте, тетради часто трудно отделить одно предложение с интерпретацией от предложения с описанием). Это происходит потому, что процессы восприятия и анализа идут друг за другом, а также, в связи ограниченностью у наблюдателя времени на наблюдение. К примеру, если наблюдение происходит за разовой добровольческой акцией (которая больше не повторится), то наблюдатель должен как можно быстрее делать заметки в блокнот, как можно детальнее описывая происходящее, его участников, особенности их взаимодействия между собой. Наблюдатель записывает в один блокнот и то, что видит, и то, что ему приходит в голову об увиденном; все это происходит ментально, о красоте оформления записей в этот момент думать не приходится. Однако отчетный документ наблюдатель

⁶ Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида / Пер. с англ. яз. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: социология. Реферативный журнал / ИНИОН РАН. 2008. № 1. С. 118.

оформляет дома, в спокойной обстановке, не торопясь, теперь он имеет возможность разделить и разнести два типа данных — описание объектов и событий и их интерпретацию — по отдельным смысловым блокам. Удобно оформлять эти данные в табличной форме (т.е. основную часть протокола наблюдения), в первом столбце таблицы протокола представить факты наблюдения — то, что видим, а во второй — интерпретацию увиденного.

Рассмотрим предыдущий пример описания внешнего вида участников добровольческой организации с прилегающей интерпретацией.

Наблюдение	Интерпретация
В комнате Михаил (руководитель) в холщевых штанах, у него густая борода, на нем нет рубашки. Евдокия в платье и девушка-дизайнер оранжевой блузке. Девушки что-то громко обсуждают, смеются.	Отсутствие рубашки на руководителе воспринимается всеми легко и привычно. Нормы внешнего вида в ДО либеральные.

Наблюдаемые факты и их интерпретация должны соотноситься друг с другом. Предполагается, что любой читатель первой части протокола (социолог) может дать ту же интерпретацию данных, что и наблюдатель; а сверка интерпретации с зафиксированными данными должна утвердить читателя в обоснованности выводов и достаточности полевых данных. В представленном примере интерпретация выходит за рамки представленных данных (требуется дополнить или уточнить данные). Наблюдатель констатирует факт того, что внешний вид Михаила привычен для девушек и воспринимается ими легко. Между тем, не совсем понятно над чем или кем смеются девушки и что они обсуждают, может быть, они обсуждают как раз Михаила. Нужно было описать действия девушек и Михаила более подробно: смотрят ли девушки в момент разговора на Михаила или они общаются исключительно между собой, как участники расположены в пространстве относительно друг друга, описать действия Михаила в этот момент. К недочетам в описании можно отнести еще один момент, о котором мы промолчали ранее. Наблюдатель пишет фразу «на нем нет рубашки», эта фраза многозначна; она может означать как отсутствие одежды вообще, т.е. обнаженный торс мужчины, а может подразумевать отсутствие именно рубашки, но наличие, к примеру, майки. Поскольку к протоколу прилагались фотографии, то можно сказать точно, под отсутствием рубашки имелся в виду обнаженный торс Михаила. В связи с этим хочется отметить, что наблюдатель должен всегда стремиться к как можно более «зеркальному» отражению мира в своем дневнике/протоколе, несмотря на то, что границы его языка будут постоянно препятствовать этому: если он видит голый торс мужчины, то это должно быть записано в дневнике. От точности отражения фактов, как уже было сказано, зависит обоснованность интерпретации. Кроме того, нужно помнить, что наблюдатель является не единственным интерпретатором.

ром, данные его наблюдения могут быть впоследствии дополнены (пересмотрены, уточнены) интерпретациями исследователя (но не в протоколе наблюдения, а уже, к примеру, в отчете или статье), делающего финальный аналитический отчет. Как правило, им является более опытный социолог, лучше знакомый с общей концепцией исследования, имеющий более широкий взгляд на анализ социальных явлений и способный к более высокому уровню теоретического обобщения.

Помимо основной части протокола, в которой содержатся данные наблюдения и интерпретация этих данных, наблюдатель часто оформляет и заключительную часть. К этой части протокола, как правило, предъявляется меньше требований. В принципе, она может содержать любую информацию, от впечатлений наблюдателя до краткого аналитического резюме: «выжимки» интерпретации, отвечающей на основные задачи неформализованного наблюдения.

Резюме

Проведение неструктурированного наблюдения осуществляется в три этапа: (1) подготовка к полю — знакомство с общей методологией исследования, целями наблюдения, объектом наблюдения, требованиями к протоколу наблюдения, инструкцией по проведению наблюдения; (2) проведение наблюдения (основной этап) — целенаправленное восприятие описанных в инструкции объектов, событий и фиксирование фактов восприятия на бумажные, электронные и другие носители непосредственно в момент наблюдения (здесь и сейчас); (3) заполнение протокола наблюдения — осуществляется после проведения наблюдения, для его заполнения используются, в первую очередь, сделанные в момент наблюдения записи, которые дополняются данными, зафиксированными на аудио, видео, фотоматериалы (последние также выступают своеобразными гарантиями объективности данных), а также информацией «по памяти»; после восстановления и реконструкции всех наблюдаемых событий и предоставления как можно более детального их описания, наблюдатель дает свою интерпретацию собранных данных, стараясь приблизить эту интерпретацию к ответам на поставленные перед наблюдением вопросы/ задачами.

Неструктурированное наблюдение, будучи более мягким методом, чем структурированное, и предоставляющее большую инициативу, предъявляет и более высокие требования к самому наблюдателю. Перед проведением наблюдения наблюдатель знакомится с заданием: инструкцией по проведению наблюдения и требованиями к протоколу наблюдения, которые формулируются в достаточно общей форме. Как правило, в инструкции вопрос «что наблюдать» раскрывается через серию концептуальных определений, но не конкретных эмпирических индикаторов: конкретные эмпирические индикаторы каждый наблюдатель определяет

самостоятельно, более того, часто эмпирические индикаторы становятся очевидны лишь при сведении всех данных наблюдения в протокол наблюдения. Интерпретацию, осуществляемую наблюдателем можно рассматривать как возвращение от эмпирических индикаторов к концептуальным определениям (понятиям). Данные наблюдения и их интерпретация, оформленные наблюдателем в протоколе должны соответствовать друг другу: данных должно быть достаточно для сделанных на основании их выводов, выводы должны быть обоснованы. Язык протокола наблюдения не должен содержать оценочные высказывания, сленговые, крылатые выражения, жаргонизмы, литературный стиль или авторство в тексте протокола также не должно прослеживаться: т.е. на протокол распространяются все требования научного стиля. Читатель протокола наблюдения должен иметь возможность на основании данных наблюдения прийти к такой же интерпретации или, как минимум, признать эту интерпретацию обоснованной в свете предоставленных данных.

Литобзор как подготовка к исследовательскому проекту: адаптации учебных программ к потребностям рынка труда

О.А. Оберемко¹

Каков бы ни был опыт и квалификация ученого, исследования по незнакомой теме случаются, и всякому научному коллективу — группе научных сотрудников или тандему научный руководитель – студент / аспирант — новую тему приходится разрабатывать с нуля. Настоящий текст содержит описание опыта подготовки к исследовательскому проекту на стадии составления литературного обзора.

Принципиальны два приема разработки темы с нуля: идти в поле за свежими чувственными впечатлениями от «живой» реальности или идти в библиотеку за концептуализациями чужих впечатлений. Оба хода, понятно, имеют свои принципиальные преимущества и продолжающие их недостатки. Но в ситуации первого шага — с чего начинать (планировать) исследование — определяющую роль играет уровень абстракции исследовательского вопроса. В нашем случае исследовательский вопрос (извне) формулировался примерно следующим образом: *как в мире профессиональное образование (выпуск, учебные программы) адаптируются к изменениям в структуре занятости (спроса на рынке труда).*

Идти в поле за впечатлениями было бессмысленно по двум основаниям: (1) отведенные ресурсы, главным образом, временные (9 дней), не позволяли планировать поиски экспертов для интервью «за пределами Садового кольца»; (2) заказ формировался на основе пресуппозиции: интересен только зарубежный опыт. Эти ограничения обусловили обращение к библиографическому поиску в электронной библиотеке НИУ ВШЭ. В качестве основы для выборки была выбрана поисковая система индекса цитирования «Scopus», содержащая ссылки на все доступные в

¹ **Оберемко Олег Алексеевич** — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

е-библиотеке НИУ ВШЭ полнотекстовые зарубежные источники. Содержательно заказ конкретизировали следующие вопросы:

1) как устраняется несоответствие спросу работодателей компетенций выпускников; какие типичные причины несоответствий обсуждаются, и в каких областях профессиональной деятельности они оказываются наиболее заметными;

2) как между колледжем и рабочим местом распределяется ответственность за получение выпускником общих и специфических профессиональных знаний/компетенций;

3) какие параметры макроситуации учитываются: политика развития отраслей, межотраслевая конкуренция за рабочую силу, платежеспособный спрос домохозяйств и др.

Выбор источников для обзора включал следующие шаги:

1) *определение ключевых слов и полей поиска*: на основе текста задания отчасти интуитивно, отчасти методом проб и ошибок были отобраны следующие ключевые слова: graduate program, labor market, adaptation, curricula, employers' needs; сначала пробы делались в опции «all fields», однако большое количество предлагаемых источников позволило сузить поиск опцией «article titles, abstract and keywords»; остальные опции оставались без изменений;

2) *определение релевантности статьи по наличию полнотекстовой версии и релевантности предметному полю по заглавию и источнику публикации*: было проведено несколько сеансов поиска с использованием различных комбинаций ключевых слов, составляемые с помощью оператора «AND»; группировка источников выставлялась по параметру «relevance»; общее количество предлагаемых источников за сеанс было не менее 30 000; по результатам каждого сеанса из автоматически определяемых наиболее релевантных просматривались только первые **50** источников; из них внимание уделялось только источникам, доступным в полнотекстовом формате; релевантность предметному полю источника на этом шаге определялась по заглавию: отбрасывались источники (а) без доступа к полному тексту, (б) со специфическими предметными полями (например, философские и/или исторические работы; посвященные трудовым мигрантам или другим специфическим группам), (в) с омонимией ключевых слов, относящей источник к иным предметным полям, (г) опубликованные в неакадемических изданиях и/или жанрах;

3) *определение релевантности статьи по аннотациям*: более внимательное знакомство с источниками проводилось по аннотациям (abstracts) и сходным по содержанию документам (related documents — крайне полезная опция для расширения списка источников); цель на этом этапе — не отбросить важное; в итоге, с учетом повторов, было отобрано 33 источника;

4) *формирование выборки кейсов для анализа*: по итогам знакомства с аннотациями было определено, что наибольшую ценность для обзора могут представлять источники с описанием кейсов конкретного учебного заведения, описания более высокого уровня абстракции были расценены как «слишком философическими» для достижения поставленной цели; на последнем шаге путем выборочного ознакомления со структурными элементами основного текста — введение, выводы, результаты — для обзора было отобрано всего 8 источников; главный критерий отбора — полнота описания кейса; уже в ходе самого анализа еще 2 источника были исключены, как содержащие лишь заявку на раскрытие темы, но не содержащие *систематических* фактических данных.

По результатам анализа отобранных источников удалось фрагментарно осветить следующие вопросы:

- методы диагностика несогласования приобретаемых выпускниками компетенций и требования рынка труда (систематический опрос (мониторинг) выпускников и несистематические контакты с работодателями),
- радикальные и консервативные стратегии изменения содержания и структуры учебных программ,
- закрытость / открытость академического сообщества к запросам бизнеса и к запросам потребителей образовательных услуг,
- источники несоответствий качеств выпускников потребностям рынка труда.

Итоговый пилотный обзор содержит 5 кейсов, в которых заявлено освещение практических шагов по адаптации учебных программ среднего (undergraduate) и высшего (graduate) профессионального образования к потребностям рынка труда. Каждый кейс отражает типологически специфическую конфигурацию внешних и внутренних для Колледжа ресурсов и вызовов, так или иначе, проблематизирует *качество предлагаемой рынку труда рабочей силы*. Заключительный шестой кейс выполнен в альтернативной перспективе: проблематизирует *качество спроса со стороны рынка труда*.

Кейс 1. Реструктуризация вместе с отраслью

Данный пример развития **лесотехнического образования** в (государственном) Университете Массачусетса содержит опыт следующих трансформаций:

- переориентации с подготовки специалистов для первичного и вторичного секторов экономики (заготовка и обработка) на подготовку специалистов для вторичного и третичного секторов;
- смещения акцента с уровня среднего профессионального образования на уровень высшего (со степенью бакалавра и магистра) образования и образования третьей ступени (послевысшее);

- переориентации от преимущественно технического и прикладного образования к комбинации специализированных и универсальных образовательных компонентов в области фундаментальных естественных, прикладных инженерных и базовых социально-экономических и **гуманитарных (!)** дисциплин².

В качестве основного агента трансформации образовательных программ недифференцированно выступает университетское сообщество, которое декларирует партнерские отношения со студентами (как потребителями образовательных услуг) и бизнесом (как потребителем продуктов обучения).

Глубокий кризис в истории лесотехнического образования в университете преодолен радикальной сменой штата в 1997 г. и последующим внедрением ежегодного мониторинга выпускников (какие полезные навыки приобретаются ими уже после университета непосредственно на работе). Ни бизнес-сообщество, ни администрация штата в качестве значимого агента изменений не упоминаются. На момент опубликования материала доля субсидий от штата в бюджете университета составляла 28 % (остальное — оплата студентов за обучение, гранты на научные исследования и др.).

В целом показано, что учебные программы лесотехнического образования ориентировались на меняющиеся потребности крупного локального лесотехнического и деревообрабатывающего комплекса. С начала 1960 гг. в разные периоды времени масштаб и скорость изменения потребностей в отрасли на труд были разные; поэтому, например, в 1960–70 гг. в деревообработке упор делался на производство мебели, так что работодатели и университет справлялись с учетом взаимных требований в рабочем порядке и без привлечения третьих лиц и специальных институтов.

С начала 1980-х производство мебели переместилось в южные штаты и за рубеж, а затем была осознана потребность в *институционализации* систематических исследований того, как соотносятся навыки и способности выпускников на разных сегментах рынка труда; исследования централизованно поддерживались во всех штатах, где была развита отрасль. По-видимому, в это время осуществлялись программы по реструктуризации деревообрабатывающей промышленности и лесного хозяйства, в ходе которых должно было происходить перераспределение рабочей силы из первичного и вторичного секторов экономики в третичный.

В это время различные исследователи (на них ссылаются авторы статей) диагностировали несоответствие между профессиональными каче-

² Damery D. et al. Wood science education in a changing world: A case study of the UMASS-Amherst building materials & wood technology program, 1965–2005 // Forest Products Journal. 2007. May. P. 19–24.

ствами выпускников и потребностями работодателей; в частности, были выявлены новые потребности отрасли в специалистах в области проектирования изделий из производимых отраслью продуктов (стройматериалов, картона и др.), а также в области использования биомассы (отходов производства) и внедрения технологий ее глубокой переработки³.

Одновременно в университете полностью переформируется учебный план и набирается новый штат под новое направление — стройматериалы и жилищное строительство. Это позволило спасти от закрытия исторически базовые программы уровня среднего профессионального образования.

В 2000-е гг. отрасль переживала переоснащение оборудованием; потребность в специалистах в области телекоммуникаций, обработки информации и компьютерных технологий стала массовой, что привело к открытию новых учебных программ в отраслевом образовании. Одновременно старые учебные программы претерпели глубокую переориентацию: если раньше кадры готовились с точки зрения потребностей производства, то теперь большее значение получили перспективы дистрибьютора, пользователя и потребителя⁴. Теперь наряду со специальностями по производству (грубых) стройматериалов появились такие специальности, как проектирование и изготовление стройматериалов и изделий (готовых потребительских товаров), мелкосерийное производство и сборка потребительских товаров, дистрибуция и продажа (возросшей номенклатуры товаров), жилищные конструкции и др.

В целом при изменении учебных программ нужно было учитывать рост производительности труда в промышленности (и снижение потребности в рабочей силе средней и низкой квалификации), рост номенклатуры и сложности товаров, предназначенных непосредственно для некорпоративного, частного, индивидуального потребителя.

По всей видимости, описанная динамика оказалась возможной благодаря благоприятному внешнему контексту, в котором упоминания заслуживают два обстоятельства:

³ Testa B.M., Gupta R. *lurry towers: The status of wood design education in American universities*. *Engineered Wood J.*, Spring, 2004. P. 20–22; Smilh. R.L., RJ. Bush, and A.I. HanimcH. IWS. *Evacating the Subject needs tor wood science and forest products curricula*. *Wood and l-iber Sci.* 30, 8:105-112\$ Hansen. Ii, and R. Smith. 1997. *Assessing educational Needs of the Forest Products industry in Oregon and Virginia* // *Forest Prod. J.* 47(4):36–42; Bowyer. J.L., S. Ramaswamy. 2005. *Redefining undergraduate education for the 21st Century* // *Forest Products J.* 55(7/8):4–10.

⁴ Эта тенденция отражает не столько обесценивание промышленного производства как общественного идеала, сколько рост производительности труда в промышленности и перераспределение рабочей силы в сферу доведения продукта от производителя к потребителю.

1) рост спроса на продукцию деревообработки со стороны степных штатов (в частности, нефтеносных) и Канады,

2) победа местного деревообрабатывающего комплекса в конкуренции за сырьевые рынки: к 2002 г. на местное сырье в деревообработке приходилось лишь около 2 %⁵.

Таким образом, изменения учебных программ проходило под следующими внешними влияниями:

- изменения спроса на продукцию, резкое увеличение спроса на деревянные жилые конструкции ввиду роста доходов в других отраслях⁶;
- выигрыш в конкурентной борьбе за сырьевые рынки,
- внедрение ИКТ, свойственное всем отраслям экономики,
- бурное развитие и внедрение технологий глубокой переработки древесины,
- повышение производительности труда в производстве, позволившее перераспределить рабочую силу в сферу услуг.

Важным элементом постоянной адаптации учебных программ стали мониторинги:

- изменений в учебных программах, реализуемых в стране и в мире в той же отрасли и смежных отраслях,
- ежегодное проведение выборочных обследований выпускников двух когорт: последнего года и 5-летней давности выпуска: тема — полезные навыки для работы, приобретенные после выпуска,
- неинституционализированные избирательные контакты с важными для программ работодателями.

Под влиянием мониторингов развитие получили следующие предметные модули:

- структура и физические свойства (новых) стройматериалов;
- проектирование (в том числе компьютерное) жилых и коммерческих деревянных конструкций,
- базовые курсы по естественным наукам (биология, физика и др.),
- основы экономики.

Первые 2 модуля отражают тенденцию к специализации в новых профессиях и предметных областях, последние два модуля отражают противоположную тенденцию — к приобретению фундаментальных знаний в широких дисциплинарных полях.

⁵ Что означает, в том числе, и отсутствие развития деревообработки и рынка труда в других регионах, см.: Berlik. M.M., Kiltredge D.B., Fosler D.R. The illusion of preservation // Harvard Forest Pap. No. 26. 2002. P. 23.

⁶ Упомянутый рост спроса на деревянные дома, по-видимому, приходится на период «надувания» ипотечного пузыря, а потому едва ли этот фактор нужно относить к долгосрочным и типичным для развития всех отраслей.

Реконфигурация специализации и универсализации подготовки, проектируемая на основе мониторингов, позволяет формировать широкий диапазон программ на междисциплинарной основе. Вместо ограниченного числа стандартных и строго дисциплинарных квалификаций выпускники теперь получают квалификации прораба, менеджера в ритейле, менеджера по продажам, специалиста по маркетингу, исследователя, технического представителя, контролера качества конструкций, оценщика недвижимости и др.

Утверждается, что готовность и способность гибко реагировать на запросы рынка труда основаны на комбинации широких полномочий университета (при слабой федеральной регламентации), в том числе вступать в экономические трансакции с заинтересованными агентами бизнеса (чего не имеют российские вузы) и отсутствия запретительного регулирования, которое часто выступает под видом патерналистской заботы.

Кейс 2. Реструктуризация по индустриальному образцу

Данный кейс⁷, повествующий о реформе учебного заведения, реализующего программы среднего профессионального образования (undergraduate), типичен в ряду подобных в одном аспекте: внутренняя реформа идет под двумя лозунгами «повысить качество обучения» и «подготовить студентов к меняющимся условиям рынка труда», при этом в ходе обсуждения результатов центральным остается первый лозунг. В соответствии с первой провозглашенной целью эффективность произведенной реформы измеряется с помощью оценок студентами своего самочувствия в колледже, полученных путем опроса (весьма зыбкий измеритель), и с помощью успеваемости по стандартным тестовым методикам (объективный показатель). Об эффективности преобразований с точки зрения рынка труда в подобных отчетных материалах авторы почему-то предпочитают либо *ничего* не говорить, либо ограничиваться весьма общими замечаниями в модусе предположений.

Кейс реструктурирования колледжа инженерного дела и науки (College of Engineering and Science) Технологического университета Луизианы демонстрирует стратегию снижения издержек за счет следующих мероприятий:

- замена «сегментированной» структуры на «интегрированную»: вместо деления на факультеты и кафедры ввели гибкую структуру директоров укрупненных дисциплинарных направлений, каждый из которых несет административную ответственность за реализацию нескольких учебных программ (по смежным специальностям) — вертикальное структурирование,

⁷ Benedict B.A et al. Restructuring for strategic outcomes // Journal of Engineering Education. 2000. Apr. 89, 2.

- собственно обучение ведется в междисциплинарных центрах, в которых учебный и исследовательский процессы ориентированы на практическое решение конкретных проблем (проблемно-ориентированный подход) — горизонтальное структурирование,
- все вспомогательные и технические функции, обслуживающие учебный и научно-исследовательский процесс максимально интегрированы на уровне всего колледжа.

За счет гибких должностных инструкций и гибкой структуры удается сократить издержки, а сэкономленные финансовые средства направлять на улучшение материального обеспечения учебного процесса. Экономия в основном достигается за счет оптимизации штата и совмещения в одной новой должности нескольких должностей. Также в рамках колледжа «обобществлению» подлежат лабораторное оборудование и прочее оборудование и материалы, что ведет (по идее) к его рациональному использованию, но за счет увеличения издержек на интенсивную координацию взаимодействий (и снижение автономии агентов в принятии решений). Сходные по содержанию курсы, ранее читавшиеся отдельно для каждой специальности (например, статистические методы анализа данных и др.), объединены и читаются в междисциплинарном ключе.

Указанные формы «обобществления» обосновываются успешным опытом подобных оптимизаций в разных отраслях бизнеса, а также улучшением обучающей среды за счет усиления открытости каждого студента междисциплинарным влияниям. Как можно понять, утрата профессорами (заведующими старых кафедр) определенной автономии и средств контроля компенсируется участием в распределении средств и повышением прозрачности самого процесса распределения.

Подчеркнем, что данный кейс касается реализации программ среднего (undergraduate) профессионального образования и может иметь ограниченную ценность в части замены «сегментированной» структуры на «интегрированную».

Кейс 3. Королевский университет: всё правильно делаем

По данным проведенного Королевским университетом Хуана Карлоса опроса⁸ HR-менеджеров из 872 компаний (случайным образом отобранных по стратифицированной выборке из списка 5000 основных испанских компаний) было установлено, что по всему списку предложенных в опросе компетенций выпускников вузов желательные оценки (по 5-балльной шкале) превосходили фактические. Это можно было бы расценивать как приговор испанскому высшему образованию, если бы не признания менеджеров в том, что на адаптацию принятого на работу выпу-

⁸ Hernández-March J. et al. Graduates' Skills and Higher Education: The employers' perspective // Tertiary Education and Management. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 1–16.

скачка вуза в 80 % случаев уходит не более 6 месяцев, порядка 15 % менеджеров продлили срок адаптации до года. Если исходить из того, что высшее образование готовит не к конкретному рабочему месту, а позволяет своему носителю быстро адаптироваться к широкому диапазону рабочих мест по определенной специальности, то полученные результаты можно считать более чем удовлетворительными.

Наиболее ценным качеством выпускников менеджеры назвали быструю обучаемость (в сравнении со специалистами более низкого уровня образования!). В числе других качеств, помимо профильных знаний, высокую важность получили коммуникативные навыки, способность ладить во взаимодействии с коллегами, а также работать «под давлением».

В качестве основного средства снижения разрыва между требуемыми работодателями качествами и наличными качествами выпускника HR-менеджеры указали улучшение организации производственных практик студентов на основе заключения между вузами и компаниями соглашений о сотрудничестве. Систематическое направление вузами студентов на практику позволило бы:

- быстрее адаптироваться выпускникам на рабочем месте в компании прохождения практики,
- отобрать наиболее подходящих для компании студентов на этапе прохождения практики для приглашения на работу,
- обеспечить трансфер знаний об актуальных и меняющихся требованиях рынка труда к (молодым) специалистам.

Анализируемая статья начинается с утверждения значимой роли правительственных агентств ЕС для развития образования ради обеспечения конкурентоспособности национальных и наднациональных экономик, а также успешной социализации новых когорт выпускников при выходе на рынок труда. Это обстоятельство позволяет предположить сходство между российской и испанской ситуациями (и отличия от американской ситуации) в одном важном аспекте: сильная регламентация со стороны правительственных агентств системы образования и отношений между образованием и бизнесом, по-видимому, сильно затрудняет эффективное взаимодействие вуза с бизнесом по внедрению новых программ профессионального образования по запросу со стороны рынка.

Кейс 4. Университет Гиссена: слишком много теории

В фокусе внимания следующего кейса — «шансы на трудоустройство» (employability) выпускников университетской специальности «География»⁹, которым в последнее десятилетие посвящено довольно много

⁹ Hennemann S., Liefner I. Employability of German Geography Graduates: The Mismatch between Knowledge Acquired and Competences Required // Journal of Geography in Higher Education. 2010. Vol. 34. No. 2 (May). P. 215–230.

исследований в Западной Европе¹⁰. Специфика ситуации с этой специальностью заключается в том, что сама специальность внутренне неоднородна и включает в себя разнообразные аспекты, соответствующие непохожим рабочим местам со специфическими компетенциями. Внутренняя неоднородность специальности, например, в Германии происходит от того, что около 40 % кредитов отводится на курсы по выбору, что позволяет некоторым авторам делать вывод о том, что «профиль» выпускника по специальности «География» определяется главным образом набором предметов по выбору и темой дипломной работы. Такой порядок на институциональном уровне обеспечивает «географов» хорошими возможностями формировать индивидуальную образовательную траекторию, в том числе с оглядкой на конъюнктуру на рынке труда и на свои карьерные притязания.

Здесь также, как и в случае с кейсов Луизианы бросается в глаза не подкрепленный никакими конкретными аргументами тезис о необходимости учитывать новые реалии рынка труда посредством перестройки учебного плана; а несоответствие компетенций выпускников требованиям рынка вынесено в заглавие документа. Более рельефно вырисовывается совсем иная причина (или повод) для перестройки: переход с 5-летних программ дипломированных специалистов на «болонские» 4- и 3-летние программы бакалавриата, из которого оказываются вынесены в магистерские программы компоненты продвинутого обучения. Именно этот переход актуализирует проблему несоответствия обучения потребностям рынка, но не столько непосредственно рынка труда, сколько рынка образовательных услуг в глазах студентов, поскольку именно студенты стали проявлять озабоченность карьерными перспективами от получения урезанного бакалаврского образования и от возникновения дополнительных издержек на переход в магистерскую программу¹¹. Правда, рынок труда, со своей стороны, тоже реагирует на изменение формата образования непониманием, какие *компетенции* имеет новый выпускник, какие именно рабочие места будут адекватны для обладателя «нового» бакалаврского высшего образования¹². Кроме того, авторы признают, что в результате некоторых накопившихся недостатков самой системы обра-

¹⁰ См. библиографию к анализируемой статье.

¹¹ См.: Hennemann S., Liefner I. Employability of German Geography Graduates: The Mismatch between Knowledge Acquired and Competences Required // *Journal of Geography in Higher Education*. 2010. Vol. 34. No. 2 (May). P. 217; Jacobs B., van der Ploeg F. Guide to reform higher education: a European perspective // *Economic Policy*. 2006. 21(47). P. 535–592.

¹² Hillmert S. Labour market integration and institutions: an Anglo-German comparison // *Work, Employment and Society*. 2002. 16(4). P. 675–701; Allen, J., van der Velde R. Transitions from higher education to work // U. Teichler (Ed.) *Careers of University Graduates*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 55–78.

зования и выпускники, и потенциальные работодатели, еще до начала Болонского процесса утратили ясное представление относительно того, какие конкретные компетенции приобретают выпускники географических факультетов. С этим авторы связывают закрытие программ географического образования в ряде университетов (р. 220).

Как и в кейсе 1, посвященном лесотехническому образованию, центральным пунктом рассматриваемого кейса является обследование профессиональной траектории выпускников с фокусированием на характеристиках первого трудоустройства после окончания университета.

Проведенный опрос показал дисбаланс между тем, чему учат в университете, и тем, что требуется для успешной карьеры: академическим компетенциям уделяется непропорционально большое внимание в учебных программах, тогда как социальным компетенциям, обеспечивающим трансфер академических знаний в социальные контексты и карьерный рост, — непропорционально малое внимание. Результаты согласуются с результатами аналогичных ранних исследований¹³.

Какие практические выводы делают авторы из своих изысканий? С учетом того, что ответственность за шансы на трудоустройство университет (обучающий и планирующий содержание учебной программы) делит с экономикой и рынком труда, а также с субъективной готовностью выпускника адекватно реагировать на запросы рынка труда («респонсивность»), предлагаются 2 средства повышения шансов географов на трудоустройство.

Во-первых, предлагается еще во время обучения стимулировать студентов к планированию своей будущей карьеры через избирательность в определении своей образовательной траектории (в выборе селективных курсов и темы для выпускной работы); во-вторых, приблизить образовательную среду университета и содержание учебных программ к условиям рынка труда.

В качестве конкретных мер предлагается следующие педагогические технологии:

1) интегрировать стимулирующие рефлексию элементы (самооценка, групповая оценка и др.) в уже преподаваемые курсы,

2) использовать в обучении задания с проективными ситуациями (по Выготскому) (например, запланировать полевую экспедицию),

3) специализировать учебные программы под решение конкретных проблем, решаемых на практике,

4) проводить регулярные опросы выпускников для отслеживания появления новых необходимых компетенций для рынка труда,

¹³ Harvey L. New realities: the relationship between higher education and employment // Tertiary Education and Management. 2000. 6(1). P. 3–17; Clark G. & Higgitt M. Geography and lifelong learning: a report on a survey of geography graduates // Journal of Geography in Higher Education. 1997. 21(2). P. 199–213.

5) проводить проблемно ориентированные аудиторные занятия: предлагать больше проблемных кейсов, сконструированных или взятых непосредственно из практики.

Все пять предложенных мер не являются изобретениями авторов, о чем свидетельствуют приведенные ими ссылки на работы, где предложенные меры уже методически описаны. Отметим также, что данный кейс не предполагает каких-либо активных контактов с работодателями; их заменяет регулярный опрос собственных выпускников.

Кейс 5. Проект местных колледжей «Работа для будущего», США

Идея возникла для разработки программы обучения профессиональным навыкам новичков в одном из местных колледжей Лонг Айленда¹⁴. Вместо того, чтобы изучать аналитические отчеты о состоянии рынка труда, которые публикуются устаревшими на несколько месяцев, колледж Ла Гардиа пошел другим путем, разработав программный продукт по мониторингу объявлений работодателей по вакансиям и требованиям к соискателям на основе просмотра в текущем времени онлайн публикаций в газетах, агентствах по трудоустройству, сайтах специализированных государственных служб. По свидетельству разработчиков, за несколько минут можно получить представление о навыках и квалификациях, требующихся тысячам работодателей. В принципе к таким просмотрам прибегают сегодня и государственные, и частные агентства по трудоустройству, высшее образование имеет меньше опыта в сборе подобной информации в реальном времени. Специфика проекта состоит в усовершенствовании программного продукта и привязке его результатов к разработке учебных программ местных колледжей. В эксперименте задействовано 10 местных колледжей из 6 штатов.

Влияние структурных изменений в занятости на структуру выпуска учреждений профессионального образования остро проявилось в последние годы в связи с мировым экономическим кризисом и ростом безработицы. Возникла необходимость нацелить усилия (федеральных и местных) властей на борьбу с безработицей, предупреждение ее роста и экономию ресурсов, которые расходуются государственными службами занятости на пассивную и активную политику на рынке труда (выплата пособий, адаптация безработных к наличным потребностям местного рынка труда) за счет использования локальных учреждений профессионального образования для скорейшего закрытия вакансий и сокращения времени поиска работы. Это дало бы экономию всех общественных ресурсов — не только государственных, но и ресурсов общественных организаций и частных лиц. Собственно во многом подобная ориентация политики на местном уровне осуществлялась под давлением обществен-

¹⁴ Gonzalez J. Real-Time Jobs Data Show Community Colleges What Employers Need Now // Chronicle. 2012. August 13.

ности — фактических и потенциальных клиентов учреждений профессионального образования, предъявляющих в условиях высокой угрозы безработицы требование к тому, чтобы профессиональные знания и навыки, полученные в учреждении профессионального образования, были востребованы на местном рынке труда.

Кейс 6. Альтернативный взгляд: качество спроса

Приведенные выше кейсы проблематизируют *качество предлагаемой рынку труда рабочей силы*. В качестве примера альтернативной перспективы приведем кейс, в котором проблематизируется *качество спроса со стороны рынка труда*. Проблема ставится в форме конкретного практического (политического) вопроса: надо ли правительству стимулировать подготовку научно-инженерных кадров?¹⁵

Во многих странах ЕС в правительственных агентствах выражают серьезное беспокойство по поводу ожидающегося дефицита специалистов в области научных исследований и НИОКР. Это беспокойство основывается на нормативном подходе к сравнительным статистическим данным о структуре выпуска специалистов высокой квалификации: в одних странах доля выпускников с научной и инженерной квалификацией выше среднего показателя, в других странах — ниже среднего. К числу последних стран относится и Голландия, где правительство в 2003 г. приняло решение поддержать увеличение выпуска ученых и инженеров к 2010 г. на 15 %.

Обращаясь к данным пяти волн (с 1987 по 2002 гг.) национальных обследований уровня оплаты труда (Dutch Wage Structure Survey), авторы ставят два исследовательских вопроса: (1) есть ли в Голландии дефицит выпускников с научными и инженерными квалификациями? (2) как стимулирование выбора студентами научно-инженерных специальностей может отразиться на увеличении научных исследований и НИОКР?

В дополнение к этим вопросам авторы приводят два рамочных условия. Во-первых, в Голландии заметно не представлены бурно развивающиеся в мировом масштабе отрасли производства, как компьютеры и фармацевтика; во-вторых, с начала 1980-х гг. в валовом внутреннем продукте Голландии доля государственных и частных научных исследований и НИОКР стабильно составляет 1,9 %¹⁶.

Анализ показал стабильное снижение привлекательности рабочих мест в науке и НИОКР по оплате труда в сравнении с другими секторами голландской экономики. Авторы приходят к выводу о том, что дефицит научно-инженерных кадров для Голландии — мнимый, поскольку рынок попросту не предлагает привлекательных рабочих мест (другими слова-

¹⁵ Noailly J. Should the government stimulate enrolment in science and engineering studies? // Applied Economics Letters. 2011. 18. P. 371–375.

¹⁶ Noailly J. Should the government... P. 372.

ми: оплата труда – неконкурентоспособна). В этой логике увеличение выпуска искомой специальности едва ли приведет к росту доли науки и НИОКР в ВВП. Таким образом, получается, что объектом государственной политики в отрасли должно быть не предложение специалистов рынку труда, а скорее спрос на специалистов со стороны бизнеса (или самого государства?). Когда сектор НИОКР проигрывает межотраслевую конкуренцию за рабочую силу, бесперспективно инвестировать выпуск ученых.

Заключение

Описанная технология отбора источников обнаружила следующие особенности репрезентации предметного поля в е-библиотеке НИУ ВШЭ: (а) среди авторов полных текстов были представители исключительно академического сообщества (среди авторов нет представителей бизнеса); (б) наиболее релевантные по заглавию и ключевым словам источники, содержащие описания кейсов, не представлены в доступной для пользователей НИУ ВШЭ полнотекстовыми версиями; к ним относятся материалы крупных международных тематических конференций, собиравших в 2007–2012 гг. представителей академического сообщества и бизнеса; (в) тема активно разрабатывается китайскими коллегами, однако ни один (!) из заявленных в базе источников на английском языке не был доступен.

Представленная технология отбора и размер выборки источников, конечно же, не репрезентирует всего богатства дисциплинарных полей, ситуаций и подходов (с целями и задачами) к адаптации учебных программ. Более того, на выходе мы не получили ответов на все изначально поставленные вопросы. С одной стороны, специфика всякой базы данных в том и состоит, что не на все вопросы можно найти готовые ответы; с другой стороны, всегда остается место для сомнений в релевантности выбранной стратегии поиска поставленным задачам. Принципиальное значение имеют и временные ограничения.

Современная практика проведения фокус-групп: размывание междисциплинарных границ

Е.В. Полухина¹

Метод фокус-групп один из наиболее проблематизированных в социологическом сообществе. Основанием критики классических фокус-групп является его экспериментальность и лабораторность². В ответ на критику, а также в связи с тенденцией к смещению предмета социологии в сторону микроуровня, междисциплинарной практики исследований, метод претерпевает изменения. В статье описана одна из модификаций метода фокус-групп — этнографическая фокус-группа, заимствующая элементы этнографического метода. Ее принципиальное отличие от классической фокус-группы — проведение исследования среди *естественных*³ (заранее существующих) групп.

Классическая фокус-группа: о проблеме экспериментальности

Современные социологи все чаще обращаются к разнообразным методам для поиска ответов на исследовательские вопросы. Популярный и

¹ Полухина Елизавета Валерьевна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

² Обсуждение этой темы см., например: Левинсон А.Г., Стучевская О.И. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 1 (63). С. 46–55.

³ Мы определяем «естественные» группы как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом в процессе межличностного общения, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других (Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 873). Подобное понятие социальной группы близко к значениям «мик로그руппы», «малые группы», «первичные группы». Примерами таких социальных групп служат семья, группа друзей, бригада рабочих, исследовательская группа и др.

давно существующий метод фокус–групп имеет свои традиции применения и устоявшиеся процедуры использования. Но даже этот способ получения данных содержит достаточно проблемных областей. Наиболее очевидным является вопрос номинации: так, в сущности, мало чем отличающиеся процедуры имеют разные названия «фокус-группа», «фокусированное интервью в группе», «групповая дискуссия» и «глубинное групповое интервью»⁴.

Неопределенность названия и практик использования этого метода можно объяснить становлением в рамках разных дисциплин, а также его дальнейшее развитие в различных предметных областях — маркетинге, политологии, социальной психологии, социологии⁵.

Популяризация фокус-группы в гуманитарных науках приводит к размыванию процедуры в рамках и без того сложно определяемого метода. Появляется корпус «около фокус-групповых» техник, таких как номинальные группы (см., напр., исследования Е. Горбуновой), мозговые штурмы, реет-group⁶, открытые групповые дискуссии⁷ и др. Появившиеся групповые техники, с одной стороны, приводят к неоднозначности трактовки метода, так как их часто именуют фокус-группами⁸, а с другой стороны, позволяют отстраиваться практикующим специалистам, отстаивающим соблюдение определенных методических стандартов.

Изначально фокус-группа сводилась к изучению коллективного опыта — ситуаций из прошлого. Среди процедурных требований — наличие гайда (списка вопросов или обсуждаемых тем), нацеленного на верификацию гипотез. Современная фокус-группа представляет собой уже сформированную процедуру, «индустрию»⁹, как ее называет А. Левинсон. В целом, классические фокус-группы характеризуются позитивистской идеологией: сохраняют процедурную строгость и четкость. Так, одним из принципов является случайный отбор участников группы, также информанты не должны быть знакомы между собой. Так как фокус-группа — это небольшая модель генеральной совокупности (студенты, молодые мамы, пенсионеры и др.), то ее участники должны быть одно-

⁴ Дмитриева Е.В. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М.: Центр, 1998. С. 12.

⁵ Лебедев П.А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-фокус-группы: Автореф. дисс. ... канд. социол. н. / ИС РАН. М., 2010. С. 16.

⁶ Власова М. Метод фокус-групп в маркетинговых и социологических исследованиях. Режим доступа: URL: <http://www.marketing.spb.ru/lib-research/focus.htm>. Дата обращения: 11. 01. 2011.

⁷ Левинсон А. Качественные методы // Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетей, 2009. С. 217.

⁸ Чеховский И. Метод фокус-групп в контексте групповых интервью // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН; РОС, 2008. С. 27.

⁹ Левинсон А. Качественные методы. С. 217.

родны по составу и одновременно представлять разнообразие в рамках интересуемого признака.

Таким образом, классическая фокус-группа характеризуется как ситуация воспроизведения модели социума, что в определенной мере соответствует логике количественной традиции.

Как правило, однозначность и воспроизводимость данных (экспериментальность), получаемых при проведении классических фокус-групп реализуется посредством достижения конкретного результата — единого группового мнения или нескольких точек зрения, к которым пришли респонденты в процессе обсуждения¹⁰. Участники представляют собой экспериментальную группу, которой предлагается тема (фокус) для обсуждения — «вход», а в результате мы получаем конкретный ответ — «выход». Групповые процессы и репрезентативность позволяют предполагать, что полученный ответ («выход») с определенной долей вероятности актуален для всей генеральной совокупности. Однако последнее суждение спорно, так как результаты фокус-группы зачастую сводят к «разнообразному спектру мнений». В итоге исследователи рассматривают группы как вспомогательный метод, используемый для создания или тестирования количественного инструмента (анкеты) и др.¹¹

Современная социология определяет метод классических фокус-групп как интервью преимущественно с «субъект-объектными» отношениями¹², где респонденты представляют собой скорее «внешние источники данных». Это обусловлено правилами проведения такого рода дискуссий:

- рамки интервью определены заранее исследователем и зафиксированы в сценарии;
- интервьюер использует техники снижения «эффекта интервьюера» и занимает (эмоционально и когнитивно) нейтральную позицию;
- респондент старается «вместить» свой уникальный индивидуальный опыт и установки в задаваемые вопросы; «нейтральная» позиция модератора, не мешает, но и не стимулирует респондента открывать новые темы в разговоре¹³; уточним: модератор, безусловно, стимулирует участников активно обсуждать проблему, однако старается придерживаться обозначенного тематического фокуса.

Мы предполагаем, что обозначенные правила являются скорее крайностью, чем типичной ситуацией в рамках дискуссии такого рода, но с

¹⁰ Бонзак Р. Групповая дискуссия // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории / сост. Н. Конеген. К. Шуберт. М.: РОССПЭН, 2004. С. 179.

¹¹ Calder B. J. Focus Groups and the Nature of Qualitative Marketing Research // Journal of Marketing Research. 1977. Vol. XIV. No. III. P. 353–364.

¹² Савинская О.Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 7.

¹³ Там же.

точки зрения классического понимания метода фокус-групп, мы чаще всего имеем дело именно с таким его вариантом. Впрочем, метод постепенно модифицирует и приобретает иные формы.

Однако, несмотря на достаточно стабильное положение метода в социологической среде и широкий спектр проблем, доступных для изучения с его помощью, есть круг специалистов, которые отвергают классические фокус-группы. Социологи, маркетологи, а также их клиенты (представители бизнеса, государственных структур и пр.) активно вовлекаются в дискуссии, касающиеся целесообразности, оправданности использования и границ применения метода. В качестве примера приведем форум «Фокус-группа — эффективно или антинаучно?», где обсуждается результативность фокус-групп¹⁴.

В итоге, основная проблема классических фокус-групп сводится к низкой экологической валидности — близости условий исследования к реальной жизни участников. Но методика лабильна, она эволюционирует под воздействием критики, откликается на изменения в социологическом пространстве. Так, А. Левинсон и О. Стучевская выделяют два основных направления эволюции фокус-групп:

1) клинический подход (акцент на психо-нейролингвистической особенности человека, углубленное изучение процессов);

2) этнографический подход, предполагающий погружение в «естественную среду изучаемой группы»¹⁵.

Мы полагаем, что последний сценарий наиболее жизнеспособен и актуален для современной социологии. Именно этому варианту модификации фокус-групп посвящена статья. Обратимся рассмотрению основных принципов этнографического метода с целью экспликации важных характеристик интересующей модификации метода фокус-групп.

Этнографический метод как способ сбора данных в естественных условиях

Этимология слова «этнография» берет начало из греческих слов «ethnos» (что в переводе обозначает «люди») и «graphiei» («описание»); «этнография» дословно переводится как «описание людей». Таким образом, в самом общем понимании этнографический метод нацелен на описание людей. В этом заключается его специфичность. Она отражается в выборе объектов этнографического метода (феноменов, общностей, групп), а также принципах получения и анализа данных. Этнографиче-

¹⁴ Дымищ М. Проведение фокус-группы как фатальная ошибка бизнеса // URL: [http://www.marketing.spb.ru/lib-research/focus/fatal_focus.htm]. Дата обращения 16.05.2011.

¹⁵ Левинсон А.Г., Стучевская О.И. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2003. № 1 (63). С. 46–55.

ский метод заимствован из антропологии и исторически развивался в рамках этой науки как метод включенного наблюдения в его «узком» смысле. В Чикагской школе метод участвующего (включенного) наблюдения получил легитимацию в социологических исследованиях, а чтение культуры как текста и «насыщенное» описание наблюдаемых феноменов стали ключевыми приемами авторов, работающих в герменевтической перспективе, пусть и не называющих себя этнографами¹⁶.

Социолог, ведущий включенное наблюдение, исходит из предположения, что «структура общества в целом закодирована в каждой его части»¹⁷. Мысль эта представляет собой формулировку одного из основных теоретических положений, касающихся исследований социума: общество производится людьми и не может продолжать существование без осмысленных действий. Мы узнаем, как социальное действие в одном мире может быть понято (осмыслено) с точки зрения другого мира¹⁸. Метод включенного наблюдения дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных обществ. Особенность метода включенного наблюдения заключается в специфичности выявления повторяющихся форм человеческих взаимодействий и понимания присущего им субъективно полагаемого смысла¹⁹.

Интерпретативный подход к анализу данных, согласно идеям К. Гирца, в первую очередь, ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих деятелей, на создание наблюдателем теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых. Если воспользоваться формулировкой К. Гирца, целью здесь является «не экспериментальная наука, ищущая закон, а интерпретативная наука, нацеленная на поиск смысла»²⁰.

Современный этап в развитии качественных исследований дает возможность зафиксировать отличительные черты этнографического метода в социологии. «Главный» исследовательский вопрос социолога выглядит следующим образом: «Как люди воспринимают, чувствуют окружающий их мир в естественных, повседневных условиях и взаимодействии?»²¹. Таким образом, участие в жизни информантов, наблюдение за естествен-

¹⁶ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е. Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. №1/2. С. 32.

¹⁷ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 157.

¹⁸ Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: Университет, 2002. С. 23.

¹⁹ Козлова Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 24.

²⁰ Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. P. 5.

²¹ Marvasti A.B. Qualitative Research Sociology. L. et al.: Sage, 2004. P. 37–41.

ным ходом их жизни — важнейшее условие реализации исследований в этой традиции. Все последующие специфические черты этнографического метода являются следствием этого подхода. Раскроем содержание каждой из них.

Главенство *принципа естественности сбора данных* («in situ studies»): чем более приближенной к повседневной жизни будет ситуация исследования, тем в большей степени собранные материалы (и их последующая интерпретация) будут отражать «реальное положение вещей»²². Эти процедуры способствуют повышению «экологической» валидности — соответствия между условиями получения опыта и исследуемой реальностью²³. Задача исследователя — в деталях описать поведение информантов и придаваемые ему смыслы, используя имеющийся методический арсенал. При этом категория «естественность» представлена тремя равноправными элементами: (1) изучаемыми *индивидами* — репрезентацией их повседневных практик; (2) *методами*, не нарушающими привычные действия людей; (3) *исследователем*, использующим «естественные» установки, лежащие в основе исследовательской ориентации²⁴.

Неформализованность подхода к сбору и анализу полевых наблюдений, отсутствие жестких стандартов исследовательской деятельности (что в большинстве случаев есть основание для критики этнографического метода) является своеобразным следствием описанного выше «in situ studies». Заранее невозможно знать нормы поведения изучаемого сообщества, поэтому дизайн исследования всегда гибок и непредсказуем²⁵. Исследователи свободно переключаются с одного метода сбора данных на другой в зависимости от изменения гипотезы, вопроса изучения, ситуации исследования; так же легко претерпевают изменения и их отношения с изучаемым сообществом, тактика коммуникации.

Акцент на описание действительности. Н. Дензин²⁶ различает два типа описания среды: *плотное* (или насыщенное — thick) включает в себя контекст действия, намерения субъекта и смыслы, вкладываемые в действия, а так же его последующее развитие; и *тонкое* (thin) — представленное отдельным фактом.

²² Silverman D. (ed.) Qualitative Research. Theory, Method and Practice. L. et al.: Sage, 2002. P. 18.

²³ Brewer M. Research design and issues of validity // Reis H., Judd C. (Eds.) Handbook of research methods in social and personality psychology. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. P. 99–120.

²⁴ Hammersley M. What Wrong with Ethnography // Sociology. 1990. Vol. 24. P. 598.

²⁵ Atkinson P. Understanding Ethnographic Texts. Newbury Park, Calif.: Sage, 1992; Atkinson P. Coffey A. Analyzing Documentary Realities // Ethnography. Vol. III / Ed. by A. Bryman. 2001. P. 61–66.

²⁶ Denzin N.K. Introduction: the discipline and practice of qualitative research // The Sage handbook of qualitative research / Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. Thousand Oaks et al.: Sage, 2005. P. 39.

Этнографическое описание отличается детальностью, нарративная природа, контекстуальность. Принцип контекстуальности предполагает, что описание должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуациях, на каком социальном фоне происходило взаимодействие «исследователь – индивид»²⁷. Дневниковые записи, фотографии служат основанием для воспроизведения исторического, социального, эмоционального контекста, который позволяет детально описать и понять действия людей. Поэтому ценность для исследователя представляет практически каждое изменение в изучаемой среде. Предполагается, что незафиксированность контекста может привести к неверной интерпретации событий и действий: понять наблюдаемые события можно только при помещении их в более широкий контекст²⁸.

Специфика собранных данных представлена в этнографическом методе особо. Привычный для позитивистской традиции термин «данные» заменяется термином «эмпирические материалы»; им присуща фрагментарность и разнообразие. К ним относятся дневниковые записи, аудио, фото, киноматериалы, документальные свидетельства (письма, документы)²⁹. Часто сбор материалов осуществляется в «партизанских» условиях, что делает наиболее актуальным вопрос этики исследователя. Статус эмпирических материалов можно обозначить как «многоголосье» информантов. Так, Майкл Буравой отмечает, что «задача социологии состоит в том, чтобы понять смысл “высказываний” каждого, продемонстрировать их взаимосвязь, а не играть ими как разрозненными и несвязанными. Конечно, это сложно: некоторые голоса будут заглушены, а некоторые — усилены. Нам следует позволить им выговориться, оспаривать и изменять нашу “госпожу-повествование”. И это не причина отказываться от полифонии»³⁰.

Особое значение *позиции исследователя* характерно для этнографического метода в большей степени, нежели для иных качественных методов. Понимание и соотнесение изучаемого явления, встраивание его в социальный контекст, взаимодействие с индивидами осуществляет именно социолог. В рамках этнографического метода ему отводится ключевая роль на протяжении всех стадий исследовательской работы. В данной традиции исследователь склонен к рефлексии³¹. Вопрос о «реф-

²⁷ Baszanger I, Dodier N. Ethnography: Relating the Part of the Whole // Qualitative Research: Theory, Method and Practice / Ed. by D. Silverman. L.: Sage, 1997. P. 10.

²⁸ Atkinson P. Coffey A. P. 61–63.

²⁹ Романов П.В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 141.

³⁰ Буравой М. Развернутое монографическое исследование... С. 171–172.

³¹ Исследовательская рефлексивность — это способность становиться своеобразным объектом самоисследования, учитывать собственный опыт, статус, обыденные представления и переосмысливать свои ощущения в изучаемой среде. Часто

лексивности» остается дискуссионным явлением в качественной методологии. Главная идея заключается в предположении, что полученные материалы неотделимы от исследователя и всегда связаны с ним.

Таким образом, этнографический метод — это описательный метод полевого исследования, для которого характерно получение данных в естественных, повседневных условиях, в прямом взаимодействии с объектом исследования (социальными общностями и группами со своей культурой) преимущественно неформализованными способами (включенное наблюдение, неформализованные интервью) во время длительного нахождения исследователя в среде изучения.

Этнографическая фокус-группа: симбиоз этнографического метода и фокус-групп

Если предположить, что сложившаяся практика группового интервьюирования описывается континуумом от классической фокус-группы к этнографическому методу, то природу наблюдаемых модификаций можно объяснять заимствованием элементов этнографического метода. Эту практику мы обозначим, как *этнографическая фокус-группа*.

Оба исходных метода (фокус-групп и этнографический метод) занимают маргинальное положение на континууме качественных методов. Часть приверженцев интерпретативного направления не относят фокус-группы к качественным методам за их «лабораторность» и избыточную формализованность. В свою очередь этнографический метод подвергается критике со стороны сторонников классической социологии за субъективизм и неформализованность. Этнографический метод долгое время и отчасти сейчас «вынужден защищать свои научные полномочия в среде социологов»³².

На примере этнографической фокус-группы мы можем наблюдать феномен «методологического симбиоза», в котором Г.Г. Татарова видит «инструментальное средство, порожденное слиянием двух разных методов, в результате которого нивелируются недостатки каждого из них»³³.

Этнографическая фокус-группа имеет ряд общих с этнографическим методом черт:

- *полевые условия проведения* (в среде «информантов») и как следствие специфический доступ в поле, необходимость выстраивать «доверительные» отношения с информантами (многократные кон-

этим термином определяют метод, теорию и т.п., в которых особое внимание уделяется последствиям влияния, которое на объект исследования оказывает личность исследователя или его простое присутствие (The New Shorter Oxford Dictionary. Oxford, 1993. P. 2522).

³² Буравой М. Развернутое монографическое исследование... С. 157.

³³ Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу об интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 10.

такты), получение информации об объекте различными методами (включенное наблюдение, неформализованные интервью и др.) и как следствие, разнохарактерность получаемых данных;

- *участники фокус-групп* — *естественные социальные группы*, имеющие самобытную внутреннюю культуру и структуру взаимодействия, что определяет специфику доступа в поле исследования;
- *особая позиция исследователя*, которая выражается в необходимости соблюдать баланс между *участием* (пониманием мира информантов) и *дистанцией*, обеспечивающей научную обоснованность его действий.

Преимущество с методом классических фокус-групп наблюдается на уровне базовых методических оснований: принципы формирования группы (гомогенность, размер), инструментария (необходимость гайда и транскрипта как базовых документов), частичное совпадение области применения (предмет) и анализа полученных результатов.

Сфера применения этнографической фокус-группы лежит в смежной области фокус-групп и этнографического метода. Объекты заимствованы у этнографического метода и представляют два основных типа: территориальные общности (например: районы, села) и организации (предприятия и учреждения). Предмет представлен двумя главными классами проблем: (1) феномены и явления, изучаемые внутри выделенных социальных групп, (2) восприятие социальными группами определенных явлений.

В качестве методического стандарта процедуру проведения можно представить следующим образом: (1) определение объекта исследования и выбор наиболее репрезентирующих его групп (возможно, нескольких); (2) обеспечение доступа в поле исследования; (3) сбор первичных данных, составление структуры изучаемого объекта и выбор релевантных социальных групп; (4) проведение этнографических фокус-групп с выделенными социальными группами целесообразно организовать следующим образом:

а) Отбор участников по принципу гомогенности. Целесообразно руководствоваться принципом отбора респондентов из теории классических фокус-групп, выраженной в гомогенности значимых для исследования признаков.

б) Численность участников — 3–8 человек. Теория классических фокус-групп определяет рамки размерности группы. При этом: чем более глубокая и детальная информация необходима, тем меньше участников предполагает коммуникация.

в) Характер коммуникации — *групповая беседа*. Среди выведенных трех форм коммуникации в группе информантов (групповая беседа, групповое интервью, групповая дискуссия) метод этнографической фокус-группы строится на субъект-субъектных отношениях и имеет в осно-

ве групповую беседу как базовую форму коммуникации, заимствованную от этнографического метода. Это не исключает такие формы коммуникации, как групповое интервью и дискуссия (они так же могут присутствовать на разных стадиях реализации метода, но в меньшей степени). Далее происходит «насыщение» индивидуальными интервью с наиболее релевантными участниками фокус-групп. Предварительные и последующие индивидуальные интервью рекомендованы в целях подтверждения получения валидных данных (триангуляция методов).

В итоге мы предполагаем, что полученная модель этнографической фокус-группы отражает общую тенденцию междисциплинарности в качественной социологии. Последнее связано со стиранием границ между этнографическим методом, социальной антропологией, включенным наблюдением, case study. В таком контексте концептуализация этнографической фокус-группы наследует результаты общей дискуссии о качественных методах и приобретает другой уровень значимости.

Банк социологических данных как информационный и методологический базис в исследованиях современной России

Н.И. Ростегаева¹

Краткая история создания банка данных

Идея создания архива или банка социологических данных в СССР возникла в среде советских ученых-обществоведов еще в конце 60-е гг. XX века. Она была обусловлена следующими обстоятельствами. С одной стороны, в США и Западной Европе уже функционировали крупные центры, аккумулирующие в виде массивов машиночитаемых данных (machine readable data archives) социальную информацию по социологии, истории, экономике, политике, управлению и др., произведенную университетами и организациями, ориентированными на создание такого рода информации в процессе работы над конкретными исследовательскими проектами. С другой стороны, интенсивное развитие социологической науки в СССР с начала 1960-х гг. привело к накоплению значительного эмпирического материала, отражающего практически все основные социальные аспекты жизнедеятельности нашего общества. В это время было выполнено несколько крупномасштабных проектов: «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» (рук. Б.А. Грушин, 1966–1972 гг.); «Рабочий класс и технический прогресс» (рук. Г.В. Осипов, 1965 г.); «Отношение к труду рабочей молодежи крупного индустриального центра» (рук. А.Г. Здравомыслов и др., 1967 г.); «Социальные показатели-79. Условия труда и быта» (рук. Г.В. Осипов и др., 1979 г.); «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» (рук. И.Т. Левыкин, 1980–1981 гг.); проведен ряд исследований по проблемам

¹ **Ростегаева Нина Ивановна** — кандидат философских наук, заведующая сектором банка данных социологических исследований Института социологии РАН.

семьи под руководством А.Г. Харчева и пр. Следует упомянуть и исследования бюджетов рабочего и вне рабочего времени городского и сельского населения, проводимые новосибирскими учеными В.А. Артемовым и В.А. Патрушевым с середины 1960-х гг. Появились социологические центры и лаборатории при университетах, институтах и промышленных предприятиях, которые занялись изучением текучести кадров, условий труда и быта советских людей, их социальной активностью и другими проблемами.

Перед научным сообществом встала задача сохранить эти данные и обеспечить доступ к ним социологов, педагогов и управленцев. Возможности электронно-вычислительной техники и программного обеспечения того времени, применяемого в советской социологии, затрудняли переход к практической реализации этой идеи. Однако теоретико-методологические вопросы накопления и использования социальной информации широко обсуждались в научной литературе и нашли отражение в трудах таких известных советских обществоведов, как В.Г. Афанасьев, В.А. Виноградов, Г.Т. Журавлев и др. В этих работах были поставлены вопросы о необходимости централизованного накопления данных социологических исследований и рассматривались возможности неоднократного использования этой информации как в интересах развития социологической науки, так и для нужд социального управления. Реализации этих идей предшествовали многолетние методологические и методические исследования проблем организации банка данных социологических исследований, осуществленные В.Г. Андреенковым, А.Г. Кузнецовым, М.С. Мацковским, В.И. Молчановым и др. В середине 1980-х гг. работа над решением многих проблем по организации первого в СССР банка социологических данных перешла в практическую плоскость и происходила в научном контакте с ведущими зарубежными специалистами в этой области: Р. Биско, Г. Марксом, Е. Мохманом и др.

Концепция, положенная в основание Банка, опиралась на идею централизации и интеграции социологических эмпирических данных. Под централизацией подразумевается накопление данных большого числа эмпирических исследований в одном месте, что создает предпосылки для проведения сравнительного и вторичного анализа данных, полученных в различных социологических центрах. Интеграция данных предполагает процесс объединения отдельных данных в систему взаимосвязанных показателей, описывающих особенности развития общества в целом и отдельных его частей.

Постоянно ускоряющийся процесс производства социальной информации, появление новых программных средств и развитие электронно-вычислительной техники, расширяющееся использование ее для обработки и анализа социологических данных способствовали укреплению идеи создания банка и ее практическому осуществлению. Задача выпол-

нялась под руководством В.Г. Андрееenkova сотрудниками Отдела методического и информационного обеспечения социологических исследований Института социологии РАН — М.С. Косолаповым, О.М. Масловой, Ю.Н. Толстой — обеспечивалась методологическая поддержка создания банка социологических данных; много сил и труда к практической реализации этой идеи приложил и А.О. Крыштановский. Необходимо упомянуть и А.В. Жаворонкова, восстановившего исследования, проведенные под руководством Б.А. Грушина в 1960–70-е гг., а также сотрудников группы обработки социологических данных, обеспечивших сохранность эмпирических материалов исследований и возможность их включения в информационный фонд создаваемого банка.

В результате этих усилий в 1985 г. в Институте был организован Банк социологических данных. За период с 1985 по 1988 гг. при непосредственном участии и под руководством А.О. Крыштановского были изданы ежегодные справочники «Банк социологических данных (информационные ресурсы социологических центров СССР)», где впервые были представлены в систематизированном виде описания исследований, эмпирические данные которых вошли в информационный фонд банка.

Деятельность банка регламентировалась «Положением о Банке социологических данных», принятым на заседании президиума Советской социологической ассоциации (ССА) от 8.04.1985 г. В этом документе был определен состав, структура и общие правила пользования автоматизированной системой информационного обеспечения социологических исследований – Банком социологических данных (БСД), функционирующей на базе ИСИ АН СССР. В Положении было указано, что Банк социологических данных является постоянно развивающейся информационной системой; указаны общие требования к его составу и структуре, к характеру взаимодействия пользователей с банком. Установлены права и обязанности пользователя при внесении информации, условия и режимы доступа пользователей к информации БСД. В процессе расширения своих связей с другими социологическими центрами БСД в 1987 г. приобрел статус Всесоюзного (ВБСД) под опекой Советской социологической ассоциации. Он объединил ряд организаций, заинтересованных в коллективном использовании информации и представляющих практически все регионы страны. В координационный совет Банка вошли ведущие ученые страны: академик Т.И. Заславская (президент ССА), д. филос. наук В.Н. Иванов (директор ИСИ АН СССР), д. экон. наук Е.Г. Антосенков (НИИ труда Госкомтруда СССР), д. экон. наук Ф.М. Бородин (ИЭОПП СО АН СССР), д. филос. наук Б.А. Грушин (ВЦИОМ), д. филос. наук А.С. Кулагин (АОН при ЦК КПСС), д. филос. наук В.А. Мансуров (ИСИ АН СССР), д. филос. наук А.А. Матуленис (Ин-т философии, социологии и права Литовской ССР), д. экон. наук И.И. Сигов (ИСЭП АН СССР). ВБСД аккумулировал информацию социологических исследований, про-

водимых не только сотрудниками ИСИ АН СССР, но и другими социологическими центрами. В «Положении о Всесоюзном Банке социологических данных» от 1988 г. были выделены два основных аспекта, характеризующие создаваемую организацию:

1) Всесоюзный Банк социологических данных — это объединение группы заинтересованных учреждений для целей коллективного использования данных социологических исследований;

2) ВБСД является открытым, к нему может присоединиться любая организация СССР, занимающаяся исследованиями в области общественных наук или использующая результаты таких исследований.

Основное условие приема — признание целей данной ассоциации и согласие с настоящим Положением. Главная цель создания ВБСД была определена как дальнейшее развитие информационной базы социологии, методической координации социологических исследований внедрения современной компьютерной технологии в практику общественных наук.

Современное положение банка социологических данных

С 1991 г. в связи с распадом СССР и разрывом многих связей с бывшими союзными республиками, ставшими независимыми государствами, география данных, собираемых в Банке, существенно сузилась, возник ряд проблем организационного характера, вследствие чего Банк утратил свой статус Всесоюзного и ограничил свои интересы пределами России. Однако, несмотря на все политические и структурные изменения, Банк продолжает выполнение своей основной задачи по сохранению накопленной информации: его эмпирический фонд содержит данные целого ряда исследований, проведенных в разные годы практически во всех республиках бывшего СССР. В связи с коренными переменами, произошедшими в жизни нашего общества за последние 20 лет, большая часть этих данных приобрела уникальный характер и большую историческую ценность, в том числе и по причине полной невозможности их воспроизведения.

В настоящее время Банк данных социологических исследований ИС РАН (БДСИ), как преемник банка социологических данных ИС АН СССР, продолжает его деятельность по накоплению и сохранению эмпирических данных массовых опросов населения, проводимых в течение длительного периода времени сотрудниками Института социологии и представителями других организаций, и информировании научной общественности о содержании его эмпирического фонда. Его деятельность регламентируется «Положением о Банке данных социологических исследований (БДСИ)» от 2007 г. Институт социологии РАН является правообладателем всего фонда эмпирической информации, хранящейся в Банке, сохраняет все права на информацию, передаваемую другим организациям, архивам, индивидуальным пользователям. БДСИ является от-

крытым для приема эмпирических данных как от организаций, так и отдельных исследователей, заинтересованных в их сохранении и представлении научной общественности. Развитие новых информационных технологий вызвало необходимость изменения условий и форм доступа к информации научной общественности. БДСИ является структурным подразделением Института, входит как сектор «Банк данных социологических исследований» в Центр методологии социологических исследований. Работа Банка обеспечивается сотрудниками сектора и координируется Экспертным советом (ЭС), который формируется Ученым советом ИС РАН из числа ведущих специалистов Института. В компетенцию ЭС входит определение общего направления развития Банка.

Основной задачей БДСИ является достижение следующих целей:

1) сохранение социологических эмпирических данных как национальный информационный ресурс для последующих временных, территориальных и исторических сравнений;

2) сохранение исследовательских методик (анкет, вопросников, бланков сбора данных и пр.);

3) содействие обучению студентов, аспирантов и др. категорий специалистов методам исследования социальных процессов;

4) организация доступа научной общественности к информационному фонду Института социологии РАН на основе современных компьютерных технологий;

5) периодическое информирование научной общественности о новых поступлениях информации в Банк путем соответствующих сообщений на сайте Института.

Кроме того, сотрудники Банка постоянно ведут исследования методологических и методических проблем использования накопленной информации для вторичного и сравнительного анализа данных.

Типы информации, аккумулированной в Банке

Руководствуясь вышеуказанным «Положением», для каждого исследования, сохраняемого в Банке или вновь поступающего на хранение, имеется комплект документов, содержащий следующую информацию.

Паспорт исследования — название исследования в формулировке его разработчиков, руководитель/руководители исследования, характеристики условий проведения исследования, характеристики генеральной совокупности и выборки, способы сбора данных и пр.

Паспорт документов сбора информации — характеристики каждого типа документа сбора данных, использованного в исследовании.

Паспорта исследований и документов сбора данных хранятся в электронной форме и на бумажных носителях. Информация из них используется при подготовке исследований для представления в Интернет.

Образцы документов сбора данных — анкеты, вопросники, бланки интервью и пр., сохраняются как на бумажных носителях, так и в электронной форме (переводятся в процессе подготовки исследований для представления в Интернет).

Файлы эмпирических данных, полученных в результате проведения полевого этапа. В настоящее время практически вся информация Банка переведена в формат SPSS (portable/sys файлы). Однако для данных, полученных другими программными средствами, возможно обеспечение их хранения с последующим переводом в наиболее распространенный в среде архивов и банков данных формат SPSS.

В БДСИ, к сожалению, в настоящее время нет данных, полученных качественными методами. Кроме того, в современной мировой социологической методологии значительное внимание стало уделяться методам сбора визуальной социальной информации: фотографиям, видеозаписям, рисункам, комиксам и пр. Надеемся, что в недалеком будущем не только данные массовых опросов, но и эти, новые формы представления информации об обществе, будут аккумулироваться в Банке. Тем более что новые методы сбора данных, основанные на современных информационных технологиях, стимулируют развитие новых взглядов на методологию анализа данных и сравнения результатов.

Предоставление информации пользователям

На сайте Института представлен ряд исследований из информационного фонда Банка. Выложенные на сайт исследования индексируются по ключевым словам их основной тематики для более быстрого поиска нужного материала. Это радикально изменило возможности доступа пользователей к информации. Методические материалы (паспорта) и образцы документов сбора данных по мере их представления в Интернет на сайте Института находятся в свободном доступе для всех пользователей, а файлы эмпирических данных и частотные распределения представленных исследований передаются пользователям по индивидуальному запросу, бланк которого имеется на сайте. Запрос необходим для получения сведений о потенциальном пользователе и целях, для которых он запрашивает тот или иной тип информации — текст анкеты, файл эмпирических данных, частотные распределения в формате WORD. В учебных и научных целях информация предоставляется бесплатно.

Проблемы и возможности использования информации Банка для вторичного и сравнительного анализа

В БДСИ хранятся данные эмпирических социологических исследований за длительный период времени, проведенных ведущими учеными страны, аспирантами и практическими социологами. Тематика исследований отражает все этапы и стороны жизни советского общества с конца 1960-х гг. прошлого века, а также политические и структурные пере-

ны, происходившие в обществе в последние годы XX века — в период «перестройки» и постперестроечные годы. Банк аккумулирует исследования по социальной напряженности, национальным конфликтам, по изменению социальной структуры современного российского общества, появлению в нем новых слоев и групп, по проблемам перехода страны к другому политическому и экономическому устройству. Тематические базы данных по широкому кругу социальных проблем, в том числе по социальной структуре и стратификации общества, по проблемам молодежи и обретением ею социального и профессионального статуса, по миграционному и демографическому поведению членов общества, электоральному, девиантному поведению населения и др. позволяют на основе новых гипотез ставить и решать широкий спектр содержательных и методологических задач.

Одним из важных направлений деятельности Банка в современных условиях является обеспечение возможностей для вторичного анализа и сопоставления исследований, проведенных в разное время и в разных культурно-региональных средах. В связи с этим возникает ряд проблем методологического характера для корректного использования данных Банка. Одной из них является проблема релевантности результатов сравнения исследований, вызванная разным уровнем их репрезентативности.

Для мониторингов, широко распространенных в настоящее время, условие репрезентативности заложено в программу исследования и с тем или иным успехом выполняется на всех этапах. Однако существует и другой эмпирический материал, представляющий большой диапазон разнообразных типов исследований, в программу которых условие репрезентативности собираемых данных относительно генеральной совокупности включалось далеко не всегда. Однако по нашему глубокому убеждению все виды эмпирических данных советского периода представляют научную ценность и должны использоваться для приращения социологического знания об обществе. Как один из вариантов подхода к решению этой проблемы можно классифицировать исследования по степени репрезентативности выборочной совокупности относительно генеральной совокупности объектов и в зависимости от класса репрезентативности использовать данные для адекватных содержательных и методических задач. В качестве примера предлагаем следующую классификацию:

1 класс: репрезентативность декларирована и подтверждена документами построения выборки;

2 класс: репрезентативность декларирована, однако документы построения выборки отсутствуют (в этом случае иногда можно найти описание выборки в публикациях авторов исследования);

3 класс: исследование нерепрезентативно по декларации руководителя исследования (например, пилотажное исследование);

4 класс: монографическое исследование, т.е. в данной совокупности был проведен опрос всех ее членов.

Очевидно, что исследования 1 класса соответствуют современным требованиям к качеству эмпирических данных и используются в широком спектре социологических задач, в том числе для вторичного и сравнительного анализа при условии сопоставимости методического инструментария. Относительно исследований 2-го и 3-го классов следует сказать, что они также могут участвовать в социологической практике при адекватном выборе содержательной задачи и соответствующего методического подхода. Так, например, на результаты этих исследований и инструментарий сбора данных можно опираться при постановке гипотез и задач нового исследования по аналогичной тематике; для описания сути явления в локальной области в историческом аспекте или в настоящее время; в целях обучения и пр. Для анализа такого рода данных могут применяться обобщенные показатели, индексы, другие математические и статистические конструкции, ряды которых отражают тенденции сопоставляемых процессов. Исследования 4-го класса используются в сравнительных описаниях объектов изучения при указании всех обстоятельств проведения исследования аналогично методикам изучения социальных объектов так называемыми мягкими методами. Предложенную классификацию следует рассматривать как один из возможных вариантов использования информации, накопленной в Банке данных социологических исследований.

Еще один подход, который был использован в Банке данных для решения некоторых методологических проблем вторичного и сравнительного анализа данных, — это создание базы данных исследований, объединенных одной проблематикой, выполненных в разных регионах и проводимых на протяжении длительного периода времени. В БДСИ накоплен значительный эмпирический материал по проблемам социальной структуры, стратификации и социальной мобильности за длительный период времени (с начала 80-х гг. прошлого века по настоящее время). Из эмпирического фонда Банка к этой проблематике можно отнести около 150 исследований, если понимать под исследованиями структуры не только те, в программе которых была заявлена цель изучения общественной структуры и мобильности социальных групп и слоев, но и все те исследования, которые посвящены изучению какой-либо одной общественной группы, например, инженеров, специалистов сельского хозяйства, сельских жителей, научно-технической интеллигенции, медицинских работников, ученых, студентов, пенсионеров, предпринимателей и т.д.

Для организации первого варианта базы данных (БД) «Социострата» было выбрано 40 исследований, наиболее близких по характеру используемых показателей. При их отборе преследовалось достижение двух целей: (1) описание исследований, имеющих отношение к данной пробле-

матике, и представление их методик сбора данных в Интернет; (2) состав исследований и содержание их показателей должны были послужить методологической и эмпирической основой для создания рубрикатора показателей, призванного систематизировать и каталогизировать индикаторы, наиболее часто встречающиеся при изучении этой проблематики. Ядро этой базы данных составляют исследования, проведенные в 1984–1990 гг. под руководством Ф.Р. Филиппова и посвященные изучению диалектики общего и регионально-особенного в воспроизводстве и изменении социальной структуры советского общества. В них выявлялись наиболее существенные черты динамики социальных перемещений в основных социальных группах и слоях населения, а также внутри поколений и между ними. Освещались основные источники и каналы мобильности, их направленность, интенсивность и социальные последствия. Все исследования объединены общностью теоретических подходов и методов социологического анализа изучаемого процесса. Для каждого региона составлялась отдельная выборка, основанная на некоторых общих теоретических посылах программы. В последующие годы исследования этой проблематики продолжаются под руководством З.Т. Голенковой, они составляют значительную часть базы данных. Перемены, происходящие в России в настоящее время, вызвали необходимость расширения круга показателей изучения социальной структуры за счет введения новых, нацеленных на выявление современных реалий жизни российского общества: появление новых слоев и групп, отношение к частной собственности, предпринимательству и др. Эти изменения в жизни общества отражены в методиках сбора данных через введение новых, не применявшихся ранее, показателей. Новые понятия изучаются и в исследованиях социальной структуры и классового сознания, выполненных под руководством В.А. Мансурова и М.Ф. Черныша, также включенных в базу данных. Исследования социальной и профессиональной мобильности рабочих дают представление не только о процессах восходящей и нисходящей мобильности, наблюдавшихся в советском обществе, но и выявляют тенденции, наметившиеся еще в 1980-е годы и проявляющиеся в современной действительности. Исследования серии «Зеркало мнений», осуществленные в 1992–1998 гг. под руководством В.А. Мансурова, М.Ф. Черныша, В.Д. Шапиро и др., дают представление о мнениях населения по актуальным проблемам современности. Кроме того, они содержат блоки показателей, позволяющих выявить тенденцию изменений социальной структуры современного российского общества и сравнить ее с результатами 1980-х гг.

Все включенные в БД исследования имеют блоки однотипных показателей структуры и мобильности, позволяющие строить динамические ряды на эмпирическом материале и отслеживать характер и вектор изменений в сфере социальной стратификации. Приведем несколько приме-

ров. Однотипными вопросами являются в этих исследованиях вопросы социально-демографического блока; вопросы о социальном положении в настоящее время и в недавнем прошлом, о роде организации, в которой работает респондент по основному месту работы и по дополнительному, отрасли хозяйства, в которой он работал ранее и работает в настоящее время; вопросы о социальном статусе респондента, его родителей, супруги(а); самоидентификация респондента с каким-либо социальным классом, группой или слоем, к какому из слоев хотелось бы ему принадлежать и др.

Однотипность вопросов понимается нами не буквально, поскольку далеко не все вопросы одного типа полностью идентичны друг другу в разных исследованиях. Они могут отличаться различием, как в формулировках вопросов, так и в наборе вариантов ответов на них. Так, в вопросах о социальном положении исследований 1990-х гг. появляются новые варианты: самостоятельный работник в сельском хозяйстве, фермер, член кооператива, наемный работник кооператива, арендатор, предприниматель. Поэтому процедура отнесения вопросов к одному типу выполнялась с учетом результатов содержательного и статистического анализа переменных исследований, входящих в состав базы данных.

Отдельно следует упомянуть исследования, казалось бы, напрямую не связанные с вышеописанными, но включенные в базу данных. Они относятся к классу исследований, посвященных изучению отдельных социальных общностей. Мы сочли возможным представить их в базе данных, поскольку одно из них характеризует условия жизни и службы офицеров российской армии, а также их мнения по ряду актуальных проблем реформирования Вооруженных Сил. Методические материалы и результаты изучения этой социальной общности нечасто представляются научной общественности. Другое исследование посвящено изучению новой социальной группы — фермеров, не существовавшей в советское время. Включение индикаторов, характеризующих эти группы, существенно расширяет общее поле показателей структуры.

База данных содержит описания исследований с указанием их репрезентативности, электронные тексты документов сбора данных и верифицированные файлы эмпирических данных, в которых структура и нумерация переменных приведена в соответствие с содержанием полевого документа. На основании БД «Социострата» сотрудниками сектора БДСИ А.В. Жаворонковым и А.Л. Королевым впервые был разработан каталог-рубрикатор показателей социальной структуры, стратификации и мобильности, который охватывает практически весь набор индикаторов, применяемых в исследованиях по социальной структуре. Он может использоваться в теоретико-методологическом плане и в практическом при разработке инструментария и для проведения вторичного и сравнительного анализа не только исследований БД «Социострата», но и дру-

гих, имеющих однотипные блоки показателей. Рубрикатор показателей выполняет несколько функций. Во-первых, он служит методологической основой для разработки и верификации эффективного инструментария; во-вторых, он находит практическое применение при создании аналитических моделей общественных процессов с более высокой степенью достоверности; в-третьих, может использоваться при индексации исследований. Разработка рубрикатора позволяет сделать шаги в направлении построения тезауруса социологических показателей, необходимого для автоматического индексирования исследований с целью облегчения пользователям поиска необходимой информации.

Заключение

На сайт Института социологии РАН регулярно поступает информация об исследованиях, доступных пользователям, разработан аппарат для поиска исследований по ключевым словам. По запросу (образец запроса имеется на сайте) исследователь, нуждающийся в информации в научных целях, имеет право безвозмездно получить текст анкеты, файл эмпирических данных в формате SPSS или частотные таблицы исследования, представленного в Интернете и указанного в запросе. На представленную в Интернет информацию поступают и выполняются запросы от исследователей, аспирантов и студентов России, а также и от зарубежных коллег. По России география запросов весьма широка — от Камчатки до Калининградской области. Ученых из Германии, Великобритании, США, Чешской Республики интересуют в основном исследования, проведенные в 1980-е годы: «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» (1981, 1986 гг.); «Социальные проблемы семьи и быта» (1980 г.), «Социальная эффективность образования» (1984 г.) др.

Поступают запросы и из московских вузов, в том числе из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — о ценностных ориентациях молодежи, о проблемах семьи и здоровья населения, о социально-стратификационной дифференциации общества, происходящей в 90-е гг. XX века и пр. Банк данных социологических исследований постоянно сотрудничает с Единым архивом экономических и социологических данных НИУ ВШЭ.

В заключение приведем избранную библиографию работ, посвященных Банку социологических данных.

1. *Молчанов В.И.* Системный анализ социологической информации. М.: Наука, 1981.
2. *Андреенков В.Г., Чередниченко В.А.* К вопросу о создании банка социологической информации // Социологические исследования. 1982. № 1.

3. Андреенков В.Г., Крыштановский А.О., Чередниченко В.А. Проблемы накопления и анализа на ЭВМ данных социологических исследований. М.: Наука, 1986.

4. Ростегаева Н.И. Банк социологических данных: история становления и перспективы развития // Социология: методология, методы, математические модели. 1998. № 10.

5. Ростегаева Н.И. Банк данных социологических исследований: ретроспектива и некоторые методологические аспекты функционирования // Социологические методы в современной исследовательской практике. М.: ГУ–ВШЭ, 2007.

6. Rostegaeva N. The Data Bank of Sociological Researches: a tool for Studying Modern Russia's Problems // Social Science Data Archives in Eastern Europe. Berlin; Cologne; Paris, 2002.

7. Банк социологических данных, 1968–2001: Информационные ресурсы / Ред.-сост. Н.И. Ростегаева. М.: ИС РАН, 2002–2004. Кн. 1–2.

Социальная экспертиза регулирования волонтерской деятельностью

О.Б. Савинская¹

Замеры общественного мнения последних лет показывают, что весомая доля населения проявляет интерес к волонтерской работе. Так, по данным опроса 2009 г. 34,0% мужчин и 33,6% женщин сообщили, что помимо своей основной работы, они занимались безвозмездными работами на благо общества². Опрос Фонда «общественное мнение» 2012 г. показал, что 71%³ одобряют волонтерскую деятельность. Спектр благотворительной деятельности расширяется, все большее внимание привлекает волонтерская деятельность в экстремальных ситуациях, в волонтерской деятельности участвуют самые разнообразные субъекты: НКО, интернет-сообщества, религиозные и общественные движения, корпорации, и наконец, отдельные граждане. В связи с этим, назрела необходимость пересмотра имеющегося законодательства в области регулирования благотворительной деятельности. Весной 2012 г. такая попытка была предпринята АНО «Юристы за гражданское общество», которая разработала концепцию федерального закона «О волонтерстве (добровольчестве)». Эта концепция активно обсуждалась в течение весны–осени 2012 г. в прессе, в ходе общественных дискуссий, на форумах волонтерских организаций.

¹ Савинская Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

Исследование реализовано АНО «Совет по вопросам управления и развития» при поддержке Департамента социальной защиты г. Москвы.

² Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 2. С. 42. URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/GO-2_2011.pdf]

³ Добровольчество: Отчет. М.: Фонд «Общественное мнение», 2012. С. 54. URL: [http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf]

Целью данной работы было проведение социальной экспертизы существующих федеральных законов, относящихся к теме рассмотрения, и выявление недостающих понятий и процедур в нормативно-правовом поле, определяющих добровольческую или волонтерскую деятельность. Для достижения этой цели было предпринято несколько этапов работы, среди которых было социологическое исследование обыденных практик волонтеров и организаторов волонтерского движения. Основными задачами этого исследования было изучение опыта волонтерской деятельности, институциональных возможностей и преград, позволяющих развиваться или же затрудняющих ежедневную работу волонтеров, речевые практики их собственной идентификации, и отношение к необходимости законодательных инициатив. Исследование базировалось на качественной методологии, поскольку именно детальный рассказ об опыте волонтерской деятельности и свободная аргументация существующих проблем позволяет глубже понять, как осуществляется эта деятельность и на каких этапах и в каких сферах ее осуществления необходимо дополнительное законодательное вмешательство. Было проведено 2 фокус-группы с волонтерами, представляющими самые разные сферы добровольческой деятельности и 10 индивидуальных интервью с организаторами волонтерской работы. Обратимся к наиболее значимым проблемным зонам волонтерского движения в современной России, которые были выявлены в ходе нашего социологического исследования, и на основе результатов исследования обозначим необходимые потребности урегулирования этих проблем.

Определение понятий «волонтер» и «доброволец»

На данный момент законодательные акты не содержат определения понятия «волонтер». Между тем, федеральный закон №135 в ред. от 23.12.10 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» косвенно дает определение добровольной деятельности как вида благотворительной деятельности: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки». Далее, в ст. 5 дается определение добровольца как участника благотворительной деятельности. «Добровольцы — физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности) (часть четвертая в ред. Федерального закона № 383 от 23.12.2010). Понятие «волонтер» «применяется в нашем законодательстве только в отношении физических лиц, привлекаемых исполнительной дирекцией XXVII Всемирной летней универсиады 2013

в Казани, Оргкомитетом «Сочи 2014» и администрацией города Сочи»⁴, понимая эти крупные мероприятия как мероприятия государственной важности.

По данным нашего исследования наиболее популярным мнением является признание понятий «волонтёр» и «доброволец» в качестве синонимов, равных по смыслу: они оба обозначают добровольную и безвозмездную помощь.

Вместе с тем, мы выявили смысловые различия в этих двух понятиях. Понятие «волонтёр» участниками волонтёрского движения связывается с современным, новым этапом развития добровольческой / волонтёрской деятельности в России, отвечает новым вызовам и потребностям, понятие «волонтёр» в большей степени ассоциируется с социальной помощью. О том, что понятие «волонтёр» приобретает все большую популярность, говорит и тот факт, что от этого слова происходит не менее популярное слово «волонтёрить», то есть «заниматься волонтёрской деятельностью».

Сторонники понятия «доброволец» утверждают, что оно имеет ясное и емкое этимологическое происхождение в русском языке, используется в практике общения и по сей день. Однако понятие «доброволец» в большей степени устремлено в прошлое, ассоциируется с советским периодом, временем Великой Отечественной войны. Одна из наших собеседниц отмечает: *«Со словом «доброволец» почему-то сразу возникает ассоциация, что это что-то не совсем свободное, какая-то отсылка к непрозрачному принуждению со стороны советского государства. Неспроста же существует такая языковая конструкция, как «добровольно-принудительный»! «Добровольцами мы были еще со школы. Ну, я, например, была в комсомольской организации, и там мы много чего делали так сказать добровольно».*

В противоположность этому волонтёр скорее ассоциируется с мирными практиками помощи и общественно-полезной деятельности. В ходе дискуссии говорилось о том, что для того, чтобы понятие «доброволец» приобрело современное звучание, его необходимо чаще включать в общественный публичный дискурс. На данный же момент слово «волонтёр» чаще используется на сайтах сообществ и других электронных «общественных площадках», где организуется оказание безвозмездной помощи.

Цели, типы и виды волонтёрской деятельности

Наше исследование социальных сетей и проведенных фокус-групп показывает, что сферы применения добровольной / волонтёрской помощи достаточно широки. И это касается не только целей применения во-

⁴ Чукалин И. «Граждане вправе беспрепятственно вести добровольческую деятельность...» // АСИ. 2012. 31.07. URL: [http://www.asi.org.ru/ASI3/rws_asi.nsf/va_WebPages/F179C1586FAE8B2944257A410039C6ECRus]

лонтёрской помощи, но и форм ее оказания. Несмотря на ряд поправок, сделанных в №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» за последние годы, в частности в 2010 году, необходимо более основательно классифицировать цели и виды волонтерской/добровольческой деятельности. Так, мы видим несколько важнейших критериев, по которым их следует классифицировать.

- 1) Объект волонтерской помощи: люди (разные социальные группы: дети, подростки, молодежь, престарелые, незащищенные семьи, одинокие матери, тяжелобольные, инвалиды и др.), животные, природа, городская среда, материальные культурные объекты.
- 2) Субъект волонтерской помощи или тип организации, иницилирующей волонтерство, самоорганизация людей по интересам (например, посредством сайта), общественная организация (в т.ч. федерации спорта для проведения крупных мероприятий), корпорация, религиозная община (церковь), национальная община.
- 3) Уровень требуемой квалификации волонтерской помощи: высококвалифицированная помощь (психологи, экологи, юристы, социологи, экономисты, пожарники и пр.); помощь, требующая определенной квалификации; неквалифицированная помощь: уборка мусора, участие в мероприятиях.
- 4) Продолжительность волонтерской помощи: разовая (помощь в проведении акций), стихийная (помощь на пожаре, стихийных бедствиях, первая помощь пострадавшим на улице), регулярная (еженедельная, ежемесячная), длительная и постоянная.
- 5) Доступность объекта волонтерской помощи: объект находится в открытом пространстве (городской парк), объект закрыт, но вход регулируется определенными правилами и требованиями к посетителям учреждения (хоспис, больница, детский дом и т.д.).

Организация деятельности волонтеров

Описанная выше широта сфер и форм деятельности волонтеров предполагает и разные модели ее организации.

Так, многие волонтеры работают с минимальным уровнем формализации своих отношений, признавая творческий, спонтанный и доверительный дух в сообществе основой самоорганизации. Как сказал один из участников фокус-группы, в данном случае: *«анархия — мать порядка»*. Основная роль таких волонтерских сообществ, большинство из которых не имеют даже статуса юридического лица, — это организовать «человеческие порывы души» в желании помочь слабым или в решении общественно значимых проблем. *«Очень часто человек хочет помогать, но просто не знает, как он это может сделать. Первостепенная задача любой волонтерской организации — помочь данному человеку осуществить помощь: скоординировать его, направить, но при этом ни к чему*

не принуждать. В этом и есть основное отличие волонтерской организации от НКО — отсутствие принуждения и материальных вознаграждений за труд её членов» (волонтер, работающая с детьми-отказниками, ж., 21 г.). Такие волонтерские сообщества чаще всего организуются посредством интернет-технологий. Они создают собственные сайты, на страницы на сайтах наиболее популярных социальных сетей (vk.ru, facebook.com и др.), а также на специализированных сайтах, собирающих и организующих на своей площадке волонтеров из разных сфер деятельности (rynda.org, vsevmeste.ru). Еще одной популярной технологией является рассылка организационных объявлений по сети подписчиков на смс-сообщения.

Волонтерская деятельность может быть и совсем другого типа — запланированной, ранее апробированной, высококвалифицированной, предполагающей существенные расходы на ее выполнение. Такая деятельность требует другого стандарта организации. Для ее выполнения необходимо заключение трудовых договоров, определяющих сроки и объемы работ, квалификацию их выполнения, права и ответственность сторон и т.д. Для реализации запланированной регулярной волонтерской деятельности на данный момент №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» устанавливает право заключения договора между благотворительной организацией и добровольцем.

Этот закон в целом позволяет заключать договора и выплачивать накладные расходы. Возможность оплаты проезда, например, может привлечь к общественным работам значительно более количество волонтеров. Одна из участниц дискуссии, психолог, призналась, что если бы ей не был оплачен билет на поезд в Крымск, то она не могла бы поехать: *«У меня зарплата как у школьного психолога 15 тысяч рублей, поэтому, когда мне позвонили и сказали, что оплатят проезд, я тут же дала согласие. Если бы мне не оплатили этот переезд, я бы там не оказалась»*. Такие льготы для осуществления своей деятельности волонтеры считают обоснованными, справедливыми и необходимыми для дальнейшего развития волонтерского движения.

Еще одним важным аспектом организации волонтерской работы участники дискуссий назвали *механизм наделяния волонтера официальным статусом*. Было выявлено единое мнение, что официальный статус волонтера могут получать только те физические лица, которые являются членами благотворительной / волонтерской организаций или входят в реестр волонтеров. Примером этому может служить ст. 13 федерального закона 100-ФЗ от 06.05.2011 «О добровольной пожарной охране». Официальный статус необходим для оперативного входа на территорию, где требуется помощь, для более согласованных действий с государственными структурами. *«Если раньше у волонтера было удостоверение об-*

ществленного дружинника, то сейчас, наверное, удостоверение волонтера неплохо было бы иметь. И какой-то статус у организации, которая правомочная была какое-то количество людей туда отправлять и наделять какими-то полномочиями и какими-то удостоверениями» (волонтер в Крымске, ж., 40 л.).

Оборотной стороной наделения волонтеров официальным статусом, позволяющим им иметь приоритетное право входить на территории осуществления помощи, могут стать потенциальные случаи вандализма и мародерства. *«Если появятся какие-то дипломы, скажем, удостоверения, то это, конечно, сразу приведет к не очень приятным последствиям. Были удостоверения, их выдавали государственные органы, и в дружине это был очень строгий подход. Там по полгода учились, сдавали экзамены. А сейчас я не уверен, что будет так строго. Как только этот статус, выраженный в чем-то овеществленном, в какой-то бумажонке, скажем, будет давать больше прав, сразу появятся злоупотребления».*

Несмотря на потенциальные риски наделения статусом волонтера недобросовестных граждан, должно быть признано право общественных организаций создавать свои реестры волонтеров.

Квалификация волонтеров

Как уже было указано ранее, во многих видах волонтерской помощи особой квалификации не требуется. Это сферы деятельности, которые связаны с помощью уязвимым, малообеспеченным слоям населения, которым в первую очередь нужна обычная «житейская» помощь. Примером может служить помощь детскому дому: *«Волонтерская работа в нашей организации не требует никакой квалификации. Каждый занимается тем, чем умеет. Дипломы никакие не проверяются, в том числе и у членов управляющей команды».*

Однако есть виды деятельности волонтеров, где квалификация необходима, и вследствие этого обязательны и процедуры проверки квалификации. Это снизит уровень рисков и повысит уровень безопасности деятельности. Должны быть также прописаны процедуры, связанные с проведением инструктажа в ситуациях, где он оказывается необходимым. Особенно это касается случаев привлечения волонтерской помощи в чрезвычайных ситуациях или при тушении пожаров и поиске людей. Не менее важно это и для волонтерской деятельности при подготовке и проведении массовых крупных мероприятий. *«Я была в Крымске в бригаде психологов. Могу сказать точно, что не все психологи, приехав, знали, что делать. И я была удивлена, что не было организовано обучение на месте, при том что достаточно легко обучиться первой психологической помощи. Психологи приехали очень многопрофильные, в том числе и детские психологи. И спасибо им большое. Все нашли, как говорится, для себя работу, но, тем не менее, проблемы были. Еще раз скажу, обучение*

очень несложное, особенно, если человек владеет психологическими методиками и навыками психологической работы» (волонтер-психолог в Крымске, ж., 40 л.). Таким образом, организации, привлекающие и организующие труд волонтеров, должны иметь законодательно закрепленное право и механизм проверки и аккредитации квалификации волонтеров.

Взаимодействие с государственными структурами

В большинстве случаев волонтеры признают, что взаимодействие с государственными структурами — это необходимый и важный этап деятельности. Многие участники фокус-групп вспоминали позитивный опыт, как в экстремальных ситуациях, так и в ситуациях реализации ранее запланированных проектов. Приведем два примера из опыта организатора поездок в Крымск летом 2012 года и волонтера, работающего в реализации экологических проектов. *«Для меня актуален Крымск. Там мы тесно сотрудничали с МЧС, со СпасРезервом, с РосСоюзСпасом. Понятно, что там же мы сотрудничали с администрацией города и района. Я довольна, как мы выстроили с ними отношения. Мы понимали, что они делают. Мы нашли какие-то точки пересечения, и знали, к кому обратиться, за какой помощью. А они — к нам»* (организатор поездок волонтеров в Крымск, 25 л.). *«Из государственных структур мы сотрудничаем с Министерством природных ресурсов. Но еще мы работаем с дирекциями государственных заповедников, плюс, с государственными инспекциями охоты и рыболовства. Здесь плодотворное сотрудничество. Ведь все достаточно просто. Те органы, которые заинтересованы в решении природоохранных проблем, хорошо идут на контакт».*

Вместе с тем, отмечалась и негативная практика работы с госорганами. Описанный ниже случай показывает не реалистичность и нереализуемость нормативов, которые были выдвинуты Санэпиднадзором для проведения летних детских палаточных лагерей. *«В последнее время создается впечатление, чем дальше мы делаем летние экологические лагеря, тем сложнее их делать. Нас сейчас просто душат появившиеся три года назад нормативы на детские палаточные лагеря. Это просто ад. Они придуманы людьми, которые когда-то, один раз в жизни, может быть, съездили в пионерский лагерь в детстве, и им там очень сильно не понравилось»* (организатор летнего палаточного детского лагеря).

Трудности с работой администрации испытывают и те волонтерские сообщества, которые работают без создания юридического лица и не имеют средств на осуществление профессиональной административной работы. Для них составление документов оказывается дополнительным бременем, которое изначально в их деятельности не предполагалось. Этот этап работы воспринимается ими не совсем позитивно, однако, они вполне с ним справляются. *«Если рассуждать уже на уровне организации, то основная трудность — это недоверие со стороны администрации об-*

ластей. Ведь для того, чтобы осуществлять поездки в детские дома, организация должна получить разрешение сверху, а потом уже договориться и непосредственно с администрацией самого детского дома».

И, наконец, нужно отметить и то, что волонтеры сами иногда не хотят взаимодействовать с государственными структурами, изначально не доверяя им. *«Волонтерство — это отличный способ самоутвердиться, ощутить свою причастность к улучшению благосостояния страны, если выражаться глобально. Казалось бы, волонтеры должны быть первыми помощниками государства, однако у нас сейчас другая ситуация – волонтеры действуют обособленно от государства. Более того, они не желают формально подчиняться ему, а хотят действовать отдельно самостоятельно»* (организатор волонтеров детского дома, ж., 21 г.).

Социальное страхование волонтеров

Волонтерская деятельность может быть связана с высоким уровнем социальных рисков. Тяжелая ситуация, с которой пришлось столкнуться волонтерам, резко может поменять их жизненные планы и судьбу. Об этом говорят истории жизни людей, поехавших помогать в Крымск. *«Люди в Крымске сильно втягивались в тяжелую ситуацию. У них возникали моральные привязки по отношению к вполне конкретным людям, оказавшимся в беспомощной ситуации. После достаточно длительного пребывания в Крымске, они вернулись в Москву, оказавшись без работы, без денег, с долгами, потому что они вложили туда свои собственные деньги. Я знаю две конкретные истории: один человек потерял 10-летний бизнес, а другой – высокооплачиваемую любимую работу».*

Как и было описано выше, здесь необходимо разделять разные виды волонтерской помощи. Прежде всего, это касается работы в чрезвычайных ситуациях. Возможность социального страхования, а также льготы и компенсации добровольцам, участвующим в тушении пожаров, описаны в законе 100-ФЗ от 06.05.2011. «О добровольной пожарной охране». Этот закон описывает механизм социального страхования добровольцев, имеющих официальный статус, в данном случае, добровольных пожарных. Представляется целесообразным этот опыт законодательства распространить на другие виды деятельности волонтеров, которые предполагают слаженную рискованную квалифицированную помощь в экстренной ситуации. Также в этом разделе необходимо прописать в качестве компенсации возможность получения специальной психологической помощи.

Однако добровольцам, оказывающим разовую помощь и не имеющим официальный статус «волонтера / добровольца», социальное страхование не требуется. Безвозмездное оказание помощи — это золотое правило волонтерской работы. *«В этом-то вся прелесть волонтерства: ты отдаешь всего себя, принимая на себя всю серьезность дел, но делаешь это безвозмездно. Ты сделал сознательный выбор, честь тебе и хвала за*

это! Но это твой выбор. Вот это волонтер. А если мы начнем это дело формализовывать, просить у государства «плюшки», то дух волонтерства исчезнет. Зато уж точно совершенно начнутся злоупотребления». Важным механизмом поддержки такого наиболее массового волонтерства, когда помощь оказывается в самых обыденных ситуациях, становится информирование населения о лучших успешных практиках волонтеров, о моральном духе и нравственных ценностях, которые скрепляют волонтерские сообщества, о маленьких, но героических, ежедневных поступках.

Заключение

На данный момент законодательные акты не содержат определения понятия «волонтер». Однако оно приобретает все большую популярность в обозначении своей деятельности самими волонтерами, в связи с чем необходимо законодательно закрепить это понятие. Расширяются и сферы применения волонтерского труда: особо ярко это проявилось в тушении летних пожаров в 2010 г. и помощь в преодолении последствий наводнения в Крымске летом 2012 г. Несмотря на ряд поправок, сделанных в №135-ФЗ за последние годы, в частности в 2010 г., необходимо более основательно классифицировать цели и виды волонтерской или добровольческой деятельности. Так, мы видим несколько важнейших критериев, по которым следует классифицировать волонтерскую деятельность: объект и субъект помощи, уровень требуемой квалификации, уровень риска, продолжительность оказания помощи, доступность объекта помощи.

Вслед за признанием самого понятия «волонтера» также следует сделать следующий шаг: наделения волонтера официальным статусом. Официальный статус необходим для оперативного входа на территорию, где требуется помощь, для более согласованных действий с государственными структурами. Также, в некоторых сферах волонтерской деятельности имеется проблема квалификации волонтеров. Организации, привлекающие и организующие труд волонтеров, должны иметь законодательно закрепленное право и механизм проверки и аккредитации квалификации волонтеров. А одним из механизмов государственной поддержки и признания волонтерского движения в России необходимо официально фиксировать факт участия сил волонтеров во всех документах госструктур, участвующих в проведении общественных мероприятий разного рода.

Предложение метода измерения социальной напряженности, основанного на расширении принципов репрезентационной теории измерений

Ю.Н. Толстова, Н.Д. Воронина¹

Постановка проблемы

История развития конструктивных представлений об измерении в гуманитарных науках насчитывает около 80 лет. Под конструктивными представлениями мы имеем в виду идеи теории измерений, часто называемой в литературе репрезентационной. Социология активно использует эти идеи. Однако в последние годы стало ясно, что практика требует расширить заложенное в теории измерений понятие измерения. Ниже мы опишем наше видение того, в каком направлении целесообразно изменять представления об измерении в социологии, и проиллюстрируем, как эти представления могут реализовываться, на примере измерения социальной напряженности. Однако сначала напомним то, от чего мы отталкиваемся: коротко опишем основные принципы теории измерений². Основное положение состоит в том, что измерение — это отображение вида

$$\text{ЭСО} \rightarrow \text{ЧСО} \quad (1)$$

где ЭСО — эмпирическая система с отношениями, ЧСО — числовая система с отношениями, стрелка обозначает такое отображение первой во вторую, при котором каждому эмпирическому объекту (элементу эмпи-

¹ **Толстова Юлиана Николаевна** — доктор социологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии.

Воронина Наталья Дмитриевна — преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

² *Суппес П., Зинес Дж.* Основы теории измерений // Психологические измерения. М.: Мир, 1967. С. 9–110; *Пфанцagl И.* Теория измерений. М.: Мир, 1976. Специально для социологов принципы теории измерений кратко изложены в работе: *Толстова Ю.Н.* Измерение в социологии. М.: ИДУ, 2009.

рической системы) отвечает единственное число (образ эмпирического объекта, элемент числовой системы), а каждое учитываемое отношение между эмпирическими объектами переходит в отвечающее ему числовое отношение между образами рассматриваемых объектов. Именно такое понимание измерения лежит в основе определения известных типов числовых шкал: номинальной, порядковой и т.д.

Однако со временем стало понятно, что схема (1) слишком бедна, чтобы удовлетворить социолога. Перечислим представляющиеся нам целесообразными требования к расширению понятия измерения. Все эти требования будут использоваться в предлагаемом ниже подходе к измерению социальной напряженности (СН), хотя подробно описать способы такого использования мы не имеем возможности:

А. Введение понятия нечислового измерения, другими словами, схема (1) должна быть заменена на схему

$$\text{ЭСО} \rightarrow \text{МСО} \quad (2),$$

где МСО — математическая система с отношениями.

Б. Отказ от понятия «система с отношениями»: схема (2) заменяется на схему (3):

$$\text{ЭС} \rightarrow \text{МС} \quad (3)$$

Те свойства ЭС, которые мы будем учитывать при измерении СН, нами не будут формализованы из-за сложности этого процесса. В таком случае о системе с отношениями говорить не приходится.

В. Как правило, для измерения интересующих социолога понятий нужна разработка системы многих ЭС и МС. Они могут выстраиваться как вертикально (на базе одной системы строится другая), так и горизонтально (из нескольких ЭС, полученных независимо друг от друга, может быть получена одна новая ЭС). Чтобы измерение было адекватным, необходимо тщательно отслеживать модельные соображения, лежащие в основе измерения. При построении моделей целесообразно учитывать следующие положения.

1. Измерение и следующий за ним анализ данных (возможность его осуществления является целью измерения) должны быть направлены на достижение общих целей, стоящих перед любой наукой: описание, объяснение, предсказание. Для социологического измерения это порождает три класса подзадач, сама постановка которых требует рассмотрения новых аспектов в процессе измерения:

(а) при решении задачи описания требуется учитывать наличие латентных переменных (т.е. таких переменных, значения которых получаются в процессе анализа неких первичных, полученных непосредственно от респондента данных). Но это — вопрос известный. Мы же предлагаем ввести новое положение: для описания требуется выявить перечень проявлений (симптомов) измеряемого понятия, что не всегда является про-

стой задачей. В частности, сложной задачей явилось формирование перечня проявлений СН;

(б) для решения задачи объяснения требуется, чтобы измерительная модель создавалась при условии погружения всех рассматриваемых ЭС в ту каузальную структуру, в рамках которой возникает и развивается изучаемое понятие;

(в) для решения задач прогнозирования фактически требуется то же, что и для решения двух предыдущих задач.

2. В процессе построения измерительной процедуры необходимо учитывать многие наработки, фактически связанные с процессом измерения, но традиционно называемые другими терминами:

- операционализация понятий (мы предложим способ расширения представлений об этой процедуре),
- оценка надежности измерения,
- анализ связи теоретического и эмпирического,
- разработка теорий среднего уровня,
- процедура отнесения к ценности (по Г. Риккерту и М. Веберу).

Особое внимание мы уделим использованию теорий среднего уровня³.

3. Ясно, что любые предложения по совершенствованию методов социологического измерения должны опираться на тщательную проработку первичной модели предметной области исследования. От социолога требуется четкая формулировка априорных гипотез о свойствах изучаемого объекта (в первую очередь о свойствах строящейся ЭС), т.е. формирование своего рода содержательных «аксиом» (эти «аксиомы» могут носить и формальный характер, но здесь мы имеем в виду такие формальные предположения, которые возникают на содержательной почве), на которых будут базироваться и измерение, и дальнейшая работа с его результатами. Именно это является ключевым моментом при реализации основной функции процедуры измерения — связи теоретического и эмпирического. Такого рода априорные содержательные соображения всегда должны иметься у социолога, но далеко не всегда он считает нужным серьезно о них задумываться и четко их формулировать, хотя именно такая формулировка — залог успеха исследования в целом. Выделим лишь несколько аспектов рассуждений, которые могут при этом возникнуть.

(а) Выбор «аксиом», определяющих методы сбора данных и логику исследования.

Будем полагать, что читатели знают о давно набившей оскомину дискуссии о «качественном» и «количественном». С нашей точки зрения, она довольно бессмысленна и, в первую очередь, потому, что т.н. социологи-качественники выдвигают аргументы, защищать которые означает

³ Подробнее об этом см.: Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социс. 2012. № 7.

примерно то же, что спорить с теорией Дарвина в пользу создания мира богом за 6 дней. Они полагают, что живут в царстве без математики, поскольку проводят исследования со специфическими целями и логикой, чуждой математике: изучают смыслы, вкладываемые людьми в свои действия; обращают внимание на жизненный мир человека; работают с текстами; не имеют априорных гипотез; делают основной упор на описании явления, вычеркивая тем самым две другие главные задачи, решаемые любой наукой: объяснение и предсказание; получают результаты, зависящие от исследователя; опираются на индуктивную логику и т.д. Мы скажем коротко: математика давно проникла в этот «заповедник»⁴. И многие исследования, относимые «качественниками» к «количественным», вполне могут быть направленными на изучение смыслов, на поиск гипотез, на работу с текстами; их результаты могут сильно зависеть от взглядов социолога⁵ и т.д.

Тем не менее, исследования бывают разные, с разной логикой, с разными подходами к сбору и анализу данных. И учитывать это, конечно, надо. Проводя исследование, мы, естественно, должны планировать, будем ли мы собирать информацию с помощью анкетного опроса или неформализованного интервью, будем ли мы ориентироваться на какие-то гипотезы или же нашей задачей будет поиск таковых и т.д. И, естественно, подобные предположения должны базироваться на соответствующей системе «аксиом». Говоря о СН, мы будем выделять моменты, где нам потребовался неформализованный опрос экспертов, а где — использование формальной анкеты; где мы заранее формировали какие-то гипотезы, а где эти гипотезы «вырастали» из уже собранного материала и т.д.

(б) Выбор «аксиом», связанных с определением того, статистический или нестатистический подход к решению задачи мы используем.

Об этом социолог задумывается редко. И это не может сказываться на качестве исследования. Мы уже говорили об этом⁶, поэтому подробнее

⁴ Во избежание недоразумений подчеркнем, что мы отнюдь не считаем, что все на свете можно формализовать. О необходимости избегать чрезмерного увлечения математическими методами при решении социологических задачи мы говорили в статье: *Толстова Ю.Н. О системности социологических объектов (размышления над некоторыми публикациями)* // Социс. 2001. № 7. С. 119–131.

⁵ *Толстова Ю.Н. Субъективный фактор в процессе использования математического аппарата для решения социологических задач* // Социологические методы в современной исследовательской практике: Материалы Всероссийской конференции памяти А.О. Крыштановского. М.: ГУ–ВШЭ, 2007. С. 127–136; *Она же. Идеи моделирования, системного анализа, «качественной» социологии: возможность стыковки (на примере метода репертуарных решеток)* // Социология: 4М. 1997. № 8. С. 66–85.

⁶ *Толстова Ю.Н. Вероятностные и невероятностные модели порождения данных в социологии* // Математическое моделирование социальных процессов. М.: Спутник+, 2012. Вып. 12–13. С. 139–153.

рассматриваемую дилемму обсуждать не будем. Отметим лишь, что, если мы пользуемся вероятностными (статистическими) методами, об этом надо говорить явно. И выбор или невыбор статистического подхода по сути говорит о выборе или невыборе отвечающей ему системе априорных «аксиом» (в том числе связанных с использованием понятия вероятности).

(в) Выбор «аксиом», определяющих понимание сути используемых в исследовании признаков.

Упомянем лишь две встающие здесь проблемы (как и выше, с учетом того, о чем пойдет речь при измерении СН).

Во-первых, проблема измерения латентной переменной в социологии (о чем уже шла речь в п. 1а). Любой способ выявления латентного признака (начиная с построением одномерных шкал типа шкалы Лайкерта и кончая сложными многомерными методами типа латентно-структурного анализа или многомерного шкалирования) опираются на довольно неоднозначно воспринимаемые социологами модели восприятия⁷, каждая из которых по существу сводится к набору своего рода содержательных «аксиом» (скажем, в шкале Лайкерта это предположение о равнозначности используемых суждений, в многомерном шкалировании — предположение о том, что респондент при выборе одного из двух объектов неявно мыслит эти объекты точками некоторого пространства восприятия). И вопрос о принятии или непринятии таких «аксиом» может решить только сам социолог.

Во-вторых, это проблема выбора между номинальным и реальным пониманием признака. Об этом мы уже неоднократно говорили⁸. Речь идет о том, что использование понятия признака *вообще* не всегда адекватно для социологических задач. Многие интересующие социолога явления детерминируются не каким-то определенным признаком (признаками), рассматриваемым как нечто цельное, а сочетаниями значений ряда признаков (взаимодействиями). Уже в течение 40 лет необходимость поиска такого рода сочетаний порождает все новые методы поиска взаимодействий.

Каждый исследователь стоит перед дилеммой, разрешение которой опирается на то, какие «аксиомы» выбрать: рассматривать тот или иной признак как нечто цельное, существующее хотя бы как хорошая модель соответствующей стороны реальности (любой признак — это модельное построение) или же считать, что интересующие его явления определяются взаимодействиями, а признаки играют чисто номинальную роль, их использование просто обеспечивает для исследователя возможность бо-

⁷ Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М.: ИДУ, 2009; Толстова Ю.Н. Основы многомерного шкалирования. М.: Университет, 2006.

⁸ Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. М.: Научный мир, 2000.

лее удобного сбора информации. В первом случае мы говорим о реальности признаков, во втором — об их номинальности (вспомним понимание этих терминов средневековыми логиками). Выбор того или иного варианта определяет вид соответствующих ЭС, МС, а также способ анализа собранных данных. При признании реальности признаков могут использоваться традиционные методы анализа данных: скажем, регрессионный анализ или методы классификации, основанные на т.н. геометрическом подходе, в котором каждый классифицируемый объект задается как точка некоторого многомерного признакового пространства. При использовании предположения о номинальности признаков используются совсем другие методы: все признаки как бы рассыпаются на отдельные их значения, и далее отдельные значения, взятые из «общего мешка» тем или иным способом «склеиваются» друг с другом. К числу таких методов относится, например, CHAID из пакета SPSS. Первый подход более распространен в социологии, он хорошо знаком исследователям, второй подход используется реже; первый чаще всего предполагает статистический подход, второй — нестатистический.

Как определяют и измеряют СН в современной науке: Недостатки существующих подходов

Прежде, чем описывать наш подход к измерению СН, вероятно, сначала надо обрисовать ситуацию с измерением этого сложного понятия, сложившуюся в современной литературе. Вряд ли можно спорить с тем, что разработке процедуры измерения какого-либо понятия всегда должна предшествовать разработка определения последнего. Именно на исследовательском понимании того, что измеряется, должна быть построена та система многих ЭС, о которой шла речь выше. Приведем те определения СН, которые нам удалось найти в литературе.

Процессная социально-психологическая характеристика кризисного состояния общества в целом, проявляющаяся как на поведенческом уровне, так и в общественных настроениях. (*Рукавишников В.О.* Социальная напряженность // Диалог. М., 1990. № 3. С. 6–11.)

СН — следствие неудовлетворенности основных потребностей. (*Чернобай П.Д.* Социальная напряженность: опыт измерения // Социс. 1992. № 7. С. 94–98.)

Негативное отношение преобладающей части общности к актуальным явлениям и процессам и наличие с ее стороны конкретных практических действий, которые способны привести к деструктивным изменениям в обществе. (*Соловьёв С.С.* Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных силах // Социс. 1993. № 12. С. 68–73.)

СН проявляется в форме высказываемой неудовлетворенности и готовности к протестным действиям по защите своих прав и интересов (*Янин С.В.* Факторы социальной напряженности в армейской среде // Социс. 1993. № 12. С. 36–50.)

Процесс возникновения и развития конфликтов и социальной дезинтеграции вследствие высокого уровня неудовлетворенности граждан своим положением в общест-

ве. (Гараев М.М. Формирование информационно-аналитического мониторинга социальной напряженности: проблемы и оценка // Менеджмент: теория и практика. Ижевск, 1999. №3–4. С. 132–137.)

Специфическое состояние общественных отношений, основанное на неудовлетворенных потребностях индивидов и характеризующее потребности социальной системы. (Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения. М., 2001.)

Сосредоточение сил и энергий людей, что является необходимым условием жизнедеятельности общества и служит тем двигателем, посредством которого оно добивается поставленных целей. (Губина Н.В. Социальная напряженность в трудовом коллективе // Социс. 1998. № 11. С. 17–25.)

В основании явления СН наряду с неудовлетворенными потребностями и непредставленными интересами лежит несвоевременное и неадекватное удовлетворение нужд и потребностей отдельных социальных общностей. (Куконков П.И. Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / ННГУ. Нижний Новгород, 1996.)

Социальная напряженность — уровень конфликтности. В ее основе лежит психическое состояние социальных групп, групповые эмоции. (Зайцев А.К., Васильева Е.Н. и др. Диагностика социальной напряженности в обществе (программа исследования) // Социальный конфликт. Калуга, 2002. С. 15–66.)

Понятие СН характеризует состояние массового беспокойства и недовольства существующим социальным порядком. (Фролова Т.Н. Социальная нестабильность: сущность, понятие, типология форм проявления. М.: МВД РФ, 2001.)

Понимание СН глазами властей (которых в первую очередь касаются проблемы, связанные с СН) связано с акциями массового протеста. (Головаха Е.И., Панина Н.В. Потенциал протеста украинского общества // Социс. 1999. № 10.)

СН — это неясное состояние брожения массовых настроений, которое еще не вылилось ни в какие действия, но уже воспринимается многими как ситуация, чреватая социальными столкновениями. В общественной атмосфере чувствуется приближение катастрофы, нарастает ощущение тревоги. СН формируется и существует в рамках определенной социальной группы или множества групп и направлена в сторону элемента социальной структуры как объекта, олицетворяющего собой препятствие на пути к удовлетворению потребностей или достижению целей. (Бородкин Ф.М., Володина Н.П. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. Т. 6. № 4. С. 107–150.)

Динамический интегративный показатель состояния общества, в его основе — выражение агрессивности. (Милехин А.В. Условия и факторы эффективной диагностики социальной напряженности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.)

Психическое состояние, обусловленное предвосхищением неблагоприятного для субъекта развития событий. (Кацаев А.Е. Социальный конфликт: опыт философско-социологического анализа. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1998.)

Такое состояние межгрупповых и межиндивидуальных отношений, когда последние приобретают характер взаимного противодействия или реальную возможность та-

кого. (Суименко Е.И. Социальная напряженность в приватизационном процессе // Социс. 1999. № 10.)

Такое состояние общественной жизни, содержанием которого является процесс возникновения и развития противоречивости отношений, интересов, действий людей, социальных групп и институтов. (Гайнуллина Ф.И. От социальной напряженности к социальному партнерству // Социально-политический журнал. 1998. №4. С. 33–48.)

Базовая характеристика конфликта, которая позволяет осуществлять диагностику конфликтогенной ситуации на ранней стадии зарождения конфликта. (Панфилова О.В. Процесс возникновения и механизмы управления социальными конфликтами: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. / МГУ им. Ломоносова. М., 1996.)

СН определяется 3-мя моментами: (1) вовлеченностью в процесс значительной части населения, (2) дисфункцией общественного сознания, проявляющейся на индивидуальном уровне в эмоциональном стрессе, мировоззренческой неопределенности и распространении отклоняющихся форм поведения, (3) нарастание готовности к действиям, рассматриваемым как вынужденное поведение, направленное против существующего социального порядка ради достижения желаемого состояния. (Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 г. Новосибирск: ЦСА, 1999.)

Величина давления неблагоприятных факторов-стрессоров (вредные воздействия или предельные значения тех элементов ситуаций, которые в средних своих значениях не ощущаются источниками дискомфорта. (Давыдов А.А., Давыдова Е.В. Измерение социальной напряженности / РАН, Институт социологии; РОС. М., 1992.)

Состояние, возникающее в результате восприятия субъектом дестабилизационной, кризисной ситуации в обществе. (Муханова М.Н. Социальная напряженность // Образ мысли и состояние массового сознания. М., 1992. С. 111–121.)

Феномен общественного сознания, возникающий вследствие рассогласования потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций социальных субъектов, некомпетентности лидеров, природных катаклизмов и множества других причин. (Растов Ю.Е. Протестное поведение в регионе // Социс. 1996. № 6. С. 40–49.)

Особое состояние общественного сознания и социальных эмоций, характеризующееся нарастанием психической усталости и раздражительности, недовольства и депривации, агрессивности и подавленности значительной части общества. (Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 2. С. 118–124; Смелзер Н. Социология / Под ред. В.А. Ядова. М.: Феникс, 1994.)

СН обусловлена прежде всего тем, что интересы этих групп могут не совпадать, и чем больше они разнятся, тем больше напряжение. (Аверьянов Л.Я. Социология: что она знает и может. М., 1993.)

СН сложный интегративный феномен, обусловлена 2 механизмами ее образования: (1) СН возникает как результат вынужденного взаимодействия социальных субъектов в нежелательных формах, в т.ч. и конфликтных, и в этом смысле она выступает конфликтным и постконфликтным феноменом; (2) СН является следствием восприятия социальными агентами всевозможных новаций, отношение которых к традиционным ценностным представлениям является неопределенным. (Са-

марин В.И. Социальная напряженность как индикатор конфликтогенной ситуации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Ч. 1: Политика в зеркале конфликтологии. М., 1995.)

Существенное отклонение происходящих событий от их рационального развития. (Кваша А. Социально-демографические проблемы роста социальной напряженности // Вестник статистики. 1992. № 1. С. 3–9.)

Разъяснений в цитируемых работах нет. Указанными определениями все ограничивается. Способы измерения СН, описанные в литературе, не отвечают ни одному из приведенных определений и очень примитивны. Так, один из наиболее распространенных способов основан на суммировании количества людей, недовольных разными сторонами своей жизни. Ради экономии места мы не будем более подробно говорить о существующих подходах к измерению СН⁹. Ниже мы остановимся на критике приведенных определений с точки зрения невозможности с их помощью удовлетворить тем требованиям к измерению, которые были сформулированы выше, и предложим свое определение, показав при этом, как оно выведет нас на измерение СН.

Практически во всех определениях содержится нечто полезное, все они, на наш взгляд, должны учитываться исследователем¹⁰. Но вряд ли у кого-то могут возникнуть сомнения в том, что эти определения неконструктивны: они не дают исследователю достаточных оснований для построения процедуры измерения, полны словосочетаний, весьма неоднозначно понимаемых, но не расшифрованных авторами (например таких: СН — это «характеристики кризисного состояния общества»¹¹, «следствие неудовлетворенности основных потребностей общества»¹²). На наш взгляд, основные проявления неконструктивности кроются как раз в том, что эти определения (1) не дают возможности осуществлять описание ситуации, поскольку из них совершенно неясно, что можно считать проявлениями СН: (2) не позволяют решать задачи объяснения и прогнози-

⁹ См.: Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. Расширение понятия социологического измерения и его использование для измерения социальной напряженности (часть 1) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 288–299.

¹⁰ Некоторые определения представляются нам некорректными в содержательном плане. Так, на наш взгляд, нельзя полностью сводить проявление СН только к высказыванию людьми неудовлетворенности и готовности к протестным действиям (как это делается, например, в: Гараев М.М. Формирование информационно-аналитического мониторинга социальной напряженности: проблемы и оценка // Менеджмент: теория и практика. Ижевск, 1999. №3–4. С. 132–137; Янин С.В. Факторы социальной напряженности в армейской среде // Социс. 1993. № 12. С. 36–50).

¹¹ Рукавишников В.О. Социальная напряженность // Диалог. М., 1990. № 3. С. 6–11.

¹² Чернобай П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения // Социс. 1992. № 7. С. 94–98.

рования, поскольку не «погружены» в систему тех каузальных структур, в которые сама жизнь помещает явление СН (конечно, фактически мы можем говорить лишь о соответствующих модельных предположениях исследователя)¹³.

Выше мы говорили, что способы измерения любого понятия (равно как и определение последнего) должны базироваться, в частности, на соответствующих теориях среднего уровня. К сожалению, в отечественной социологической литературе бытует странная традиция: все теории среднего уровня делятся на «прикладные» и «настоящие» («хорошие»). Прикладные — это те, в соответствии с которыми легче проводить эмпирические исследования. В частности, они дают возможность как-то осуществлять измерение изучаемого понятия. Эти теории носят «облегченный» характер, им «прощают» теоретическую неполноценность именно потому, что иногда они, казалось бы, дают возможность хоть что-то измерять. Но в действительности прикладная теория — это фактически отсутствие теории.

Такое положение дел представляется недопустимым. Теория не может быть прикладной или неприкладной, она может быть лишь хорошей или плохой (о критериях «хорошести» мы здесь говорить не будем). Приведенные выше определения СН, на наш взгляд, отвечают, к сожалению, тому, что обычно называют прикладной теорией. Они поверхностны, хотя иногда и позволяют как-то примитивно измерить СН (например, путем сложения количеств респондентов, недовольных разными сторонами своей жизни, о чем мы говорили выше). Но цена подобным измерениям — никакая именно потому, что они не опираются на тщательно проработанную теорию. При наличии же «хорошей» теории какого-либо явления задача измерения чаще всего не ставится, поскольку осуществить его обычно бывает весьма трудно (а трудно — значит, и не надо).

Чтобы исправить положение с измерением СН, нужна разработка «хорошей» теории, без скидок на то, что «хорошая» теория требует весьма сложных подходов к измерению. Элементы предлагаемой нами теории СН описываются ниже.

Элементы теории среднего уровня для СН: измерение СН, основанное на выдвинутых положениях

Прежде всего, дадим некоторое предварительное определение СН¹⁴ и опишем, что именно будем считать результатом измерения: *СН — это*

¹³ Правда, отдельные приведенные нами определения (например, определение Самарина) опираются на некоторые причины СН и говорят о её последствиях, но сделано это, на наш взгляд, в недостаточной мере.

¹⁴ По сути, введение предлагаемого определения — это начало построения Концептуальной Модели Предметной Области (КМПО), концепта, выдвинутого нами в: *Толстова Ю.Н.* Концептуальное моделирование предметной области ис-

реакция общества на некоторые события, приводящие к фрустрированности как отдельных людей, так и общества в целом, результатом чего служат некоторые другие события (рассматриваемые как проявления СН), ведущие к изменению социальной структуры общества.

Входящие в это определение термины надо определять. Ниже мы частично сделаем это в рамках предлагаемого нами подхода к измерению — моделированию реальности. Естественно, приведенное определение надо обосновывать. Мы сделаем в этом направлении только один шаг: покажем, почему мы, говоря о СН, основное внимание уделяем фрустрации.

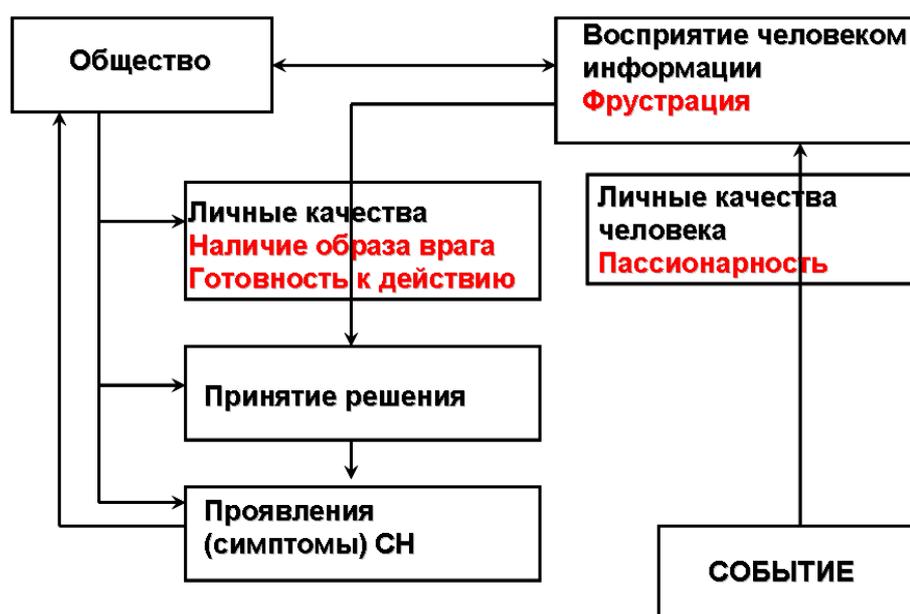

Рис. Принципиальная схема причинно-следственных отношений, определяющих процесс измерения СН

Построение той предварительной модели (речь идет о КМПО), которая затем даст основания для погружения главной и всех вспомогательных ЭС в каузальную структуру, обуславливающую развитие СН, — дело сложное¹⁵. Однако в глубины причин можно двигаться бесконечно. Понятие причины, как известно, в принципе не формализуется. Поэтому укрупним упомянутую модель и остановимся на том уровне, который позволит нам хотя бы достаточно грубо описать принципы построения основных ЭС и МС, см. рисунок.

За каждым прямоугольником на схеме стоит огромное количество факторов. Поделим все рассматриваемые факторы на *внутренние*, свя-

следования при изучении социальной напряженности // Традиции и современность в социологии. М.: Макс Пресс, 2001. С. 68–85.

¹⁵ Пример такой модели см.: Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социс. 2012. №7.

занные с личными качествами и поведением отдельного человека, и *внешние*, связанные с обществом.

Подчеркнем, что положив в основу наших рассуждений об определении и измерении СН предлагаемую схему, мы тем самым полагаем, что СН — многоаспектное явление, которое не может быть изучено в рамках только одной парадигмы, в рамках одной теории (среднего уровня). Для адекватного измерения СН необходимо брать комплекс теорий, отвечающих отдельным элементам нашей схемы. Из каждой теории мы намереваемся взять нечто полезное для создания измерительного прибора.

Перейдем к описанию процедуры измерения СН, базирующейся на предлагаемых элементах соответствующей теории среднего уровня:

- *определение основной МС*; результатом измерения СН будем считать набор вероятностей различных проявлений СН в рассматриваемом регионе;
- *аксиома*; вероятность конкретного проявления СН пропорциональна количеству людей, обладающих качествами, обуславливающими склонность человека к соответствующему поведению;
- *теорема*; сочетанием значений выделенных внутренних факторов определяется, насколько человек склонен проявлять в поведении тот или иной симптом СН; частота встречаемости каждого из таких сочетаний говорит о вероятности проявления соответствующего симптома.

Для доказательства «теоремы» надо (1) разработать способы измерения всех выделенных внутренних факторов и измерить их (для измерения каждого нужны свои ЭС и МС); (2) уточнить состав симптомов СН (типологизировать их и взять по одному симптому из каждого типа); (3) выявить, каким образом по результатам измерения внутренних факторов (по комбинациям значений рассматриваемых 4-х признаков) можно определять, какому типу симптомов будет отвечать поведение респондента. Перейдем к описанию соответствующих процедур. Здесь будут использоваться статистические и нестатистические модели, номинальный и реальный подходы к пониманию признаков, поиск латентных переменных и взаимодействий. Не все будет упомянуто в явном виде.

Типология проявлений СН. Отбор небольшого числа симптомов

Примерный список проявлений СН (её симптомов) был заимствован из литературы¹⁶. В этот список вошли такие проявления, как агрессия, ажиотажный спрос, аномия, повышение уровня конфликтности и т.д. Мы предположили, что учитывать все эти симптомы, находить вероятность

¹⁶ Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. Идеи теории измерений в современной эмпирической социологии (на примере изучения социальной напряженности) // Математическое моделирование социальных процессов. Вып. 14 С. 131–145

проявления каждого — дело трудное и ненужное. Была сформулирована гипотеза о том, что многие из симптомов вызываются примерно одинаковыми причинами и вызывают одинаковые последствия (детерминируют примерно одинаковые изменения в структуре общества). Из каждой группы схожих в этом смысле проявлений СН можно взять по одному объекту и именно с ним связывать с изменением структуры общества, именно для него считать вероятность его реализации.

При решении задачи поиска групп однородных в указанном смысле симптомов СН предполагалось, что роль в изменении социальной структуры играют не столько конкретные симптомы СН, сколько то, как эти симптомы отражают некоторые латентные переменные (предположительно считалось, что тут играет роль то, связаны ли конкретные проявления СН с реакцией отдельных людей или с процессами, охватывающими общество в целом; задействованы ли в появлении симптома эмоциональные или поведенческие аспекты человеческих установок, связаны ли упомянутые проявления СН с политической или экономической сферой и т.д.), определяющие изменения в социальной структуре. Было решено для выявления таких переменных и группировки упомянутых 39 проявлений СН в соответствующем латентном пространстве обратиться к помощи экспертов в рамках использования метода многомерного шкалирования¹⁷.

Было выделено 5 классов проявлений СН и из каждого класса выбрано по одному элементу. Полученные 5 симптомов СН были положены в основу её измерения. Для каждого из них определялись сочетания значений упомянутых выше 4-х внутренних факторов, приводящие к поведению, отвечающему этому симптому.

Далее были предложены способы измерения 4-х указанных выше внутренних факторов: фрустрация, степень осознания наличия образа врага, готовность действовать и пассионарность. При этом активно использовались проективные методы. Подробнее о соответствующих ЭС и МС также можно прочитать в упомянутых статьях.

Выше мы говорили, что все рассматриваемые ЭС объединяются в некоторую систему, опирающуюся на соответствующие теории среднего уровня. Мы не будем здесь подробно говорить обо всех теоретических аспектах, заложенных нами в процесс измерения. Коснемся только поня-

¹⁷ Об этом методе можно прочитать, например, в: *Толстова Ю.Н.* Основы многомерного шкалирования. М.: КДУ, 2006. О принципах проведения экспертного опроса и полученных результатах см.: *Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д.* О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социс. 2012. №7; *Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д.* Расширение понятия социологического измерения и его использование для измерения социальной напряженности (часть 1) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 288–299.

тия фрустрации, являющегося для нас центральным. Поясним, почему именно это понятие мы поставили в центр определения СН.

Многие авторы говорят, что к СН приводит депривация населения (существуют теории относительной депривации, экспектационной депривации и т.п.). Соответствующие взгляды отражены в приведенных нами определениях¹⁸. Однако нам представляется, что фрустрация сильнее всех видов депривации. Сами авторы разных концепций депривации пишут о том, что нередко возникают ситуации, когда депривация населения явно имеет место, а протестное поведение отсутствует. Мы полагаем, что это происходит потому, что в подобных случаях при наличии депривации отсутствует фрустрация. Для возникновения СН должна иметь место не просто депривация (не просто рассогласование ожиданий и действительности), а некоторое такое настроение общества, которое вызывает злобные, негативные эмоции людей, приводящие к протесту. Это не всегда бывает при депривации, но, на наш взгляд, практически всегда — при фрустрации.

С нашей точки зрения, СН — это фрустрированность общества как реакция на некоторое происшедшее событие (реактивная фрустрированность). И фрустрированность эта «закольцованная»: с одной стороны, фрустрируются отдельные члены совокупности, но потом этой фрустрированностью они заражают других, и процесс начинает разгонять сам себя. В какой-то момент вдруг внезапно все может угаснуть. Казалось бы, только что все друг друга «накручивали», а теперь по тому же принципу все друг друга успокаивают.

И еще один довод в защиту использования понятия фрустрации против понятия депривации можно привести. Депривация — более логичное и рациональное понятие. А СН в своих проявлениях может быть совсем не логичной. Иногда какая-то мелочь может вызвать активный протест, и с другой стороны, явно негативные события могут активной общественной реакции не вызывать.

То, что выше мы говорили насчет комплексного подхода к измерению СН, может быть повторено и применительно к понятию фрустрации. Его мы тоже помещаем в нашу схему, и оно оказывается опирающимся на разные теории среднего уровня. Одна теория объясняет, как событие может вызвать фрустрацию (это психологические теории), вторая теория объясняет, какие именно события вызывают фрустрацию (это в частности и все, что связано с депривацией), третья — как на фоне этой фруст-

¹⁸ См., например: *Куконков П.И.* Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / ННГУ. Нижний Новгород, 1996; *Растов Ю.Е.* Протестное поведение в регионе // Социс. 1996. № 6. С. 40–49; *Чернобай П.Д.* Социальная напряженность: опыт измерения // Социс. 1992. № 7. С. 94–98; *Янин С.В.* Факторы социальной напряженности в армейской среде // Социс. 1993. № 12. С. 36–50 и др.

рации человек вовлекается в коллективные действия (все теории коллективного действия здесь могут использоваться), четвертая — как реагирует общество в целом на фрустрированность отдельных его членов (анонимия) и т.д.

Принцип построения главных ЭС и МС

Напомним, что результатом измерения СН в условиях нашей теории среднего уровня должен служить набор вероятностей реализации каждого их отобранных 5-ти проявлений СН. Каждая вероятность вычисляется как доля индивидов, склонных к соответствующему поведению. Такая склонность, в свою очередь, измеряется на базе предположения, что она определяется тем, какие сочетания значений наших 4-х внутренних факторов человек имеет (см. нашу теорему).

То обстоятельство, что разные комбинации значений указанных четырех внутренних факторов детерминируют разные виды проявлений СН, было предварительно проверено нами с помощью качественных методов. Правда, к сожалению, пока мы приняли во внимание только вербальное поведение человека, а именно декларируемая готовность к протестным действиям. Изначально были сделаны логические предположения о том, какова будет готовность к протестным действиям у индивидов с различными сочетаниями значений 4-х внутренних факторов. Для проверки этих предположений было опрошено 80 респондентов. Среди присущих им сочетаний значений этих факторов оказались не все возможные сочетания. Однако для тех сочетаний, которые встретились, высказанные логические предположения подтвердились полностью. Выводы были сделаны на основе анализа текстов сочинений, написанных респондентами на тему «При каких обстоятельствах Вы приняли бы участие в протестных действиях». Проверка подтвердила, что в этом смысле отобранные признаки: пассионарность, фрустрация, готовность к действию, степень осознания наличия врага) хорошо «работают». Например, отсутствие фрустрации, готовности к борьбе и образа врага даже при высокой пассионарности являются условием, при котором человек не будет принимать участие в акциях протеста, приведем цитату из эссе такого респондента «Пока не могу представить себе такого. Я эгоистка, и проблемы общества, если они не касаются меня лично, меня не волнуют». Статистическая проверка нашего положения — дело будущего.

Статистический подход к анализу данных при заполнении пропусков

Ю.Н. Толстова, И.К. Зангиева¹

1. Статистическая и нестатистическая парадигмы в социологии как основа для выбора стратегии сбора и анализа данных

В последние десятилетия понятия «анализ данных» и «статистический анализ данных» используются как синонимы. Нам это представляется неправильным. Поясним нашу точку зрения.

Будем рассматривать анализ данных как самостоятельную науку, рядоположенную (и пересекающуюся) с математической статистикой, которая исследует набор методов, совокупности методических и методологических условий их применимости, а также методы измерения вместе с теми моделями восприятия изучаемой реальности, на которые они опираются. Анализ данных включает в себя как статистические, так и нестатистические методы². И игнорирование вопроса о том, является ли анализируемая ситуация подходящей для каждой из этих групп методов приводит к некорректности использования математического аппарата. Будем называть соответствующие ситуации статистической и нестатистической; в силу важности их различения, будем говорить о выборе статистической или нестатистической парадигмы.

В параграфе 4 мы предложим определение нестатистической парадигмы и продемонстрируем, что ответ на вопрос о том, имеем ли мы де-

¹ Толстова Юлиана Николаевна — доктор социологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии.

Зангиева Ирина Казбековна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социологии НИУ ВШЭ.

² Такой подход к пониманию анализа данных и социологического измерения подробно описан в работах: Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. М.: Научный мир, 2000; Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М.: ИДУ, 2009.

ло со статистической, либо нестатистической ситуацией, требует анализа характера исходных данных. Решение этого вопроса носит содержательный характер, ответ на него может дать только сам социолог. Мы полагаем, что априорные предположения о наличии (или отсутствии) статистической ситуации являются глубинными свойствами изучаемого социологом фрагмента реальности и могут быть отнесены к области социологической методологии³. Ранее в специальной статье, посвященной необходимости расширить традиционные представления о социологическом измерении⁴, было показано, что подобные предположения целесообразно относить к области формирования свойств изучаемой эмпирической системы. Надеемся, что это соображение получит еще одно обоснование в настоящем тексте.

2. Почему для иллюстрации действия в социологических задачах статистической и нестатистической парадигм выбрана проблема заполнения пропусков в данных?

Сформулированные выше положения будут рассмотрены применительно к проблеме, очень важной самой по себе — «борьбе» с пропущенными данными. Имеющиеся в литературе наработки в этой области носят довольно абстрактный характер. Опыт показывает, что при их использовании в социологии возникает масса вопросов, часть из которых будет рассмотрена в данной статье. Актуальность такого рассмотрения подтверждается также и тем, что в отечественной социологической литературе соответствующие вопросы не рассматриваются. В русскоязычной литературе те достижения западных авторов, о которых мы собираемся говорить, не описываются. Кроме того, мы попытаемся более четко, чем это делается в литературе, обрисовать логику процесса ликвидации про-

³ Вопрос о том, что такое методология социологического исследования, на наш взгляд, является пока нерешенным. Здесь мы не будем его подробно рассматривать. Отметим только, что этот термин используется довольно широко и, по нашему мнению, не всегда адекватно. Применительно к анализу данных, такая неадекватность проявляется в том, что к методологии относят, к примеру, и техническую проверку нормальности условных распределений в регрессионном анализе, и интересующее нас выявление того, является ли изучаемая ситуация статистической или нет. Второй вопрос — отнюдь не технический, его решение требует неформализованного, содержательного, онтологического анализа ситуации. Проверку нормальности, с нашей точки зрения, имеет смысл отнести к области методики, а неформализованный (и вряд ли формализуемый в принципе) анализ ситуации с целью выбора статистической или нестатистической парадигмы — к области методологии. Надеемся, что содержание настоящей статьи послужит иллюстрацией того, что мы называем методологией социологического исследования.

⁴ Толстова Ю.Н. Современные тенденции в области расширения представлений о социологическом измерении // Современная социология — современной России: сборник статей памяти А.О. Крыштановского. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 5–31.

пусков, соединив её с логикой действия в рамках статистической парадигмы. Это, на наш взгляд, позволит избежать некоторых недоразумений, нередко возникающих при внедрении методов «борьбы» с пропусками в практику социологических исследований. Будет также показано, что некоторые рассматриваемые положения тесно сопрягаются с некоторыми другими важными методологическими аспектами социологического исследования.

3. Подходы к «борьбе» с пропусками. Интуитивное обоснование необходимости использовать статистическую парадигму

В социологии пропуск в данных чаще всего означает отсутствие ответа респондента на тот или иной заданный вопрос анкеты, и именно такие ситуации мы используем в качестве примеров. Набор данных, отвечающих одному респонденту, мы будем называть наблюдением, а понятия полного и неполного наблюдения используем в соответствии с тем, ответил соответствующий респондент на все предлагаемые ему вопросы или не на все. В статье речь идет только о методах «лечения» имеющихся пропусков в уже собранных данных; методы профилактики, стимулирующие респондента дать ответ, остаются за рамками настоящего текста.

Известно, что проблема наличия пропусков в данных очень остра для социолога. Наличие хотя бы одного пропуска препятствует использованию почти всех известных методов анализа данных. Исключение составляют только расчет одномерных выборочных распределений и мер средней тенденции, которые могут быть рассчитаны с учетом либо всех элементов выборки, либо так называемых актеров, т.е. тех, у которых нет пропуска в значении рассматриваемого признака.

В литературе предлагается три способа «борьбы» с пропусками: исключение документов с пропусками, взвешивание выборки с целью замены пропущенных данных искусственно повторенными полными наблюдениями и искусственное заполнение отдельных пропусков⁵. Первый вариант вряд ли может устроить любого исследователя: выбрасывание значительной части собранной информации (а в социологии пропусков бывает много), естественно, может привести к неадекватности выводов, полученных на основе анализа оставшихся данных.

Два другие способа ликвидации пропусков заставляют нас использовать статистический подход к получению нового знания. Полагаем, что это интуитивно ясно, поскольку, говоря о том или ином способе «восстановления» пропущенных данных, естественно переводить все встающие здесь вопросы на статистический язык, так как вряд ли в принципе мож-

⁵ *Platek R.* Causes of Incomplete Data, Adjustments and Effects // *Survey Methodology / Statistics Canada.* 1980. No. 6. P. 93–132; *Sande I.* Imputation in Surveys: Coping with Reality // *The American Statistician.* 1982. Vol. 36. No. 3. Part 1. P. 145–152; *Rubin D.B.* Multiple Imputation for Nonresponse in Surveys. N.Y.: Wiley, 1987 и др.

но говорить о точном восстановлении пропущенного значения какого-либо признака для конкретного респондента. Как-то восстановить пропущенную информацию можно только на уровне распределения: можно стремиться к тому, чтобы так или иначе восстановленные данные имели то же распределение, что и изначально полные, для чего, по существу, и предназначены известные методы «борьбы» с пропусками. Ниже рассмотрим, как в нашем случае будет выглядеть статистический подход.

4. Что такое статистическая парадигма и каков её вид в применении к методам работы с пропущенными данными

Ранее мы уже подробно обсуждали ряд сущностных и терминологических вопросов, связанных с принятием статистической парадигмы, продемонстрировали наличие большого количества неясностей в области установления соответствия между математическим формализмом и содержательными представлениями социолога об изучаемых явлениях и пришли к выводу, что *использование статистического подхода тождественно принятию вероятностной модели порождения исходных данных*⁶. Мы не будем повторять сказанное в упомянутой статье, укажем лишь главные моменты, которые объединим с рассуждениями о понятии случайности пропусков в работах, посвященных рассмотрению проблемы пропущенных данных. Вероятностная модель порождения исходных данных чаще всего опирается на использование следующих предположений⁷:

- понятие генеральной совокупности осмыслено. Оно отождествляется с распределением изучаемой многомерной случайной величины (мы будем говорить о совокупности распределений набора одномерных случайных величин);
- из генеральной совокупности возможно «черпать» бесконечное количество случайных выборок и наша выборка — одна из них;
- каждый рассматриваемый признак — это выборочная реализация случайной величины (отождествляемой с неким распределением вероятностей встречаемости её значений);
- все наблюдаемые частоты — это выборочные оценки генеральных вероятностей.

⁶ Толстова Ю.Н. Вероятностные и невероятностные модели порождения данных в социологии // Математическое моделирование социальных процессов. М.: Спутник+, 2012. Вып. 12–13. С. 139–153.

⁷ С формальной точки зрения, мы, говоря о вероятности, опираемся на известное колмогоровское определение вероятностного пространства — триады, состоящей из множества элементарных событий, алгебры событий и вероятности, т.е. меры, заданной на событиях. Но фактически используем одно из самых популярных практических воплощений этой теоретической модели, когда относительная частота события считается выборочной оценкой его вероятности.

Под *элементарными событиями* в такой ситуации понимаются события, состоящие в том, что такой-то признак принимает такое-то значение. Другими словами, случайное событие — это выборочное значение одной из случайных величин, определяющих нашу генеральную совокупность. Какие же случайные величины-признаки мы должны принять во внимание? Ясно, что, в первую очередь, те, которым отвечают вопросы нашей анкеты, но не только: не надо забывать о наших пропущенных данных. Введем ряд определений, которые соответствуют известной из литературы логике процесса ликвидации пропусков.

Будем полагать, что в анкете задействованы две группы случайных величин, два вида распределений, каждое из которых отвечает одному анкетному вопросу. Случайные величины первой группы отражают вероятности встречаемости всех значений признака. Назовем такие *случайные величины величинами первого типа*. Случайные величины второй группы отражают вероятности ответа и неответа на каждый вопрос, такие случайные величины являются дихотомическими, будем говорить о них как о случайных величинах вида «ответ–неответ». Назовем такие случайные величины *величинами второго типа*. Их введение означает распространение статистического подхода на ту часть работы социолога, которая связана с восстановлением пропущенных данных. Именно изучение случайных величин *второго типа* дает основание грамотному выбору способа «борьбы» с пропусками, определению того, можем ли мы взвешивать части выборки или искусственно заполнять пропуски, либо же нам ничего не остается, как только выбросить наблюдения с пропущенными значениями каких-либо признаков.

5. Внешние и внутренние факторы, влияющие на вероятность неответа

Рассматриваемые методы работы с пропусками существенным образом опираются на своеобразное понятие случайности пропусков⁸, которое мы сводим к наличию *случайных величин второго типа*.

Прежде всего, мы должны четко понимать, в рамках какой модели изучаемого явления работаем. Всегда необходимо давать себе отчет в имеющихся ограничениях. В наших рассуждениях моделью респондента является совокупность его ответов на вопросы рассматриваемой анкеты (способ получения данных от респондента может быть любой). Используя её, мы как бы считаем, что всё, что в поведении респондента нас интересует (например, причины, определяющие его ответ, либо неответ на какой-либо анкетный вопрос), целиком зависит (или не зависит) от рассматриваемых качеств респондента, т.е. от его ответов на этот и другие

⁸ Little R.J.A. A test of Missing Completely at Random for Multivariate Data with Missing Values // Journal of the American Statistical Association. 1988. No. 83. P. 1198–1202.

вопросы анкеты. Подчеркнем, что мы сейчас готовим почву для разговора о способах «борьбы» с пропусками. Как мы увидим, смысл случайности пропусков определяется именно характером реакции респондента на предъявляемые ему анкетные вопросы. Это все время надо помнить.

Но, естественно, модель всегда может быть расширена. Ниже мы осуществим такое расширение, перейдя к рассмотрению причин пропусков, не связанных с ответами на вопросы анкеты и выходящих за пределы того, что в ней отражено; эти причины могут быть связаны, скажем, с методической организацией исследования, с психологическими характеристиками респондента, с социальными условиями, в которых он живет и т.д. Для удобства назовем причины пропусков, связанные с «анкетными» свойствами респондента, *внутренними факторами*. А причины неответов, не связанные с такими свойствами — *внешними факторами*.

Подчеркнем, что в число внешних факторов попадают не только такие признаки, которые вообще не имеют никакого отношения к анкете (психологические характеристики респондента), но и всякого рода ошибки в анкете (например, ошибки в формировании списка предлагаемых ответов на некий вопрос анкеты), которые исходят от самого исследователя и не зависят ни от каких случайных величин, как первого, так и второго типа. Скажем, что если рассматриваемый вопрос сформулирован некорректно и за счет этого на него многие респонденты не отвечают, то эта некорректность относится к числу внешних факторов, поскольку здесь вероятность неответа не связана с «анкетными» свойствами респондента⁹.

6. Уровни случайности пропусков в теории пропущенных данных и их связь со случайными величинами второго типа

В качестве фактора, определяющего выбор допустимого способа ликвидации пропусков, Р. Литтл предложил различать три степени случайности пропусков: неслучайные, частично случайные и полностью случайные пропуски¹⁰. Далее мы рассмотрим, как закон распределения случайной величины (ответ–неответ) реализуется в каждом из трех случаев.

Событие, состоящее в ответе или неответе респондента на некий вопрос анкеты, является выборочной реализацией соответствующей этому вопросу случайной величины второго типа. Событие мы можем трактовать как случайное, если может быть определена вероятность ответа или

⁹ Конечно, в нашем примере может оказаться, что некорректность вопроса заставляет не отвечать на него лишь какие-то определенные категории респондентов, заданные анкетой: скажем, на «ответ–неответ» мужчин эта некорректность не влияет, а вот женщины не хотят отвечать на этот вопрос. Учет подобных фактов требует специальных теоретических разработок, на которые мы здесь не претендуем.

¹⁰ Little R.J.A. A test of Missing Completely at Random for Multivariate Data with Missing Values // Journal of the American Statistical Association. 1988. No. 83. P. 1198–1202.

неответа респондентов на соответствующий вопрос анкеты, то есть когда данному событию может быть поставлена в соответствие случайная величина с известным законом распределения вероятности каждого значения (в нашем случае ответа или неответа на анкетный вопрос).

Казалось бы, проблемы здесь нет: посчитал долю респондентов, не ответивших на рассматриваемый вопрос — вот и оценка вероятности неответа. Но это кажущаяся простота. В действительности здесь появляется еще одна проблема — проблема однородности изучаемой совокупности респондентов: доли неответов могут сильно различаться у разных категорий респондентов. Как мы увидим ниже, именно это обстоятельство привело к рассмотрению трех разных степеней случайности по Р. Литтлу.

Во-первых, пропуски, возникающие при ответе на какой-либо выбранный анкетный вопрос, называются *полностью случайными* (missing completely at random — MCAR), если вероятность их возникновения не зависит ни от каких внутренних факторов: ни от истинного значения данного признака (респондент может не отвечать, но мы предполагаем, что какое-то значение соответствующего признака, пусть не известное нам, он имеет), ни от значений других признаков. Полная случайность пропусков дает нам основание считать, что случайная величина второго типа для рассматриваемого признака определена, т.е. ее распределение осмыслено и может быть оценено с помощью выборочной доли неответивших на рассматриваемый вопрос.

Во-вторых, пропуски называются *частично случайными* (missing at random — MAR), если вероятность их возникновения обусловлена известными значениями других переменных, но не связана с переменной, значение которой пропущено. Например, если вероятность неответа на вопрос о возрасте для мужчин и для женщин оказывается разной, то распределение неответов не является единым, и в таком случае пропуски не будут считаться случайными. Но стоит только разделить совокупность на подсовкупности, отвечающие тем качествам респондентов, от которых зависит указанное распределение, то положение исправится: в приведенном примере каждая из подвыборок мужчин и женщин будет иметь собственную случайную величину второго типа. Другими словами, первоначальная совокупность респондентов оказалась неоднородной, в ней, по сути, скрывались две выборки, каждая из которых соответствует своей генеральной совокупности. Первоначальная неслучайность оказалась относительной, и при разделе совокупности на две превратилась в случайность.

В-третьих, пропуски *неслучайны* (not missing at random — NMAR), если вероятность их возникновения обусловлена истинными значениями этой же самой переменной, значения которой пропущены. Например, если пожилые люди с большей вероятностью не дают ответа, чем молодые,

на вопрос о возрасте. В этой ситуации мы не можем говорить о том, что имеем дело со случайной величиной второго типа.

Согласно приведенным определениям, «полная случайность» пропусков ответов на некоторый вопрос в анкете означает независимость распределения соответствующей случайной величины второго типа (неответ) от внутренних факторов, опирающихся на величины первого типа. «Частичная случайность» ответов на некоторый вопрос означает зависимость соответствующей этому вопросу случайной величины второго типа от распределений первого типа, отвечающих другим вопросам анкеты. Другими словами, вместо случайной величины типа «ответ-нетвет» для рассматриваемого вопроса мы должны иметь дело с условными распределениями этой величины, причем условие должно задаваться значениями величин первого типа для других вопросов анкеты. «Неслучайность» пропусков в ответах на некоторый вопрос означает зависимость случайной величины второго типа для этого вопроса от случайной величины первого типа для него же.

Все сказанное выше, помимо всего прочего, иллюстрирует относительность понятия случайности: в одних ситуациях неслучайные, на первый взгляд, пропуски легко превратить в случайные (см. ниже определение «частичной случайности»), а в других такое преобразование сделать невозможно (см. ниже понятие неслучайности пропусков).

Описанная градация случайностей является практически полезной: она стимулирует исследователя в явном виде выделять ситуации, в которых случайные величины фактически отсутствуют¹¹. Как мы показали выше, принимаемая поначалу за случайную дихотомическая величина второго типа может оказаться неслучайной по двум причинам (или иными словами, отсутствие соответствующего распределения вероятностей может обнаруживаться в двух ситуациях):

1) когда выборка фактически распадается на две подвыборки, каждая из которых имеет собственное случайное распределение изучаемого признака например, рассматриваемое распределение для мужчин имеет один вид, а для женщин — другой; это — «отчасти случайные» пропуски;

2) когда вероятность неответа на рассматриваемый вопрос не может быть определена в силу отсутствия единого закона распределения случайной величины «ответ-неответ», ибо она распределена по-разному в зависимости от неизвестного — пропущенного, то есть, скрытого респондентом — варианта ответа.

Теперь свяжем понятие случайности пропусков с понятием генеральной совокупности. «Полная» случайность эквивалентна тому, что мы

¹¹ Об этом подробнее см., например: Толстова Ю.Н. Вероятностные и невероятностные модели порождения данных в социологии // Математическое моделирование социальных процессов. М.: Спутник+, 2012. Вып. 12–13. С. 139–153.

имеем дело с единой генеральной совокупностью, что, в свою очередь, выражается в том, что рассматриваемые случайные величины (и первого, и второго типа) имеют для всей совокупности (в частности, и для полных наблюдений, и для наблюдений с пропусками) единое распределение. «Частичная» случайность означает единство соответствующих условных распределений. Неслучайность означает отсутствие (операциональная несформированность) генеральной совокупности, поскольку на всем множестве респондентов явно не наблюдается единства распределений для случайных величин второго типа, а разделить массив на подвыборки со случайными распределениями мы не можем.

7. «Ликвидация» пропусков путем взвешивания

На примере покажем, что делает взвешивание. Сначала рассмотрим ситуацию, когда пропуски *полностью случайны*. Предположим, что речь идет об отсутствии ответа на вопрос о возрасте. Для простоты предположим, что на все остальные вопросы все респонденты ответили. В таком случае, как мы уже говорили, определено распределение случайной величины второго типа («ответ-неответ») применительно к возрасту, и можно полагать, что процент не ответивших является хорошей выборочной оценкой генеральной вероятности неответа на вопрос о возрасте. Скажем, оказалось, что 10 % респондентов, вошедших в выборку, не указали свой возраст. Считаем, что вероятность неответа (подчеркнем, не зависящая ни от каких других отраженных в анкете качеств респондента, одинаковая для всех) на соответствующий вопрос анкеты равна 0,1. Логика дальнейших действий такова. Предполагаем, что распределение тех респондентов, которые скрыли свой возраст, по всем рассматриваемым признакам такое же, как и у тех, кто сообщил о своем возрасте (у нас нет оснований сомневаться в этом). Последних — 90% от нашей первоначальной выборки. При взвешивании данных мы искусственно расширяем совокупность таких респондентов: случайным образом выбираем 11 % среди ответивших о возрасте (это будет примерно то же количество респондентов, что и 10 % от первоначальной выборки) и каждого из выбранных респондентов «удваиваем». Получившиеся двойники послужат заменой тех респондентов, у которых возраст был пропущен. К массиву людей, состоящих из тех, у кого изначально не было пропусков, с добавленными к ним 11 % двойников применяем запланированные методы анализа данных и считаем, что мы получаем те же выводы, которые мы получили бы, если бы неответы на вопрос о возрасте отсутствовали.

Совершенно та же логика используется, если у нас имеются пропуски по нескольким вопросам. Подчеркнем, что при реализации этой техники мы как бы восстанавливаем не сами пропущенные данные, а те распределения, которые ассоциируются с рассматриваемой генеральной совокупностью.

Теперь рассмотрим *частично случайные пропуски*. Предположим, например, что вероятность неответа респондента на вопрос о возрасте зависит от пола: среди женщин 20 % склонны не давать ответ о своем возрасте, а среди мужчин — 10 %. Положим также для определенности, что в нашей совокупности 30 % мужчин и 70 % женщин, а общее количество респондентов равно 1000. Сказанное отражено в табл. 1.

Таблица 1

Пример распределения вероятности отчасти случайных неответов

	Мужчины, кол-во (%)	Женщины кол-во (%)	Всего кол-во (%)
Всего в выборке	300 (100)	700 (100)	1000 (100)
Не ответили на вопрос о возрасте	30 (10)	140 (20)	170 (17)

Здесь уже возникают сомнения в том, что распределения случайных величин первого типа одинаковы у мужчин и женщин. Женщины имеют большую склонность скрывать свой возраст, чем мужчины. И причины этого вполне могут отражаться в их ответах и на другие вопросы анкеты. Становится бессмысленной постановка вопроса о сходстве распределений у всех ответивших и всех не ответивших на вопрос о возрасте. И таким же бессмысленным представляется заполнение 17 % неответивших (170 человек) произвольными случайно выбранными респондентами из генеральной совокупности. Но сомневаться в том, что распределения одинаковы у ответивших и неответивших мужчин и ответивших и не ответивших женщин у нас нет оснований. И вполне логичной выглядит реализация описанной ранее процедуры «восстановления» пропусков путем замены наблюдений с пропущенными данными другими, полными наблюдениями, отдельно для мужчин и женщин. Имеются основания полагать, что взвешивая соответствующим образом отдельно представителей каждого пола 140 полных наблюдений женщин и 30 наблюдений мужчин, мы сохраним вид всех генеральных условных распределений (условие — фиксация пола).

При *неслучайных пропусках* мы не можем заменять неполные наблюдения полными. В нашем примере неслучайность пропуска возраста означает, что старые люди с большей вероятностью не раскроют свой возраст, чем более молодые. В таком случае распределение соответствующей дихотомической переменной «ответ-неответ» не определено! Стало быть, мы не можем считать эту переменную случайной величиной второго типа. Поясним это с помощью табл. 2.

Допустим, что на вопрос о возрасте всего не ответили 20 % респондентов. Если мы заместим массив соответствующих неполных наблюдений случайным образом отобранными полными наблюдениями, мы почти наверняка исказим фактическое распределение по возрасту респондентов, не ответивших на этот вопрос по неизвестному нам возрасту.

Ведь если пожилые люди с большей вероятностью не отвечали, то среди неответивших с большей вероятностью будет больше пожилых, чем среди других возрастов.

Таблица 2

Пример отсутствия единого распределения вероятности неответов

Возраст, лет	15–30	30–45	45–60	> 60
Вероятность неответа на вопрос о возрасте	5 %	10 %	20 %	30 %

Аналогичный пример с признаком «доход». Предположим, что доход скрывают самые богатые. В числе же наших полных наблюдений остались в основном люди со средним и низким доходом. И как бы мы ни взвешивали полные наблюдения, мы можем лишь подменить доходы богатых доходами более бедных слоев общества. По этой же причине мы не сможем восстановить распределение и другим способом ликвидации пропусков — искусственным их заполнение (о чем пойдет речь ниже). Иного не дано. Другой информации, кроме информации о средних и малых доходах, у нас просто нет. Естественно, результатом такого «заполнения» у нас будет информация, уводящая нас в сторону от реальных параметров генеральной совокупности.

8. Ликвидация пропусков путем их искусственного заполнения

Известно несколько десятков алгоритмов заполнения пропусков. Покажем на примере одного из самых популярных методов заполнения — регрессионного моделирования пропусков¹², — что в основе этих алгоритмов лежит предпосылка о наличии единой генеральной совокупности объектов, признаки которых распределены случайно (при частичной случайности мы имеем дело с несколькими такими генеральными совокупностями).

Предположим, что респондент не дал ответа на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей работой?» с семью вариантами ответов от «совершенно не удовлетворен» до «полностью удовлетворен» с приписыванием респонденту, соответственно, чисел от 1 до 7. Будем считать эту шкалу, по крайней мере, интервальной¹³. Предположим также, что на основе полных данных мы нашли хорошую регрессионную зависимость

$$y = f(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

¹² Злоба Е., Яцкив И. Статистические методы восстановления пропущенных данных // Computer Modelling & New Technologies. 2002. № 6. С. 49–61; Titterington D.M., Sedransk J. Matching and Linear Regression Adjustment in Imputation and Observational Studies // Sankhya: The Indian Journal of Statistics. 1986. Series B. Vol. 48. No. 3. P. 347–367.

¹³ Обоснование см.: Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М.: ИДУ, 2009. С. 35–38.

где y — это удовлетворенность работой, а независимые переменные — это, скажем, уровень творческой составляющей работы, возможность раскрыть на работе свою личность, стаж, удовлетворенность отношениями с товарищами по работе, начальством и т.д. Предположение о единстве системы наших случайных величин для полных и неполных данных заставляет думать, что та же зависимость будет иметь место и для данных с пропусками ответов на вопрос об удовлетворенности работой. И, если для респондента с пропуском известны все наши независимые переменные, мы подставляем их в уравнение регрессии и находим значение зависимой переменной, которое и приписываем респонденту с пропуском, тем самым «латаем дырку».

Помимо предположения о принадлежности всех наших данных одной и той же генеральной совокупности, мы опираемся на предположение о том, что, поставив результат регрессионного анализа на место пропущенной информации, мы несильно исказили истинные (не известные нам) данные и с большой вероятностью сохранили «истинное» распределение. Ведь мы поставили вместо пропущенной удовлетворенности значение, являющееся средним для того набора значений независимых переменных, который отвечает рассматриваемому респонденту с пропуском. Если соответствующее условное распределение y -ков является нормальным (что предполагается в классических регрессионных моделях), то мы подставили наиболее вероятное для данной выборки значение зависимой переменной.

Примерно те же рассуждения справедливы и для других алгоритмов заполнения полностью или частично случайных пропусков.

В ситуации с неслучайными пропусками на примере с богатыми и бедными респондентами распределения по доходу у ответивших и не ответивших на вопрос о доходе различаются: среди ответивших доля богатых меньше, чем среди не ответивших. Поэтому заполнение пропусков на основе имеющихся данных о людях с малыми доходами нам лишь увеличит смещение распределения доходов в генеральной совокупности. Как бы мы ни старались, из данных по бедным никак не извлечем данные по богатым. Подчеркнем, что мы говорим о ситуации, когда речь идет не о точном восстановлении пропущенного значения возраста, а лишь такого восстановления этого значения, которое обеспечило бы нам сохранение соответствующих распределений. В данном случае сохранение распределения невозможно.

9. Влияние внешних факторов

на возникновение и интерпретацию пропусков в анкетных данных

В предыдущих параграфах мы рассмотрели связь между степенью случайности пропусков и способами их ликвидации. Теперь мы коснемся двух широко циркулирующих в социологическом сообществе некор-

ректных представлений о влиянии внешних факторов на случайность пропусков. Опираясь на эти ошибочные представления, социолог рискует применить некорректный способ ликвидации пропусков и, как следствие, получить при анализе данных искаженные результаты.

Во-первых, неверно думать, что, если вероятность пропуска зависит от ненаблюдаемых факторов (т.е. от внешних факторов, не охватываемых вопросами анкеты, например, от некорректного построения анкеты), то пропуски случайны. Заполнять можно только те пропуски, которые возникают независимо от внутренних факторов; зависимость или независимость пропусков от внешних факторов при выборе конкретного способа их заполнения можно игнорировать. Всякий пропуск (как и всякое другое явление) всегда имеет какие-то причины; всякое событие зависит от внешних факторов. Но это не означает, что случайных событий и случайных пропусков не бывает. Предположение о зависимости пропуска от некоторого внешнего фактора не лишает его случайности. Как мы отмечали, случайность — понятие относительное, и нас интересует только та случайность, которая связывается с возможностью рассматривать случайные пропуски как значения случайных величин второго типа, с возможностью самого построения таких случайных величин (т.е. построения соответствующих распределений). Именно наличие или отсутствие такой возможности в сочетании с независимостью вероятности возникновения пропуска от внутренних факторов позволяет (или не позволяет) нам ликвидировать пропуски путем взвешивания выборки или искусственного заполнения пропусков.

Мы определяем полную случайность возникновения пропуска при ответе респондента на какой-то вопрос в анкете как независимость соответствующей случайной величины второго типа от внутренних факторов. Внешние факторы здесь не при чем, хотя, конечно, пропуски вполне могут ими объясняться. А неслучайность возникает, когда мы не можем определить отвечающую рассматриваемому признаку случайную величину второго типа из-за того, что она зависит от случайной величины первого типа для того же признака (например, вероятность неответа на вопрос о доходе зависит от фактической величины этого дохода, которая неизвестна).

Во-вторых, неверно думать, что при определенных условиях внешние факторы могут превращать случайные пропуски в неслучайные. В методической социологической литературе можно встретить утверждение о том, что ошибка при измерении мнения респондента может быть случайной, если используется адекватный инструмент измерения, и неслучайной (систематической), если инструмент измерения приводит к систематическому смещению в ответах респондентов. Конечно, изучение причин возникновения и исключение систематических ошибок при измерении — важная задача для социолога, но ее решение не имеет ника-

кого отношения к интересующей нас случайности (неслучайности) неответа. Методические ошибки могут приводить и к смещению ответов, и к увеличению доли неответов. Однако случайность/неслучайность пропусков имеет совершенно иную природу. Если вероятность неответа зависит от истинного значения измеряемого признака респондента (зависит от внутренних факторов), пропуск нельзя считать случайным; если зависимости от внутренних факторов нет, пропуск случаен.

Скажем, если интервьюер произведёт одинаково устрашающее впечатление на всех респондентов, и те в среднем станут реже отвечать на задаваемые им вопросы, случайные пропуски не перестанут быть случайными, просто их станет больше — изменится распределение соответствующей случайной величины второго типа по всем градациям измеряемого признака.

Некоторыми из внешних факторов (например, методическими аспектами организации исследования) социолог может управлять. Естественно, если появление пропусков можно предотвратить, это надо делать. Но такое управление совсем не обязательно приведет к тому, что пропуски из случайных превратятся в неслучайные. Анализ влияния внешних факторов, обуславливающих возникновение неответов, может помочь исследователю разобраться со степенью случайности пропуска. Скажем, мы можем выявить, что вероятность ответа на какой-либо вопрос анкеты зависит от ответов на другие вопросы: например, показать, что именно женщины более склонны скрывать свой возраст, чем мужчины. Или обнаружить в целом, что разные социальные условия с разной вероятностью побуждают респондентов скрывать разные варианты ответа на определенный вопрос. Тем самым мы докажем, что имеем дело с частично случайными пропусками.

Без учета описанных обстоятельств нельзя пользоваться описанными выше способами ликвидации пропусков, предназначенными только для полностью и частично случайных пропусков. При наличии неслучайных пропусков требуется пересмотр всех процедур сбора данных для исключения неслучайности. Как бороться с неслучайными пропусками — тема отдельной статьи.

Научное издание

Проблемы подготовки данных в социологических исследованиях: Сборник статей

Отв. ред. Ю.Н. Толстова, О.А. Оберемко

Компьютерная верстка *О.А. Кацмана*
Издатель: Российское общество социологов
E-mail: methods2012@yandex.ru

Подписано в печать 24.12.2012
Усл. печ. л. 10,8.